

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

На правах рукописи

Мищенко Анна Николаевна

**ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК ОСНОВА
ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

10.02.01 Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Сегал Наталья Александровна
кандидат филологических наук, доцент

Симферополь
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА	20
1.1. Истоки прецедентности в лингвистических исследованиях XX века.....	20
1.1.1. Интертекстуальность как основа прецедентности в гуманитарных науках.....	24
1.1.2. Объем и границы понятия «прецедентность» в лингвистических исследованиях XX –начала XXI века.....	31
1.2. Методики исследования прецедентных феноменов.....	43
1.3. Мифологические образы и сюжеты как объект филологических исследований.....	50
Выводы по первой главе	54
ГЛАВА 2. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ	57
2.1. Дискурсивно-прагматический потенциал прецедентного антропонима <i>Геракл</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	59
2.2. Функционально-прагматический потенциал прецедентного антропонима <i>Прометей</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	78
2.3. Особенности реализации прецедентного антропонима <i>Гермес</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	88
2.4. Специфика функционирования прецедентного антропонима <i>Кассандра</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	95
2.5. Семантико-прагматические особенности прецедентного антропонима <i>Зевс</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	104
2.6. Семантика и прагматика прецедентного антропонима <i>Мидас</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	113
Выводы по второй главе	117

ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ» В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ: СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....	121
3.1. Семантизация ядерного компонента <i>обман</i> в русскоязычном медиадискурсе (на материале фразеологизированного прецедентного сочетания «троянский цикл»)	121
3.2. Дискурсивно-прагматический потенциал устойчивой конструкции «ящик Пандоры» с ядерным компонентом <i>бедствие</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	131
3.3. Специфика функционирования фразеологизированного прецедентного сочетания «Гордиев узел» с ядерным компонентом <i>сложность</i> в текстах русскоязычных СМИ.....	137
3.4. Ядерный компонент <i>конфликт</i> как основа реализации устойчивой конструкции «яблоко раздора» в русскоязычных политических СМИ.....	144
3.5. Функционально-прагматический потенциал устойчивой конструкции «ахиллесова пята» с ядерным компонентом <i>уязвимость</i> в русскоязычных медиатекстах.....	149
3.6. Семантизация ядерного компонента <i>страдание</i> в русскоязычном медиадискурсе (на материале фразеологизированного прецедентного сочетания «танталовы муки»)	154
Выводы по третьей главе.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	164
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	188

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики определяет тот факт, что все большую актуальность приобретают исследования, выполненные на стыке различных областей научного знания. Реферируемая диссертация лежит на пересечении интересов лингвокультурологии, медиалингвистики, теории интертекстуальности и прецедентности, а также когнитивной лингвистики – лингвистического направления, в центре изучения которого находятся языковые единицы как инструмент для репрезентации и трансформации информации, а также ее фиксации в различных формах. Данное исследование посвящено комплексному изучению прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» в русскоязычном медиапространстве.

На протяжении всего XX столетия проблема «текста в тексте» была в центре внимания представителей различных гуманитарных наук (исследования И. В. Арнольд, Р. Барта, М.М. Бахтина, Г. Блума, Ж. Дерриды, А. К. Жолковского, С. Т. Золян, И. И. Ильина, Г. Косикова, Ю. Кристевой, Н. А. Кузьминой, Г. А. Лушниковой, М. Н. Макеевой, В. А. Миловидова, Е. В. Михайловой, Л. П. Ржанской, А. Е. Супруна, М. Риффатера, И. П. Смирнова, Н. А. Фатеевой, В. Е. Чернявской, М. Б. Ямпольского и др.). Весьма актуальной она представляется и в начале XXI века (работы Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. М. Михалевой, Е. А. Нахимовой, Ю. Е. Прохорова, Г. Г. Слышкина, Ю. А. Сорокина, Н. А. Фатеевой, А. П. Чудинова и др.).

Термин «прецедентный текст» был предложен Ю. Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность» (1987). В современный лингвистический тезаурус глубоко и полно вошли и смежные понятия, в большей или меньшей степени соотносимые с данным термином. Так, наиболее широкое распространение получили понятия *прецедентный феномен*, *прецедентное имя*, *прецедентное высказывание* (Ю. Н. Караулов,

Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Е. А. Нахимова); *интертекстема, интертекст, проявление интертекстуальности* (И. В. Высоцкая, К. П. Сидоренко, О. П. Семенец); *текстовая реминисценция* (Ю. А. Воронцова, Е. Н. Золотухина, А. Е. Супрун, Н. А. Фатеева); *концепты прецедентных текстов* (Г. Г. Слышкин), *вербальные микро- и макроединицы художественного текста* (Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева); *логоэпистема* (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова); *прецедентные культурные знаки* (Ю. Б. Пикулева), *антономазия и аллюзия, метафора как разновидности риторических тропов и фигур* (Д. Б. Гудков, И. Э. Ратникова, Е. А. Нахимова, Е. С. Петрова). Такое разнообразие смежных терминов и выбор учеными конкретных единиц позволяет акцентировать внимание на определенных семантико-прагматических и функциональных нюансах, значимых для исследователя.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью комплексного и системного анализа русскоязычного медиaprостранства как составляющей языковой картины мира современного носителя русской лингвокультуры. Прагматические установки медиадискурса лежат в основе моделирования новой языковой личности, зависимой от потока влияющей на нее информации. Широкий спектр образных средств, составляющих значительный вклад в сегмент корпуса медиатекстов, нуждается в тщательном и глубоком анализе с выявлением семантико-прагматических особенностей слов и конструкций и установлением роли единиц образной системы при описании социально-политических реалий, отраженных в современном медиaprостранстве. Ключевыми при этом представляются образы, апеллирующие к исторической и культурной памяти этноса, составляющие фундамент национальной картины мира. Для русской лингвокультуры в контексте данного тезиса ценными представляются тексты классической художественной литературы, фольклора, Библии и, безусловно, тексты древнегреческих мифов. Как показывает анализ, вторичные значения

языковых единиц, апеллирующих к древнегреческой мифологии, составляют значимый сегмент русского медиапространства, являются важнейшей частью культурного наследия, так как обладают высоким ассоциативно-прагматическим потенциалом, основанном на фоновых знаниях реципиента. Частотные обращения к мифологическим сюжетам с целью оценки и анализа различных явлений объективной действительности свидетельствуют о том, что мифы представляют собой «хранилище» культурной памяти народа, его чувств и мыслей, выражаемых в медиатекстах посредством образов и ситуаций, заимствованных из древнегреческих мифов. В силу перечисленных выше факторов изучение особенностей функционирования прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ представляется весьма перспективным и отвечающим современным тенденциям в развитии лингвистической науки.

Материал исследования включает контексты из русскоязычного медиапространства с ядерными компонентами, апеллирующими к древнегреческой мифологии, за период 2009–2020 гг.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обуславливается собранной и проанализированной картотекой, объемом более 11 000 словоупотреблений языкового материала, и методологической базой, соответствующей поставленным цели и задачам исследования.

Источником анализируемого материала послужили тексты русскоязычных информационных агентств и порталов «Интерфакс», «ПРАЙМ», «РБК», «Россия сегодня», «Р-Спорт», «REGNUM», «Росбалт», «ТАСС», «Федеральное агентство новостей»; Интернет-изданий «Новая политика», «Обозреватель», «Реальная политика», «РиаНовости», «Русский дозор», «Свободная пресса» и др.; газет и журналов («Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Ведомости», «Время новостей», «Деловая столица», «День», «Завтра», «Зеркало недели», ««Известия.Ru», «Коммерсантъ», «Крымские известия», «Крымская правда», «Комсомольская правда», «Корреспондент», «Факты», «Факты и комментарии», «Фокус» и др.), сайтов

политических деятелей, записи выступлений современных политиков, характеризующиеся разной политической направленностью и рассчитанные на различную аудиторию, что делает арсенал текстов наиболее объективным.

Объект исследования – прецедентные единицы со сферой-источником «древнегреческая мифология».

Предмет исследования – особенности языковой реализации прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» в текстах русскоязычных СМИ 2009–2020 гг.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и описании семантико-прагматического потенциала древнегреческой мифологии как источника прецедентности в русскоязычном медиадискурсе 2009–2020 гг.

Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1. Обобщить и проанализировать научную литературу по проблеме диссертации.

2. Выявить особенности формирования терминологического аппарата с учетом новейших методов и подходов в описании языка СМИ.

3. Проследить динамику развития термина «прецедентность», определить его объем и границы, обозначить сходства и различия со смежными научными понятиями.

4. Установить семантико-прагматические особенности прецедентных антропонимов со сферой-источником «древнегреческая мифология» в русскоязычном медиадискурсе.

5. Проанализировать специфику реализации прецедентных конструкций, репрезентирующих мифологические образы в медиатекстах.

6. Выявить особенности адаптации исследуемых прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ.

7. С учетом денотативного, коннотативного и прагматического содержания ключевых слов-репрезентантов представить фрагмент

русскоязычного медиапространства, смоделированный прецедентными единицами со сферой-источником «древнегреческая мифология».

Исследовательская гипотеза заключается в том, что прецедентные единицы со сферой-источником «древнегреческая мифология», существенными особенностями которых являются образность и оценочность, приобретают статус значимых элементов массового коммуникативного пространства, вследствие чего регулярно подвергаются разноаспектным модификациям и расширяют спектр своих коннотативных значений, становясь средством номинации субъектов и объектов политики, социополитических реалий, признаков и атрибутов политической картины мира. Данный факт позволяет полагать, что древнегреческие мифы являются ценным фрагментом русской языковой картины мира, спроецированным в медиареальность и закрепленным в ней.

Теоретико-методологической базой исследования выступают ключевые положения, нашедшие отражение в работах, посвященных изучению следующих фрагментов языковой реальности:

- **когнитивной составляющей текстового пространства** (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, М. Джонсон, Е. В. Дзюба, Ю. Н. Караулов, О. А. Корнилов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, М. Минский, Т. Г. Скребцова, С. Г. Тер-Минасова, Ч. Филлмор, А. П. Чудинов);

- **лингвокультурологии** (Н. Д. Арутюнова, Г. Ю. Богданович, А. Вежбицкая, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Т. А. Яценко);

- **медиалингвистики** (О. В. Александрова, А. Н. Богомолов, В. В. Богуславская, М. Н. Володина, Т. Г. Добросклонская, М. Р. Желтухина, Е. В. Какорина, Н. И. Клушина, И. М. Кобозева, Э. А. Лазарева, И. П. Лысакова, Л. М. Майданова, И. С. Силантьев, С. И. Сметанина, Г. Я. Солганик, Т. В. Чернышова);

- **теории интертекстуальности** (Р. Барт, М. М. Бахтин, И. И. Белозерова, М. Л. Гаспаров, О. Н. Гришкова, Г. В. Денисова, И. П. Ильин, Ю. Кристева,

Н. А. Кузьмина, Ю. М. Лотман, И. П. Смирнов, Ю. С. Степанов, Ю. И. Тыняков, Н. А. Фатеева, Д. Чендлер, И. И. Чумак-Жунь);

- **теории прецедентности** (Н. Д. Бурвикова, Л. А. Бутахина, Л. И. Гришаева, Д. Б. Гудков, К. Н. Дубровина, М. Я. Дымарский, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулов, М. Л. Ковшова, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Е. В. Милосердова, Е. О. Наумова, Е. А. Нахимова, Ю. Е. Прохоров, Е. В. Рахилина, Н. А. Сегал, Г. Г. Слышкин, С. И. Сметанина, Р. Л. Смулаковская, Ю. А. Сорокин, А. Е. Супрун, А. П. Чудинов и др.).

В работе использованы следующие **методы и исследовательские приемы**: описательный метод для обобщения и интерпретации результатов исследования; сопоставительный метод при сборе и анализе прецедентных единиц и составлении картотеки; интерпретационный – для определения семантико-грамматических и прагматических особенностей языковых единиц; метод моделирования – для построения моделей прецедентных конструкций; метод контент-анализа – для установления образно-ассоциативных смыслов, содержащихся во внутренней форме прецедентных единиц; компонентный анализ – при описании отдельных прецедентных единиц и выявлении семной структуры слова; контекстологический анализ – для определения особенностей функционирования прецедентных единиц в медиатекстах; элементы количественного анализа – для установления частотности употребления прецедентных антропонимов и фразеологизированных прецедентных сочетаний, апеллирующих к древнегреческим мифам в текстах СМИ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В дискурсе средств массовой информации 2009–2020 гг. в качестве основных способов вербальной репрезентации общественно-политических событий используется широкий спектр образных средств, важное место среди которых занимают прецедентные антропонимы, фразеологизированные прецедентные сочетания, прецедентные высказывания, описательные

отсылки к древнегреческим мифам, выполняющие манипулятивную, эстетическую, людическую, эвфемистическую, оценочную функции. Значимым является тот факт, что функции прецедентных единиц реализуются в комплексе, однако ключевой при этом является манипулятивная функция, характерная для языка политики.

2. Репрезентация, восприятие и оценка прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология», функционирующих в текстах русскоязычных СМИ, продиктованы наличием определенных фоновых знаний у реципиента, семантико-грамматическими характеристиками самой прецедентной единицы и спецификой ее использования в медиатексте. Значительная часть употребляемых в текстах СМИ прецедентных конструкций не расценивается читателями как прецедентные, что значительно снижает прагматический эффект.

3. В дискурсе социополитических СМИ востребованы прецедентные единицы с высокой степенью образности, которые отражают ценностные ориентиры данного лингвокультурного сообщества, а также свидетельствуют о наиболее острых для представителей определенного сообщества проблемах на конкретном этапе его исторического развития. Востребованность прецедентных единиц, относящихся к тем или иным сферам культурного знания, связана с дискурсивными особенностями политических реалий.

4. Для текстов русскоязычных СМИ характерна трансформация прецедентных единиц, которая свидетельствует о «карнавализации» языка, ориентации на языковую игру, а также о стремлении авторов к самовыражению при создании контекстов. Включение прецедентных единиц в медиатекст реализуется посредством разного рода трансформаций (лексических, грамматических, структурных). При этом наиболее частотными представляются трансформации контаминированного типа, включающие одновременно изменения, связанные с разными языковыми уровнями.

5. Ключевое место среди прецедентных единиц, реализуемых в медиатекстах, занимают прецедентные антропонимы, целью которых является не только номинирование, но и имплицитная оценка ключевых фигур современного политика. Широкий арсенал ассоциаций, заложенных в образах древнегреческих богов и героев, фоновых знаний носителей русской лингвокультуры позволяют соотносить образы глав государств и известных политических деятелей с героями из древнегреческих мифов.

6. Язык политики, зафиксированный в медиатекстах, характеризуется негативной заряженностью и предполагает эксплицирование ядерных компонентов, связанных с негативными фактами и факторами в социально-политических отношениях. При реализации прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» обращает на себя внимание широкое использование фразеологизированных прецедентных сочетаний с ядерными компонентами 'обман', 'бедствие', 'сложность', 'конфликт', 'уязвимость', 'страдание'.

7. Комплексный анализ прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» позволяет представить ценный фрагмент современного медиaprостранства и охарактеризовать современную медиареальность как систему процессов и действий, социополитических сюжетов, отраженных в языке.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые проводится комплексное исследование семантической организации и особенностей реализации в медиатекстах языковых единиц, апеллирующих к древнегреческим мифам как источнику прецедентности. В диссертации раскрыт функционально-прагматический потенциал ключевых единиц-репрезентантов, определены механизмы формирования медийных текстов на основе вторичных значений слов и словосочетаний, связанных с мифологическими сюжетами.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведенный анализ материала расширяет представление о роли, критериях

выделения, типологизации и специфике функционирования прецедентных единиц в медиатекстах. В диссертационном исследовании создана база для дальнейшего анализа прецедентных единиц и описана специфика функционирования в массмедийных текстах прецедентных феноменов со сферой-источником «древнегреческая мифология». Предложенные в работе классификации, предназначенные для изучения особенностей реализации прецедентных феноменов со сферой-источником «древнегреческая мифология» в текстах русскоязычных СМИ, могут быть использованы при изучении прецедентных феноменов в разных типах дискурса. Полученные данные и сделанные на их основе выводы о специфике реализации прецедентных единиц в текстах русскоязычных СМИ имеют определенное значение для развития общей теории прецедентности.

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью дальнейшего изучения теории прецедентности, разработке новых методов анализа прецедентных феноменов. Полученные результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике (например, при подготовке специального словаря «Прецедентные феномены в современных средствах массовой коммуникации»). Наблюдения и выводы диссертационного исследования, основанные на результатах анализа медиатекстов, могут использоваться в практике преподавания русского языка, стилистики, риторики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Отдельные положения и выводы данной работы могут быть полезны в журналистской практике.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены автором в докладах на конференциях различного уровня: *на международных научно-практических конференциях и симпозиумах*: «Русский язык в поликультурном мире» (2016–2020, Ялта); «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии» (2016–2018, Симферополь); «Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности»

(20–22 октября 2016 г., Симферополь); «Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования» (14–15 декабря 2016 г., Симферополь); *на международных научных конференциях*: «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении» (2017, 2019, Симферополь); «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (10–14 октября 2018 г., Екатеринбург); *на всероссийской научной конференции с международным участием*: «Язык и социальная динамика: социальные культурные практики» (21–22 сентября 2018 г., Красноярск); *на всероссийских научно-практических конференциях*: «Исследовательские парадигмы в современной филологии» (27–28 ноября 2018 г., Краснодар); *внутривузовских конференциях*: «Кирилло-Мефодиевские чтения» (2016–2018, Севастополь, Симферополь); «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» (2016–2018, Симферополь); «Информация и общество» (30 марта 2017 г., Симферополь).

Автор является призером международного конкурса научных работ студентов, магистрантов и аспирантов «Русский язык и этнокультурная динамика» (г. Старый Оскол, 24–25 апреля 2017 года) в номинации «Когнитивно-прагматические векторы дискурсивной семантики», а также участником научного проекта по теме «Особенности формирования образов России и Крыма в русскоязычных СМИ (на материале текстов 2008–2018 гг.)», поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (грант № ВГ20/2018, Симферополь, 2018).

Результаты диссертации нашли отражение в 21-ой научной публикации, в том числе в разделе коллективной монографии, статье в сборнике Web of Science, 5-ти статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, 9-ти публикациях в сборниках, входящих в базу РИНЦ, 5-ти тезисах докладов научных конференций.

Структура и объем исследования определяется логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка использованной литературы, списка лексикографических источников. Общий объем диссертации составляет 189 страниц.

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования, доказываются его актуальность, определяется новизна, теоретическая и практическая значимость, объект, предмет, формулируются цели, задачи и основные положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

В **Главе 1 «Прецедентные феномены в лингвистических исследованиях XX – начала XXI века»** представлен анализ основных подходов к изучению прецедентных текстов как составляющих медиадискурса, определено место прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» среди других прецедентных феноменов. На основе анализа существующих работ обоснована необходимость изучения прецедентных текстов как единиц медиадискурса.

Комплексный анализ научной литературы (работы Д. В. Багаевой, Н. Д. Бурвиковой, Ю. А. Воронцовой, Л.И. Гришаевой, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Е. Н. Золотухиной, Е. Н. Канаевой, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, И. М. Михалевой, М.В. Моисеева, Е. А. Нахимовой, Е. С. Петровой, Ю. Б. Пикулевой, Ю. Е. Прохорова, И. Э. Ратниковой, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко, Г. Г. Слышкина, Ю. А. Сорокина, А. Е. Супруна, Н. А. Фатеевой) позволил установить наиболее корректное определение данного термина в контексте нашего исследования. В настоящей работе под прецедентным феноменом вслед за Д. Б. Гудковым мы понимаем единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков 1997, с. 116].

В диссертационном исследовании были выделены и интерпретированы такие термины, как *прецедентный текст*, *прецедентное имя*, *прецедентное высказывание*, *прецедентная ситуация*, предложенные Ю. Н. Карауловым, Д. В. Багаевой, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных.

Теория прецедентности сформировалась на пересечении когнитивной лингвистики и лингвокультурологии и тесно связана с теорией интертекстуальности. Опираясь на данные научных исследований конца XX – начала XXI вв., мы пришли к выводу, что термины интертекстуальность и прецедентность нельзя считать дублетами, поскольку интертекстуальность, прежде всего, представляет собой составляющую литературоведческого терминологического аппарата, тогда как прецедентность является объектом исследования лингвистической науки. Данный факт и определяет различие в исследовательских подходах и, как следствие, содержания данных терминов.

Важным при изучении прецедентных феноменов как составляющей русской языковой картины мира является выявление специфики их функционирования в дискурсах разных типов. Так, реализуясь в художественной литературе, прецедентные единицы используются для сокрытия тайного замысла автора, который должен понять читатель и таким образом оценить себя. Адресат в СМИ автоматически воспринимает прецедентный текст, который служит средством выражения оценки, выполняет функцию воздействия, а также усиливает экспрессивность, заостряет диалогичность. При этом медиатексты, в которых функционируют прецедентные феномены, ориентированы на участие респондента, поскольку присутствие «чужого слова» придает экспрессивности современному медиадискурсу, создает многоплановость восприятия, предлагает адресату активно взаимодействовать с автором. Тенденция к обогащению медиатекстов различными интертекстуальными связями и вкраплениями находит свое отражение в нашем исследовании на примере прецедентных единиц из древнегреческой мифологии, реализованных в текстах СМИ.

В современной лингвистике нет единой общепринятой методики исследования прецедентных феноменов. Основные подходы, типологии и методики описания феномена прецедентности, предложенные современными лингвистами (работы М.С. Алексеевой, Д. В. Багаевой, Л.В. Балашовой, Н.С. Бирюковой, О. С. Боярских, Е. С. Бриченковой, Л. В. Быковой, О. А. Ворожцовой, И. В. Высоцкой, Л.И. Гришаевой, Д. Б. Гудкова, А. А. Евтюгиной, И. В. Захаренко, И. П. Зыряновой, М. Ю. Илюшкиной, Ю.Н. Караулова, М. И. Косарева, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Е. А. Нахимовой, Н. В. Немировой, Ю. Б. Пикулевой, Е. Г. Ростовской, Р. Л. Смулаковской, О. А. Солоповой, А. Е. Супруна, С. С. Чистовой, В. Л. Шевченко), акцентируют внимание на таких характеристиках прецедентных единиц, как сфера функционирования, стилистический потенциал, функции в различных типах дискурса, способы кодирования (лексема, словосочетание, предложение), роль в структурной организации текста, варьирование семантики прецедентного высказывания, видоизменение лексического состава, варьирование грамматической формы, количественные изменения компонентного состава и др.

В диссертационном исследовании используется авторская методика анализа прецедентных единиц, которая включает следующие этапы:

- каталогизация прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» с установлением наиболее ценных для носителей русской лингвокультуры слов и конструкций;

- семантико-грамматическая классификация отобранных прецедентных единиц, основанная на количестве входящих в них компонентов (однокомпонентные – слова, представленные преимущественно антропонимами) и поликомпонентные (фразеологизмы и фразеологизированные прецедентные сочетания);

- сбор и характеристика языкового материала, включающего выделенные прецедентные единицы, с опорой на актуальные медиатексты;

- анализ системных отношений прецедентных единиц с выявлением новых смысловых оттенков и особенностей реализации в русскоязычном медиапространстве.

Глава 2 «Прецедентные антропонимы в текстах русскоязычных СМИ» посвящена комплексному анализу особенностей реализации прецедентных антропонимов со сферой-источником «древнегреческая мифология» в актуальном медиапространстве. Такие антропонимы отражают переосмысленные обществом мифологические сюжеты и образы, что обуславливает качественный переход имени собственного в имя прецедентное, его широкое использование в дискурсах разного типа. В диссертационной работе под «прецедентными антропонимами» понимаются имена персонажей из древнегреческих мифов, закрепленные в языковом сознании носителей русского языка и реализуемые в текстах на уровне вторичной номинации. Массмедийный дискурс использует вербальные сообщения в виде прецедентных антропонимов, отличающихся сложностью семантических оттенков, разнообразием коннотативных фонов, различными способами воздействия на адресата. Прецедентные антропонимы, функционирующие в текстах русскоязычных СМИ, анализируются в диссертации посредством авторских классификаций и не могут быть описаны унифицировано, что обусловлено не только их денотативным содержанием и особенностями семного варьирования, но и спецификой медиатекстов, в которых реализуются антропонимы *Геракл, Прометей, Гермес, Кассандра, Зевс, Мидас*, выбранные в качестве объекта для анализа. Выбор в качестве анализа прецедентных антропонимов среди всех имен собственных со сферой-источником «древнегреческая мифология» обусловлен не только их высокой частотностью в медиатекстах, но и малой изученностью, в то время как прецедентные оронимы (Олимп, Парнас), гидроним (Лета) уже становились объектами научных лингвистических исследований (работы Л. Б. Здановской, Ю. С. Коротких, Т. С. Непшекуевой, Н. А. Сегал и др.).

Формирование представлений о политической действительности посредством прецедентных антропонимов способствует изменению индивидуальной картины мира читателя, так как знания, зафиксированные в медиасфере, определены осведомленностью человека о мифологических сюжетах, а также оценкой автора медийного текста, что влияет на возникновение определенного отношения к тем или иным общественно-политическим реалиям. Динамика политической обстановки «диктует» авторам медийных текстов выбор языковых средств для отражения процесса конструирования политической действительности, ценными при этом, как показал анализ, являются образы из древнегреческой мифологии.

Глава 3 «Фразеологизированные прецедентные сочетания со сферой-источником «древнегреческая мифология» в текстах русскоязычных СМИ: семантика и особенности функционирования» посвящена анализу фразеологизированных прецедентных сочетаний со сферой-источником «древнегреческая мифология» с имплицитно или эксплицитно выраженными ядерными компонентами 'обман', 'бедствие', 'сложность', 'конфликт', 'уязвимость', 'страдание', в той или иной степени отражающие проблемы безопасности государств, противостояние политических сил и различных властных структур, угроз национальной безопасности в информационной сфере и других реалий, лежащих в основе современной политической картины мира. Такие прецедентные единицы включаются в общее культурно-историческое пространство, где сохраняют культурно значимую информацию, накопленную лингвокультурным обществом и интеллектуализируют текст, расширяя его границы и создавая новые образы. Ценным при этом представляется трансформационный потенциал фразеологизированных прецедентных сочетаний, благодаря которому конструкции получают новые смысловые оттенки, расширяют свой синтагматический, парадигматический и эпидигматический потенциал и участвуют в создании новых сюжетов и образов, отражающих характерные для социально-политической жизни реалии. С экстралингвистической точки

зрения мотивом трансформации может быть перестройка общественного сознания, произошедшая вследствие социально-политических изменений, а также стремление автора к самовыражению. С лингвистической точки зрения желание прибегнуть к разного рода трансформациям объясняется потребностью в сближении автора и реципиента в пределах медиадискурса. При этом целью трансформации является воздействие на читателя путем введения прецедентной единицы в новый контекст или посредством языковой игры. Прецедентные единицы, которые подверглись структурно-семантическим изменениям, служат средством образной оценки ситуации. На примере исследуемых фразеологизированных прецедентных сочетаний можно выявить наиболее характерные черты современной действительности, отраженные с положительной или отрицательной коннотацией: политические лидеры как спасители, профессиональная компетентность / некомпетентность некоторых политических лидеров, проявление их силы или слабости. В контекстах посредством использования прецедентных конструкций со сферой-источником «древнегреческая мифология» с иронической окраской отражаются проблемы бездействия представителей власти, невыполнение обещаний, равнодушие; воинственный характер политиков, их враждебность и агрессивность по отношению к конкурентам и др. Анализ семантики и особенностей функционирования фразеологизированных прецедентных сочетаний со сферой-источником «древнегреческая мифология» позволяет представить круг актуальных для данного периода политических реалий, выявить особенности их коннотации и интерпретации.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются возможные перспективы дальнейшего изучения актуальных прецедентных единиц.

Список литературы включает 231 позицию (из них 19 позиций – лексикографические источники разного типа).

ГЛАВА 1. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Антропоцентрическая парадигма определяет возникновение новых объектов исследования, в полной мере отражающих языковую картину мира членов современного общества. Как показал обзор научной литературы, одной из ключевых единиц, формирующей терминологический аппарат современной лингвистики, являются прецедентные феномены.

В данной главе предлагается систематизация и анализ исследований, направленных на изучение прецедентных единиц в текстах русскоязычных СМИ. В работе рассматриваются подходы отечественных и зарубежных исследователей к интерпретации понятий *«интертекстуальность»* и *«прецедентность»*, характеризуются ключевые смежные с ними термины, сравниваются существующие методики изучения прецедентных феноменов.

1.1. Истоки прецедентности в лингвистических исследованиях XX века

Появление новых образов и сценариев, расширение арсенала медийных продуктов, направленных на формирование общественного мнения, предполагают широкое использование образных средств. Как справедливо отмечают исследователи, в массмедийных текстах наблюдаются две противоположные тенденции: «С одной стороны, стремление к максимальной свободе и проявлению творческой индивидуальности автора; с другой, – активное использование уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет хотя бы отчасти скрыть авторскую субъективность и соотнести свой текст с существующим» [Нахимова 2011, с. 5]. Такие тенденции привели к возникновению теории *прецедентности* – направления, изучающего «культурную память» народа посредством известных и культурно маркированных единиц. Прецедентные имена

вмещают в себя определенную информацию, известную всем представителям целевой аудитории, и ассоциативно-образный потенциал, формирующий читательское мнение. Именно прагматическая установка прецедентных единиц и представляет наибольшую ценность для автора медийного текста.

Необходимым иллюстративным средством организации становятся контексты политического дискурса, которые формируются за счет прецедентных единиц. *Прецедентные феномены* создают необходимые условия для протекания процессов воспроизводства власти на основе эффекта узнавания. Кроме того, «особую роль в формировании контекстов политического дискурса играют СМИ, создающие эффекты дистанцированности и театральности в дискурсе» [Переверзев 2008, с. 78].

Раньше всех к изучению понятия *прецедентности* обратился исследователь Ю. М. Лотман, который пишет: «Культура в целом может рассматриваться как текст» [Лотман 1992, с. 121–122]. Но для него было важно подчеркнуть, что это не просто текст, это тексты в тексте со сложной иерархией. Представление о тексте как о единообразно организованном смысловом пространстве дополняется ссылкой на вторжение разнообразных случайных элементов из других текстов [Лотман 1992, с. 121–122].

Впервые термин *«прецедентный текст»* был введен в научный обиход в 1987 г. известным российским ученым Ю. Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность», под которым он понимал текст, «существующий в межпоколенной передаче – сказки, мифа или былины, легенды, притчи, анекдота (в устной традиции) и классических текстов письменной традиции – памятников, произведений классической художественной литературы и других видов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи)» [Караулов 2010, с. 54]. При этом Ю. Н. Караулов отмечает, что «языковой способ выражения *прецедентного текста* может совпадать с цитатой, ставшей крылатым выражением, именем собственным, служащим не только обозначением художественного образа, но актуализирующим у адресата коннотации, связанные с соответствующим

прецедентным текстом» [Караулов 2010, с. 54 – 55]. Лингвист впервые определил ряд признаков, которыми должен обладать *прецедентный текст* «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2010, с. 216].

Наряду с синтаксическим и лексическим уровнями языка ученый выделяет *прецедентный*, т.е. собственно текстовый, в котором текст представляется определенным универсализированным понятием, включенным в какое-либо пространство следующего уровня. По утверждению Ю. Н. Караулова, мы живем в мире текстов, разнообразных по жанру, содержанию и тематике, а для доступности, ясности в передаче информации автор ищет яркие и выразительные языковые средства (метафоры, аллюзии, крылатые выражения, цитаты, имена собственные), которые позволят воздействовать на читателя [Караулов 2010, с. 216].

Таким образом, именно Ю. Н. Караулов стал основоположником изучения прецедентных феноменов и заложил основы теории прецедентности. Именно его классификация является классической в современной лингвистике.

В ходе изучения теории прецедентности сформировалось несколько подходов к ее толкованию, которые мы рассмотрим далее в нашей работе.

Так, с точки зрения литературоведения *прецедентные феномены* рассматривает Е. О. Наумова, рассматривая прецедентные тексты в двух основных категориях: «функционирующие в бытовом языковом сознании, которые составляют национальный корпус прецедентных текстов, способы их хранения в языковом сознании и варианты актуализации в дискурсе языковой личности, способы формирования концептов прецедентных текстов, роль прецедентных текстов в формировании ценностных установок», а также «функционирующие в публицистическом дискурсе (их

роль в формировании идиостиля творческой личности журналиста, в создании языковой игры, в формировании «имиджа» печатного издания)» [Наумова 2004, с. 47]. Ученый рассматривает текст как семиотическую категорию и, следовательно, *прецедентный текст* трактует в широком понимании как «всякое крупное явление конкретной национальной культуры, которое известно абсолютному большинству ее носителей, апеллирование к которому относительно часто осуществляется в речи носителей, отсылки к которому являются понятными и легко дешифруются адресатом речи» [Наумова 2004, с. 57]. Данный тезис свидетельствует об объединении прецедентных феноменов (невербальных и вербальных) в одну группу, которая включает произведения искусства, культурно значимые предметы, события, формулы поведения, ритуалы и др., а также собственно языковые единицы.

Рассматривая *прецедентные тексты*, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации Ю. Б. Пикулева предлагает данные феномены объединить в «прецедентный культурный знак», «отражающий семиотическую (символическую) природу означаемого, соотнесенность с национально-культурными фоновыми знаниями и активное включение в современный коммуникативный процесс» [Пикулева 2003, с. 6].

А. Д. Васильев отмечает, что степень *прецедентности текста* зависит от количества паремий, следовательно, чем больше пословиц и поговорок функционирует в тексте, тем выше степень его прецедентности [Васильев 2013, с. 45].

Таким образом, широкое понимание прецедентности имеет схожие черты с текстами, рассматриваемыми в теории интертекстуальности. Так, в качестве прецедентных рассматриваются любые тексты или высказывания, относящиеся к предшествующим текстам, а прецедентные имена функционируют как знаки, отсылающие читателя к другим именам собственным.

Формирование и закрепление термина *«прецедентный текст»* в отечественной лингвистике относится к концу 80-х годов XX века, однако именно сейчас исследование данного феномена все больше привлекает внимание ученых, которые приходят к выводу, что *«прецедентные тексты»* представляют собой важную часть национальной языковой картины мира: они задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим»» [Немирова 2003, с. 146–56].

Опираясь на труды и развивая идеи Ю. Н. Караулова, отечественные лингвисты трактуют *понятие прецедентности* более узко, говоря о различных типах прецедентных феноменов. Наряду с прецедентным текстом они рассматривают прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание, прецедентное имя, а также предлагают различные классификации понятия прецедентности на основе их формы, структуры, функций, которые рассмотрены в последующих параграфах диссертации.

1.1.1. Интертекстуальность как основа прецедентности в гуманитарных науках

Проблема интертекстуальности, как отмечают ученые, является одной из самых актуальных в современных лингвистических исследованиях (Р. Барт, М. М. Бахтин, И. И. Белозерова, М. Л. Гаспаров, О. Н. Гришкова, Г. В. Денисова, И. П. Ильин, Ю. Кристева, Н. А. Кузьмина, Ю. М. Лотман, И. П. Смирнов, Ю. С. Степанов, Ю. И. Тыняков, Н. А. Фатеева, Д. Чендлер, И. И. Чумак-Жунь и др.). При этом комплексный анализ существующих работ позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день нет единого понимания термина *интертекстуальность*. Каждый ученый, изучающий явление интертекста, интерпретирует его с собственной позиции, наделяя текстовые единицы определенными характеристиками.

По мнению некоторых исследователей, теория *интертекста* лежит в основе теории М. М. Бахтина о диалоговой концепции и смысловой полифонии художественного текста, теории Ю. Н. Тынянова о пародии, теории Ф. де Соссюра об анаграммах. Таким образом, теория интертекстуальности основана на двойственности, в основе которой две науки – литературоведение и лингвистика.

В соответствии с теорией М. М. Бахтина «наша речь, включая творческие произведения, состоит из чужих, когда-то и кем-то уже произнесенных слов» [Бахтин 1986, с. 250 – 252]. Таким образом, ученый аргументирует мнение о «диалогичности» художественного текста, рассматривая его как ответ (явный или неявный) на уже известный текст.

Теория Ю. Н. Тынянова основывается на тезисе о том, что на создание нового текста оказывают влияние заимствования, объясняющиеся процессом пародирования, в широком смысле рассматриваемый как введение компонентов текста из одной системы в другую (из литературного произведения-«предшественника», из быта – в литературное произведение). Ученый подчеркивал, что «эволюция литературы <...> совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции», что и является пародированием, изменением значения, трансформацией «старого» [Тынянов 1977, с. 292].

Согласно предложенной Ф. де Соссюром теории анаграмм любой знак рассматривается как текст, который вводится в новый текст не явно и нуждается в дальнейшем распознавании.

Изучение понятий *интертекст* и *интертекстуальность* продолжилось в трудах теоретиков структурализма и постструктурализма (Р. Барта, А. Ж. Греймаса, Ж. Дерриды, Ж. Лакана, М. Фуко и др.), в которых с письменным текстом отождествлялось сознание человека как единственный, по мнению ученых, наиболее достоверный способ его фиксации. В результате литература, культура, общество, история и сам

человек стали рассматриваться постструктуралистами как текст, имеющий определенные характеристики.

Понятие *интертекстуальности* впервые появилось в трудах Юлии Кристивой, известной ученицы Ролана Барта и теоретика постструктурализма в 1967 году, которая под данным термином понимала «такую текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [Кристева 1995, с. 225].

Первоначально термин «*интертекстуальность*» был введен для анализа постмодернистских художественных текстов, но затем его применяли с целью описания специфики существования литературы или исследования конкретного текста, и со временем стал основополагающей составляющей постмодернизма, его структурным принципом [Сметанина 2002, с. 87].

Тезис Ю. Кристевой о том, что *интертекст* это «присутствие в текстах элементов других текстов» вызвал огромный резонанс среди ученых, привлек интерес к теории интертекстуальности, а сам термин «*интертекстуальность*» получил разнообразные интерпретации, уточнения и дополнения.

Общепринятую формулировку понятиям «*интертекстуальность*» и «*интертекст*» предложил Р. Барт. По утверждению ученого, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных

формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Барт 1989, с. 417–418].

Рассмотрение текста как «раскавыченной цитаты» поддерживается Д. Чендлером, который говорит, что «никто сегодня, даже в первый раз, не может прочитать известный роман или стихотворение, посмотреть на известную картину, рисунок или скульптуру, прослушать известное музыкальное произведение или просмотреть известную пьесу или фильм, не зная о контексте, в котором этот текст был создан, о том, откуда этот текст взят, о том, когда на него делаются аллюзии, и пародии и т.д. Такие контексты создают основу, к которой читатель не может не обращаться, интерпретируя текст» [Чендлер].

Говоря о текстах в тексте, Ж. Женетт пишет о типах взаимодействия текстов и выделяет следующие их разновидности: интертекстуальность (совместное существование нескольких текстов в одном), паратекстуальность (предполагает возможность разделения текста на составляющие – текст, заголовок), метатекстуальность (критическое комментирование одного текста другим), гипертекстуальность (пародирование или имитация одного текста другим), архитекстуальность (связь текста с категориями жанра, рода) [Женетт, 1998, с. 338 – 340]. Д. Чандлер отдельно рассматривает гипотекстуальность как вид транстекстуальности, под ним он понимает «отношения между текстом и предшествующим ему гипотекстом; сюда относятся, например, пародия, сиквел, перевод» [Чандлер, с.169].

Для нашего исследования интерес представляет точка зрения Ю. М. Лотмана, который отмечает, что «созданный автором текст оказывается включенным в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщенных опытом предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровать информацию, заключенную в тексте» [Лотман 1970, с. 357]. Таким образом, включение в

текст фрагментов из другого текста является одним из стилистических приемов, которым пользуются авторы произведений.

Альтернативой перечисленным выше подходам является трактовка термина «*интертекстуальность*», согласно которой ученые причисляют интертекстуальность к основным категориям текста, наряду с категориями автора, персонажа, читателя, пространства, времени, начала и конца (Дэвид Лодж).

В таком же ключе *интертекстуальность* рассматривается С. И. Сметаниной при анализе медиатекстов. Языковые проявления интертекстуальности определяются как «присутствие в тексте определенного функционального стиля элементов разных стилистических потенциалов, в результате чего образуются контаминированные высказывания, преодолевающие границы одного стиля – интерстилевое тонирование изложения» [Сметанина 2002, с. 108]. Для текстовых проявлений *интертекстуальности* в медиатексте вводится термин «цитатное письмо», который определяется как наличие цитат (ведение чужих слов или целых фрагментов высказывания), реминисценций (напоминание фразы из другого текста), аллюзий (создание историко-культурного контекста через топоним, антропоним, значимую дату и др.). При этом, как утверждает С. И. Сметанина, «не претендуя на сообщение новой информации, цитаты отсылают читателя к уже известному с целью развить мысль, подкрепить свою мысль, выразить несогласие. Цитатное письмо участвует в организации нового смысла, опираясь на фоновые знания, но не обязывает по-особому компоновать авторскую концепцию, образ героя, событие в тексте» [Сметанина 2002, с. 110].

Вслед за Ю. Кристевой и Р. Бартом, отечественные ученые предлагают свои определения для обозначений связей между текстами. Так, И. П. Смирнов, объясняя *интертекстуальность*, говорит о том, что «смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того

же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Смирнов 1995, с. 11].

В ходе изучения интертекстуальности Н. Н. Белозерова придерживается более широкого понимания интертекстуальности, рассматривая ее как «отношение вновь создаваемого текста к созданным ранее текстам» [Белозерова 1999, с. 24].

И. В. Арнольд под *интертекстуальностью* понимает «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд 2010, с. 351].

Н. А. Кузьмина, определяет *интертекстуальность* как «диалог текстов, маркированный определенными языковыми сигналами» [Кузьмина, 2007, с. 20], предпочитает не указывать конкретные средства распознавания интертекстуальности, что может быть объяснено тем, что включение цитат, реминисценций и аллюзий не является исчерпывающим списком интертекстовых включений.

Н. А. Фатеева не дает прямого определения *интертекстуальности* как явления, однако указывает на ее особенности и свойства, описывая типы проявлений в тексте. Например, она выделяет два типа интертекстуальности – авторскую и читательскую [Фатеева 2000: 16].

И. П. Смирнов под *интертекстуальностью* понимает «слагаемое широкого родового понятия, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1995, с. 11]. Согласно этой точке зрения, любой текст является *интертекстом*, следовательно, *интертекстуальность* влияет на порождение смысла текста.

И. И. Чумак-Жунь утверждает, что «успешное разграничение категорий «интертекстуальность» и «интертекст» возможно при условии их соотнесенности с исходным понятием – «текст». Если интертекстуальность,

по мнению ученого, это одно из имманентных свойств текста, которое обнаруживается в различных текстовых знаках (кавычки, цитирование, ссылка и т.д.), то интертекст – это совокупность текстов, содержащих отсылки к общему источнику или друг к другу, то есть имеющих общую пресуппозицию» [Чумак-Жунь 2011, с. 254].

Каждый из описанных выше подходов играет значимую роль в развитии теории *интертекстуальности*. Несмотря на то, что исследователи используют различную терминологию (интертекстуальность, цитатное письмо, текстовые реминисценции) и подвергают анализу различный языковой материал (художественная литература, публицистические и научные тексты), в сделанных ими выводах и обобщениях четко прослеживаются точки пересечения и аналогичные идеи, что говорит об универсальности описываемых механизмов.

Кроме этого, исследователи в большей или меньшей степени обращают внимание на то, что в текстах присутствуют ссылки не только на явления собственно лингвистической природы (цитаты, аллюзии, крылатые выражения и т.д.), но и на экстралингвистические факторы (события из жизни автора, значимые даты, важные географические названия). С точки зрения преодоления этой двойственности, а также создания единого терминологического аппарата и целостной универсальной системы анализа интертекстуальных связей между текстами, особый интерес представляет подход к готовым знакам из «чужих» текстов как к прецедентным феноменам, которые включают в себя дополнительную языковую и внеязыковую информацию, играющую существенную роль при интерпретации смысла текста и замысла автора. В когнитивной лингвистике языковые единицы, содержащие, кроме денотативного значения, особую семантическую информацию, а также отражающие категории национальной культуры, наиболее часто определяются как *прецедентные феномены*.

Среди традиционных основных функциональных стилей речи (научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный)

прецедентные единицы реализуются, прежде всего, в художественном и публицистическом. Отметим, что научный текст предполагает однозначность формулировок и их бесспорность, а значит, отсутствие намеков, что не является характерным для *прецедентности*. Как показывает анализ, в текстах разных жанров наблюдается неодинаковая функциональная значимость прецедентных единиц и смежных категорий. Так, в художественном тексте аллюзии применяются для расширения кругозора читателя и повышения читательского интереса, в медиатекстах – с целью манипулирования. Любой *прецедентный текст* в художественных произведениях используется для сокрытия тайного замысла автора, который должен понять читатель и таким образом оценить себя. В медиатекстах читатель автоматически воспринимает *прецедентный текст*, который служит средством выражения оценки, выполняет функцию воздействия. Современные тексты русскоязычных СМИ являются ярким примером творческого подхода авторов, которые зачастую прибегают к использованию аллюзий, образных выражений, лексических единиц в метафорическом переосмыслении. Эта тенденция к обогащению медиатекстов различными интертекстуальными связями и вкраплениями находит свое отражение в нашем исследовании на примере прецедентных единиц из древнегреческой мифологии, реализованных в текстах СМИ.

1.1.2. Объем и границы понятия «прецедентность» в лингвистических исследованиях XX – начала XXI века

Как показывает проведенный в предыдущем параграфе анализ, термины *интертекстуальность* и *прецедентность* нельзя считать дублетами, поскольку интертекстуальность, прежде всего, литературоведческое понятие, которое в лингвистическом аппарате становится основой теории прецедентности. Прецедентность применяет свои понятия и категории и расширяет терминологический аппарат за счет новых

единиц. Так, прецедентная единица – средство создания интертекста, а интертекстом можно назвать любой текст. Интертекстуализмы отсылают читателя к уже известному тексту, а не к определенному набору отличительных признаков и коннотаций, лежащих в основе прецедентного феномена и хранящихся в когнитивной базе языковой личности [Хорохордина, с. 332]. По мнению М. В. Золотарева, «при использовании *прецедентных феноменов* их связь с исходным текстом часто не играет существенной роли, на первый план выступает скорее их смысл и значение, скрытое в них» [Золотарев 2017, с. 10].

Термин «*прецедентный феномен*» находится на стадии формирования, поэтому в диссертационном исследовании представляется необходимым рассмотреть различные дефиниции исследуемого термина в трудах исследователей.

В зависимости от того, к какому научному направлению относится тот или иной исследователь, в качестве синонима термина *прецедентный феномен* ученые используют следующие понятия: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация (Ю. Н. Караулов, Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных); интертекстема, интертекст, проявление интертекстуальности (К. П. Сидоренко, О. П. Семенец, Е. А. Нахимова); текстовая реминисценция (Ю. А. Воронцова, Е. Н. Золотухина, Ю. Е. Прохоров, А. Е. Супрун, Н. А. Фатеева); вербальные микро- и макроединицы когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти (Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева); концепты прецедентных текстов (Г. Г. Слышкин); логоэпистема (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова); прецедентные культурные знаки (Ю. Б. Пикулева), антономазия и аллюзия, метафора как разновидности риторических тропов и фигур (Д. Б. Гудков, И. Э. Ратникова, Е. А. Нахимова, Е. С. Петрова).

Как показал анализ, вышеперечисленные термины не всегда тождественны по содержанию, однако имеют общие компоненты значения. Такое расхождение в определении термина объясняется использованием ключевого для всех определений понятия *«прецедентный»*, которое трактуется и понимается с некоторыми различиями.

По мнению В. В. Красных, «разница касается, в первую очередь, самих анализируемых феноменов и «степени» (в других терминах – «глубины») прецедентности» [Красных 2002, с.128]. Еще более важным является факт, который описывает Е. А. Нахимова. Она считает, что «каждый термин используется в конкретной научной парадигме, тем самими отражает характерную систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых имен для этой парадигмы, на взаимоотношения этих имен с текстом и их функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие соответствующего имени на адресата» [Нахимова 2007, с.16]. По ее мнению, представители различных научных направлений соглашаются лишь в том, что исследования *прецедентности* имеют давние традиции, но особенно характерны для современных массмедийных текстов.

В современных лингвистических исследованиях пристальное внимание ученых направлено на феномены, которые в лингвистике определяются как *прецедентные*. Для того, чтобы единица стала прецедентной, она должна соответствовать критериям *прецедентности*, которые были описаны в исследованиях Ю. Н. Караулова и дополнены его последователями Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Багаевой.

Ю. Н. Караулов определял *прецедентные феномены* как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2010, с. 216]. По мнению ученого, прецедентные тексты являются «хрестоматийными», так

как любой представитель лингвокультурного сообщества знает их содержание, а значит, включен в сферу действия современной культуры. Незнание содержания прецедентных текстов свидетельствует о недостаточной вовлеченности в историческую эпоху и культуру.

Очередным этапом исследования прецедентности может стать теория прецедентных феноменов, созданная Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. В. Багаевой.

Опираясь на точку зрения Ю. Н. Караулова, Д. Б. Гудков определяет *прецедентные феномены* как единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков 1997, С.102].

В свою очередь В. В. Красных подчеркивает, что *прецедентный феномен* должен быть 1) «хорошо известным всем представителям» лингвокультурного сообщества, 2) «актуальным в когнитивном плане», а 3) апелляция к нему должна «постоянно возобновляться в речи представителей сообщества» [Красных 1997б: 9].

И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева, используя термин Ю. Н. Караулова, детально рассматривают и систематизируют *прецедентные феномены*, определяя их следующим образом: «прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке» [Захаренко 1997, с. 82].

Продолжая теорию Ю. Н. Караулова, А. А. Евтюгина пишет, что «*прецедентный текст* является минимальным культурным знаком, выполняющим специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду» [Евтюгина 1995, с. 4].

Сегодня к этому определению близко понимание *прецедентных текстов* исследователя О. В. Лисоченко, который определяет их следующим

образом: «...прецедентный текст – это некий текст, существующий как таковой в литературной и/или иной действительности и включенный как хранящийся в памяти говорящего или пишущего в производимый им текст» [Лисоченко 2007, с. 23].

А. А. Адзинова рассматривает *прецедентный текст* в широком смысле, определяя его как все то, что ранее имело место в процессе письма и говорения. Она выделяет понятие «*прецедентизмы* – единицы речи, содержащие прецедентность, источниками которой являются разные типы воспроизводимых, устойчивых в коммуникации социокультурно значимых имен и высказываний» [Адзинова 2007, с. 11].

Несколько иначе трактует *прецедентные тексты* С. Лещак, который предлагает считать *прецедентными текстами* «именно воспроизводимые предикативные знаки – клишированные предложения (сентенции, присказки, поговорки, пословицы, афоризмы, речевые штампы) и клишированные тексты (стихотворения, анекдоты, присяги, клятвы, молитвы и т.п.)», при этом разграничивая два способа употребления прецедентных текстов – формальный (механическая цитация) и содержательно-смысловой [Лещак 2010, с. 32–33].

Еще одно определение *прецедентного текста* предлагает Л. В. Моисеенко, под которым понимает «рекуррентный фрагмент любого дискурса (художественного, публицистического, рекламного), который закреплен в сознании языковой личности и функционирует в дискурсе как культурный знак в соответствии с интенциями говорящего» [Моисеенко 2012, с. 16].

Формирование понятия *прецедентного феномена* прошло несколько этапов, которые ученый М. В. Моисеев обозначает так: «Появление определенной единицы (текста, имени) и закрепление ее, с последующими частыми обращениями (апелляциями) к ней носителей данного языка и культуры [...] текст или имя становятся элементами когнитивной базы среднего представителя лингвокультуры» [Моисеев 2016, с. 143].

Всякое рассмотрение *прецедентных феноменов* закономерно начинается с определения их сущности и характеристики их основных типов. При анализе практического материала мы будем оперировать терминами, авторское понимание которых в предлагаемом исследовании базируется на определениях Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Багаевой, которые предложили разграничивать следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена.

Так, в современной лингвистике под *прецедентным текстом* понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества» [Русское культурное пространство 2004, с.16].

Термин *прецедентная ситуация* обязан своим появлением В. В. Красных. Согласно ее определению, *прецедентная ситуация* – это «некая «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности» [Красных 2002, с. 60]. Ученый выделяет следующие признаки, по которым ситуация может быть названа прецедентной: «во-первых, хорошо знакома носителям определенного ментально-лингвального комплекса; во-вторых, актуальна в когнитивном плане, т.е. имеет инвариант восприятия, в который входят определенные, минимизированные и национально-детерминированные знания и представления о самой ситуации, включающие в себя, в том числе, и коннотации, с данной ситуацией связанные; в-третьих, апелляции, к которой частотны (как правило, или потенциально) в коммуникации представителей данного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2002, с. 60].

По определению Д. Б. Гудкова *прецедентная ситуация* – «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных представлений о самой ситуации и об участвующих в ней, которая известна «практически всем

социализированным представителям» лингвокультурного сообщества [Гудков 2000: 40].

Прецедентные тексты и прецедентные ситуации могут быть введены в дискурс при помощи *прецедентного высказывания* или *прецедентного имени* [Красных 2002: 47].

Прецедентное высказывание является «репродуцируемым продуктом речемыслительной деятельности, законченной и самодостаточной единицей, которая может быть и не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений» [РКП 2004, с.17].

Прецедентное имя понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие» [Красных 2002: 48].

Отметим, что Е. А. Нахимова в монографии «Прецедентные имена в массовой коммуникации» (2007) разделяет точку зрения В. В. Красных по определению прецедентных имен. Е. А. Нахимова определяет контекстные критерии прецедентного имени, рассматривает принципы классификации прецедентных имен, выделяет прецедентные онимы, сферы-источники прецедентности и детально описывает некоторые из них.

Д. Б. Гудков, говоря о *прецедентном имени*, подчеркивает связь имени с «широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имени-символа, указывающего на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 2003, с. 148].

Статусом *прецедентных*, как отмечают исследователи, «обладают те индивидуальные *имена*, которые входят в когнитивную базу, т.е. инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного сообщества» [Бобырева 2014, с. 262–263].

Разрабатывая теорию прецедентности, исследователи предлагают уникальные термин для широкого понимая прецедентности. Одним из таких уникальных терминов является *прецедентный мир*, возникновение которого обусловлено междисциплинарным характером прецедентных феноменов (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, межкультурной коммуникации).

Так, по определению Л. В. Балашовой, *прецедентный мир* – это «комплексные лингвоконцептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные феномены» [Балашова 2008].

В свою очередь Г. Г. Слышкин понимает *прецедентный мир*, как «сложный элемент концептосферы, объединяющий концепты единичных прецедентных феноменов, находящиеся в системной взаимосвязи и регулярно функционирующие в коммуникации в различных комбинациях друг с другом; при этом «концептуализируемые прецедентные миры могут быть плодом авторского воображения и входить в сознание носителей культуры в результате знакомства с художественными текстами» [Слышкин 2004].

Исследуя проблемы прецедентности на материале современной публицистики, Н. В. Немирова выделяет следующие понятия:

- *прецедентные цепочки* – «группа прецедентных единиц, где каждый из предыдущих является непосредственным источником последующего» [Немирова 2003, с. 153];

- *прецедентные парадигмы* – «группа прецедентных феноменов, восходящих к одному и тому же источнику» [Немирова 2003 с. 153];

- **прецедентные контаминанты** – «высказывания, восходящие одновременно к двум прецедентным источникам» [Немирова 2003, с. 153].

Нельзя не отметить еще одно дополнение к теории прецедентности, введенное Т. Н. Тимофеевой, – понятие **прецедентной модели**, под которой она понимает «единицы научного дискурса, широко распространенные в определенном социуме» [Тимофеева 2008, с. 187].

Вслед за ними И. В. Высоцкая выделяет «**прецедентное событие, прецедентную дату, прецедентный знак** (на графическом уровне), прецедентный стиль, предполагающий пародирование и намеренную стилизацию, прецедентный жанр как воспроизведение дискурсной формы в нехарактерном дискурсе, а также прецедентные феномены невербальной или поликодовой природы – **прецедентное изображение, звучание и образ**» [Высоцкая 2013, с. 118].

Л. И. Гришаева считает нецелесообразным выделение прецедентных текстов, прецедентных ситуаций и прецедентных имен из общего понятия **прецедентных феноменов**. По мнению ученого, «рационально выделять среди **прецедентных феноменов** отдельные их типы только для специального анализа, причем еще необходимо выработать систему критериев, опираясь на которые можно последовательно разводить соответствующие виды прецедентных феноменов» [Гришаева 2003, с. 27].

Факт терминологического разнообразия вполне закономерен, так как «проблема **прецедентности** является одной из актуальных и одновременно дискуссионных проблем в современной филологии, далеко выходящей за рамки собственно лингвистического или литературоведческого анализа» [Попова 2004, с. 9].

Кроме терминов интертекстема, интертекст, проявление интертекстуальности, рассмотренных в параграфе 1.1.1, в качестве смежных категорий в современных филологических исследованиях предлагаются другие термины.

В понимании Ю. А. Сорокина и И. М. Михалевой *прецедентный текст* – это своего рода *номены*, но определенного характера: это могут быть вербальные микро- и макроединицы, указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения, которые имеют избирательные признаки. Эти признаки могут «сопоставляться с другими признаками (заимствованными и оригинальными) для создания эстетической видимости, своего рода типологического образа» [Сорокин 1993, с. 104]. При этом, по мнению автора, в роли прецедентных текстов могут выступать также заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений.

Определение *прецедентного текста* расширяет Г. Г. Слышкин, который считает, что прецедентный текст – «любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин 2000, с. 29]. Ученый отмечает, что при исследовании прецедентных текстов их нужно понимать несколько шире, говоря о количестве носителей прецедентных текстов. Он выделяет прецедентные тексты для узкого круга людей (прецедентный семейный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.), прецедентные тексты определенного периода (рекламный ролик, анекдот). Г. Г. Слышкин подчеркивает, что «*прецедентный текст* всегда формирует *концепт*, то есть социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Любой текст, формирующий коллективный концепт, является прецедентным по определению» [Слышкин 2000, с. 29].

Многие ученые рассматривают *прецедентные тексты* как любые отсылки к ранее известным текстам в виде цитат, крылатых слов, стилистически окрашенной лексики, индивидуально-авторских неологизмов, названий произведений, различных имен авторов и персонажей, прямых или косвенных упоминаний о событиях и ситуациях. Такого рода тексты в лингвистических исследованиях получили название *текстовые реминисценции*, под которыми А. Е. Супрун имеет в виду «осознанные или

неосознанные, точные или преобразованные цитаты, или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995, с. 17].

Как отмечает М. А. Алексеенко, *текстовые реминисценции* «используются также как эстетическое, текстообразующее средство, они «лаконизируют» изложение, способствуют образованию подтекстов, они также служат четкому, емкому изложению сообщения с опорой на предшествующий словесный опыт, что избавляет автора от необходимости заново придумывать уже найденные кем-то когда-то удачные словесные формулы» [Алексеенко 2003, с. 36].

Работая над прецедентным текстом Ю. Е. Прохоров предложил ряд дополнений к понятию *текстовой реминисценции*. По его мнению, успешное функционирование прецедентных текстов зависит от их стереотипизированной формы и от ситуации речевого общения. Так, реализуясь в стандартной речевой ситуации, характерной для определенной этнокультурной языковой личности, прецедентный текст подразумевает аналогичное его наличие у другой личности [Прохоров 2004, с. 155 – 156].

В работах Ю. А. Воронцовой *реминисценция* является способом актуализации прецедентного текста в дискурсе СМИ. Ученый рассматривает интертекстуальные связи как своеобразный диалог между двумя (или более) текстами, один из которых обычно называют «прецедентным», а другой – «текстом-основой» (текстом-источником). Текст-основа может входить в структуру прецедентного текста либо полностью, либо в виде *реминисценции* [Воронцова 2004, с. 27].

Говоря о прецедентных единицах (интертексте или подтексте) как об элементах, представляющих подтекст, А. В. Степанова считает, что «прецедентные единицы появляются благодаря механизму удобного свертывания в виде аллюзии, реминисценции, цитаты и др.» [Степанова 2006, с. 17].

Н. А. Фатеева рассматривает понятие *реминисценции* как отсылку не к тексту, а к событию из жизни другого автора, которое, безусловно, узнаваемо [Фатеева 2007, с. 121–134]. С точки зрения Е. Н. Золотухиной, «*реминисценция* – буквальное или близкое к буквальному воспроизведение какого-либо фрагмента одного текста в другом; «самопроизвольная» аллюзия, полностью зависящая только от памяти и ассоциаций реципиента» [Золотухина 2008, с. 44–46]. Так, *реминисценция* рассматривается как прием цитирования, посредством которого реализуется *интертекстуальность*, которая, по мнению ученых, характерна для художественного произведения.

На наш взгляд, текстовые *реминисценции* относятся по большей мере к психологическим феноменам памяти, а не собственно к языку как системе и не всегда соотносятся с прецедентными текстами.

Механизм трансформации культурно значимого текста в прецедентный феномен В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова называют *текстовой редукцией*: «прецедентное высказывание, в структуре исходного текста являясь 1) заголовком (названием), 2) инициальным предложением фрагмента, абзаца, текста, 3) конечным предложением текста (...), аккумулирует прецедентность этого текста, свертываясь до соответствующей сильной позиции: до заголовка, до этапного предложения, до конечного предложения. Этот процесс свертывания мы бы назвали текстовой редукцией» [Костомаров, Бурвикова 1994: 74].

Не всегда определения понятия *прецедентного текста* тождественны в своем значении с классическим определением. Так, ученые В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова предлагают термин «*логоэпистема*», под которым понимают «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Костомаров 2001, с. 44].

Е. Н. Канаева несколько расширяет определение, данное В. Г. Костомаровым. По ее мнению, «*логоэпистема* – символ, «свертка»

текста-источника, способная вызывать ассоциации у читателя» [Канаева 2007, с. 29]. Она строго разграничивает логоэпистему с прецедентными текстами, которые, по ее мнению, выступают в роли текстов-источников рассматриваемых логоэпистем.

Разнообразие определений прецедентных феноменов, относительность критериев, описанных нами выше, необходимость их комплексного учета при определении прецедентности, а также двойственность семантики самого термина *прецедентный феномен* не позволяют выявить четкие границы понятия.

1.2. Методики исследования прецедентных феноменов в русскоязычных политических СМИ

Выявление и описание существующих методик исследования прецедентных феноменов является сложной и постоянной задачей лингвистических исследований. Главной трудностью при изучении *прецедентных текстов* является субъективность при определении вербальной единицы как прецедентной вообще и прецедентного феномена в частности. В соответствии с выбранным для исследования материалом (политическим дискурсом, его массовостью, неопределенностью адресата), а также в соответствии с определением *прецедентных феноменов* можем сделать вывод, что в политическом тексте любая верифицированная апелляция к сфере древнегреческой мифологии может рассматриваться как прецедентный феномен.

В современной лингвистической науке нет единой общепринятой методики исследования *прецедентных феноменов*. В зависимости от направления исследования и цели работы объектом внимания ученых становятся отдельные аспекты в изучении прецедентных феноменов. Лингвисты предлагают различные подходы к описанию *феномена прецедентности*, среди которых можно выделить следующие:

– исследования различных видов **прецедентных феноменов**: прецедентные имена (С. Л. Кушнерук, Е. А. Нахимова), прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные тексты (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных), прецедентные знаки (А. А. Евтюгина, Ю. Б. Пикулева), прецедентные цепочки, прецедентные контаминанты, прецедентные парадигмы (Н. В. Немирова), прецедентные события, прецедентные даты, прецедентные знаки (И. В. Высоцкая), прецедентный мир (Л. В. Балашова);

– сопоставительные исследования на материале двух или более языков (О. А. Ворожцова, И. П. Зырянова, М. Ю. Илюшкина, С. Л. Кушнерук, С. С. Чистова);

– исследования различных видов трансформаций (О. С. Боярских, Е. С. Бриченкова, Е. А. Земская, Р. Л. Смулаковская, О. А. Солопова, А. Е. Супрун и др.);

– исследования понятийных сфер-источников (Л. В. Быкова – «Немецкоязычная культура», О. С. Боярских – «Литература», М. И. Косарев – «Кино» и др.).

Основоположник отечественной теории прецедентности Ю. Н. Караулов предложил свою методику анализа **прецедентных феноменов**, которая заключалась в ответе на следующие вопросы: каким образом оценивать обращение определенного персонажа к прецедентным текстам и что дает такое обращение? Какие тексты вводятся в дискурс героя и согласно какой классификации? С какой целью используются, их типология [Караулов 2007, с. 219]. Однако данная методика анализа не может быть унифицированной, так как направлена лишь на анализ героя художественного текста и в полной мере не может представить классификацию и типологию прецедентных феноменов.

В настоящем исследовании принят широкий подход к отбору **прецедентных феноменов**, который подразумевает включение фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений на

основании их когнитивной и / или эстетической значимости и клишированности.

Как отмечает Д. Гоциридзе, «пословицы обладают ситуационно обусловленным значением. Однако в сборниках, где изречения отделены от конкретных ситуаций, они представляются независимыми текстами, выражающими абсолютные истины» [Гоциридзе 1988, с. 55].

Принятый широкий подход также основывается на точке зрения В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой, которые отмечают, что «для получения статуса прецедентного высказывание должно носить универсальный характер, то есть отражать общеизвестную истину в афористической форме» [Костомаров 1994, с. 74].

Согласно точке зрения В. И. Карасика, «языковое сознание членится на релевантные фрагменты осмысления действительности, которые имеют вербальное выражение и допускают этнокультурное, социокультурное и личностно-культурное измерения» [Карасик 2004, с. 6].

В исследованиях В. В. Красных и Д. Б. Гудкова первостепенное значение имеют следующие этапы анализа *прецедентных феноменов*: создание типологии прецедентных феноменов (прецедентные имена, высказывания, ситуации, тексты); характеристика взаимосвязи между различными видами прецедентных феноменов; разграничение уровней прецедентности (социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены).

В работе Л. И. Гришаевой «Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов)» отмечаются наиболее важные и первостепенные, по мнению автора, проблемы изучения прецедентных феноменов: сущность и характер прецедентного феномена, его статус, способы и условия активизации, сфера бытования, способы и средства кодирования, функции и маркеры в текстах / дискурсах разного типа и др. [Гришаева 2004, с. 23–24]. Ученый предлагает свою типологию прецедентных феноменов, которая представляется весьма ценной, так как

позволяет проводить развернутый анализ при исследовании прецедентных текстов и вносит значительный вклад в теорию и практику изучения *прецедентных феноменов*. В данной типологии ученый выделяет сферы функционирования прецедентных текстов, апелляции к общечеловеческим ценностям, характер употребления, источник прецедентного феномена, его значимость и местоположение в концептуальной картине мира, сфера реализации, длительность функционирования в определенном эстетическом направлении, отнесенность к определенному историческому периоду и социальному слою, условия апелляции к прецедентному феномену, его функции и способы кодирования, природа с точки зрения когнитивистики, личность и тип интеракции, в которой преимущественно функционирует прецедентный феномен, а также эффект от использования прецедентного феномена [Там же, с. 36–38].

Е. Г. Ростова распределяет *прецедентные тексты*, опираясь на источник их возникновения. Так, лингвист выделяет следующие группы: произведения на основе русской культурной традиции, тексты иноязычной культуры, тексты на иностранных языках или русские тексты, возникшие на основе иностранного языка; прецедентные тексты, апеллирующие к общеизвестным фактам или историческим событиям, тексты на основе переходящих из поколения в поколение сюжетов, а также тексты с аллюзией на библейские сюжеты и мифы Древней Греции, представляющие наибольшую ценность для нашего исследования [Ростова 1993, с.7–15].

В следующей классификации в основе типологии лежат трансформационные особенности *прецедентных единиц*. Широкую классификацию трансформированных *прецедентных высказываний* приводит Е. С. Бриченкова: «варьирование семантики прецедентного высказывания; видоизменения лексического состава прецедентного высказывания, представленные субституцией различного типа; грамматическое варьирование структуры прецедентного высказывания; количественные изменения компонентного состава прецедентного

высказывания; структурные изменения прецедентного высказывания» [Бриченкова 2007, с. 18].

О. А. Ворожцова, анализируя прецедентные феномены, предлагает рассматривать различные виды трансформаций (лексическую, графическую, структурную, их совокупность или отсутствие трансформации [Ворожцова 2007, с. 117].

В. Л. Шевченко изучает трансформацию цитат в публицистическом дискурсе, акцентируя внимание их функциях, выделяя наиболее значимые, а именно оценочную, характерологическую и текстообразующую функции. Ученый отмечает, что «использование трансформированных цитат не только сближает публицистический дискурс, к примеру, с художественным, но и позволяет взглянуть на современные события через призму известных произведений английских и американских писателей, а также использовать их образный потенциал и концептуальную информацию для анализа и оценки событий современной эпохи» [Шевченко 2007, с. 77].

С целью решения проблемы идентификации *прецедентных феноменов* в тексте исследователи вводят понятие *маркеров прецедентности* [Сметанина 2002, с. 146]. Под *маркерами прецедентности* понимаются «лингвистические средства, указывающие на инотекстовое происхождение сопровождаемых ими языковых единиц» [Рагимова 2008, с. 46]. Наиболее полная характеристика прецедентных единиц, позволяющая увидеть прецедентный феномен в тексте, представлена, на наш взгляд, в работе Н. С. Бирюковой, которая выделяет следующие *маркеры прецедентности*: ссылки на автора или на героя, название произведения, двойные ссылки с целью указать автора и героя произведения, ссылки в общем виде на источник интертекстуальности и другие, а также использование лексических и грамматических, графических указаний на прецедентность (кавычки, курсив и др.) [Бирюкова 2005, с.78].

Н. Ю. Новохачева к *маркерам прецедентности* относит «графические маркеры, фонетические репрезентанты (рифмы), корневые маркеры (сходные

корневые морфемы), грамматические репрезентанты; структурно-синтаксические репрезентанты» [Новошачева 2005, с. 20–21].

В диссертационном исследовании С. Л. Кушнерук предлагается следующий алгоритм анализа фактического языкового материала: «отбор печатных текстов российской и американской рекламы разных жанров; обнаружение в этих текстах прецедентных имен; изучение содержательно-семантических свойств прецедентных имен в российской и американской рекламе; изучение функциональных свойств прецедентных имен (выявление дифференциальных признаков прецедентных имен в рекламном тексте, установление зависимости между характером соотнесенности прецедентного имени с первичным денотатом)» [Кушнерук 2006, с.148].

Как уже отмечалось, чтобы обнаружить в тексте прецедентные феномены, необходимо учитывать их маркеры или признаки, свойства. Так, Т. Н. Тимофеева к основным признакам *прецедентности* относит такие признаки как «известность, частотность употребления, жесткая ассоциативность. Среди прочих признаков прецедентности автор выделяет гештальтность, воспроизводимость содержания, стандартность формы» [Тимофеева 2008, с. 187].

Изучая функционирование прецедентных текстов в дискурсе СМИ, О. С. Боярских отмечает, что апелляция к античным мифологическим образам может базироваться не на предполагаемом знакомстве читателя с определенными мифологическими сюжетами, а на имеющемся у него представлении об античных легендах и мифах в целом [Боярских 2006, с. 24].

Анализируя *прецедентные феномены* со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ, О. С. Боярских предлагает свой алгоритм анализа *прецедентных единиц*: «обнаружение апелляций к исследуемой сфере-источнику; изучение и классификация различных способов вербализации прецедентных феноменов; анализ и классификация источников прецедентных феноменов, функционирующих в

русской периодике; изучение и классификация способов взаимодействия прецедентных феноменов внутри связного текста; установление особенностей восприятия исследуемых единиц потенциальными читателями» [Боярских 2008, с. 70-71].

М. С. Алексеева в исследовании *прецедентных феноменов* в Интернет-рекламе выделяет общие черты для анализа: «1. Отбор текстов различных жанров и тематики в зависимости от предмета исследования. 2. Фиксация прецедентных феноменов в тексте (сбор фактического языкового материала). Для решения этой проблемы могут быть использованы маркеры прецедентности, при их отсутствии на первый план выходит общекультурная компетенция исследователя, способность его обнаружить в тексте необходимые апелляции. 3. Анализ и классификация в зависимости от задач исследования» [Алексеева 2009, с. 61].

С. С. Чистова в работе «Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в русской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств» предлагает следующие этапы анализа: «отбор печатных текстов рекламы различных жанров; обнаружение прецедентных феноменов в текстах рекламы; изучение и сопоставление прагматического потенциала прецедентных феноменов; описание и сопоставление образов адресата русской и американской рекламы» [Чистова 2009, с. 68-69].

Итак, представленные алгоритмы и типологии для выявления и анализа прецедентных феноменов свидетельствуют об отсутствии единой методики комплексного анализа. Отметим, что наличие того или иного признака имеет лишь условный характер, так как существует множество классификаций для анализа прецедентных единиц. Также представляется возможным выбрать из предложенных алгоритмов необходимые критерии в зависимости от рассматриваемой в работе прецедентной единицы.

1.3. Мифологические образы и сюжеты как объект филологических исследований

Изучение актуального медиапространства приводит к выводу о новом ракурсе реализации и интерпретации мифологических образов. Замысел автора-журналиста накладывается на мифологическое мышление, создавая своего рода новый миф, отличный от своего прототипа. Именно в двойственности изложения первичного и «авторского» мифологического сюжета, интерпретации того или иного образа заключается, на наш взгляд, заложенный автором смысл, подтекст, ради выражения которого он его использовал. Чтобы установить глубинные смыслы и значения, заложенные автором, необходимо комплексное изучение особенностей реализации образов и сюжетов из мифологических преданий в текстах СМИ, в частности, из древнегреческой мифологии, ставшей объектом нашего исследования.

Как показал обзор научной литературы и авторские наблюдения, мифологические образы и сюжеты являются объектом изучения ученых в рамках различных научных дисциплин. Поскольку мифология служит «орудием» для создания ассоциативных образов, переосмысления культуры и традиций любого народа, мифологические образы и сюжеты становятся объектом междисциплинарных исследований и сравнительного анализа, освещаются в лингвокультурологическом аспекте, оказываются материалом для лексикографического описания и изучаются с точки зрения сфер функционирования. Однако в лингвистических исследованиях, посвященных данному вопросу, в фокусе внимания находятся лишь отдельные образы или сюжеты из мифологических преданий, а не их комплексное осмысление.

Некоторые языковые единицы со сферой-источником «древнегреческая мифология» лишь в единичных случаях подвергаются лингвистическому анализу, так как в той или иной степени соотносятся с темами диссертационных исследований ученых в различных областях знаний, не становясь объектом отдельного изучения.

Так, в диссертации Е. С. Яковлевой «Особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом» (на материале китайского и английского языков» (2018) автором предпринята попытка выявления этнокультурной специфики фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в китайском и английском языках, где выделяются семантические подгруппы, включающие различные компоненты-зоонимы. Например, подгруппа «домашний скот», в которую вошло фразеологическое сочетание *Trojan horse* (Троянский конь), мотивированное древнегреческим мифом об осаде и падении Трои. Автор говорит лишь о негативной коннотации конструкции и приводит следующий пример: *Instead it (the Play Station 2) is an electronic Trojan Horse, intended to smuggle in to family homes an army of functions and applications which can currently be performed only by computers* [www.independent.co.uk, 2017] – («Вместо (Play Station 2) электронный *тroyанский конь*, предназначенный для того, чтобы протащить в семьи армию функций и приложений, которые в настоящее время могут выполняться только компьютерами») [Яковлева, с. 86].

В работе Т. В. Тритенко «Мифологические образы в языке клинической психологии» (2011) исследуются терминологические номинации в клинической психологии, апеллирующие к мифологическим образам. Так, интересными для нас представляются термины, появившиеся посредством мифологизированного прецедентного имени: *комплекс Дианы, синдром Мидаса, синдром Персефоны, комплекс Иокасты, комплекс Терсита, мышление Януса*, а также термины-эпонимы, образованные суффиксальным способом: *нарциссизм, геростратизм, морфинизм*. В работе отмечается, что анализ лиц, которые не всегда являются мифологическими героями, связан с тем, что деятельность этих исторических личностей «обросла» множеством легенд и мифологических сказаний и сложно восстановить период их существования [Тритенко, с. 14 – 15].

В диссертации К. К. Шарипова «Структурные и функционально-семантические особенности мифологической лексики в

языках различных систем» (2006) предметом исследования стала структурно-семантическая и функциональная характеристика мифологической лексики в английском и узбекском языках. Автор подчеркивает, что в состав мифологической лексики, выявленной в английском языке, вошло наибольшее число единиц из греческой мифологии, которые представляют наш интерес. В работе отмечается, что наибольшее количество корневых морфем связано с греческой мифологией: *-us-Morpheus* – *Морфей-божество сна*; *-es- Hercules* – *Геркулес (силач)*; *-ene (-ine, -one, -yne)- Persephone* – *Персефона*; *-ie(-y, -ey)- Feminie* – *Амазонки и их страна*; *Odyssey* – *Одиссей*; *ion (-on)- Poseidon* – *Посейдон*. Автор рассматривает категорию ирреальности, которая, по его мнению, наиболее четко прослеживается на синтаксическом уровне посредством двухкомпонентных и многокомпонентных словосочетаний из мифологических сюжетов: *сизифов труд, ахиллесова пята, a man of Herculean build- человек мощного телосложения, between Scyla and Charvbdis – между двух огней (в безвыходном положении)*. Автор распределяет мифологическую лексику согласно теории дуализма: имена богов, полубогов, божеств, героев, которые являются положительными образами, а также имена демонов, дьяволов, духов, которые являются отрицательными образами. Ценным, на наш взгляд, представляется классификация на основе иерархической организации мифологической лексики с выделением семантических полей: а) имена богов, полубогов и божеств: *Eros – Эрот, бог любви (греч. м.), Nemesis – Немесис, богиня возмездия (греч.м.)*; б) имена мифологических героев: *Atlas – Атлас (титан), Penelope – Пенелопа (верная жена), Narcissus – Нарцисс (самовлюбленный, любующийся собой человек), Prometheus – Прометей (человек, быстро меняющий облик, взгляд)* [Шарипов, с. 15 – 16].

В диссертационном исследовании О. С. Скубашевской «Лексика и фразеология античного происхождения в английском и украинском языках» (2000) античные имена и античные понятия становятся объектом

многоаспектного анализа в структурном и семантическом планах. Автор выделяет интернациональные фразеологизмы античного происхождения: *муки Тантала, авгиевы конюшни, яблоко раздора, уши Мидаса, вещая Кассандра, работы Пенелопы* и т.д. Отмечается, что большая часть античных образов стабильные, они служат основой для образования большинства фразеологизмов в английском и украинском языках [Скубашевская, с. 22 – 23].

Г. А. Завьялова в работе «Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на примере английского и русского языка)» (2014) отмечает, что основным источником цитат и литературных аллюзий является греческая и римская мифология, в частности, прецедентные имена, апеллирующие к мифологическим сюжетам. Так, в работе рассмотрены произведения известных авторов, представляющие для нас интерес – «Смерть Ахиллеса» Б. Акунина, «Подвиги Геракла» А. Кристи, названия которых являются фразеологизированными прецедентными сочетаниями со сферой-источником «древнегреческая мифология», актуализирующими прецедентные ситуации о неуязвимости Ахиллеса и подвигах Геракла [Завьялова, с. 105].

В исследовании Е. Ю. Поповой «Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе (на материале романов В. Пелевина «Generation "П"» и «Числа»)» (2012) отмечается, что введение элементов древнегреческой (Зевс, Аполлон, Гермес, Сцилла и Харибда) и других мифологий, обладающих мощным мифоэтическим потенциалом, необходимо для создания сложного интертекстуального пространства в исследуемых художественных текстах.

В диссертации М. Ю. Илюшкиной «Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов» (2008) наряду с другими сферами-источниками прецедентных текстов из рекламы туризма религиозно-мифологическая сфера составила 10,1 % в текстах российской рекламы, 6, 4 % – в текстах британской рекламы. Значимыми

оказались такие мифологические персонажи как *Аполлон, Атлас, Одиссей, Посейдон, Зевс, Калипсо* и др. [Илюшкина, с. 13].

Диссертационное исследование К. А. Климовой «Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской» (2008) представляет интерес с точки зрения сравнения системы мифологических персонажей Древней Греции с новогреческой мифологией, которая по большей мере представлена «низшей» мифологией. Автор анализирует мифологическую лексику современного греческого языка как одного из важнейших источников сведений о национальной культуре греческого народа [Климова, с. 9 – 10].

В работе Ю. В. Вишняковой «Лингвокультурологическое описание гендера в лексикографии: на материале анализа мифологических персонажей» (2006) рассматривается проблема разработки модели лингвокультурологического описания гендерно релевантных мифологических персонажей на примере женских и мужских персонажей славянской мифологии (кикимора, русалка, леший-лешачиха, болотник и т.д.) [Вишнякова, с. 14 – 19].

В работе Е. В. Матвиенко «Языковая репрезентация образов восточнославянской мифологии в английских текстах» (2010) представлена классификация по семантическим характеристикам в англоязычных текстах: восточноазиатские мифоантропонимы: *Рак Нуоккосо – Пак Хеккосо, основатель корейского государства Силла*; мифоперсонимы: *Dalnim – Дальним, луна в корейской мифологии*; мифозоонимы: *lung – лун, китайский дракон* и многие другие. По наблюдению автора, в большинстве случаев восточноазиатские мифонимы представлены ономастической лексикой [Матвиенко, с. 10 – 11].

Выводы по первой главе

Представленный в настоящей главе научно-теоретический материал, посвященный лингвистическому анализу медиатекстов и образной

составляющей языка СМИ, позволяет сделать следующие выводы, необходимые для детального анализа прецедентных феноменов в последующих главах:

1. Проведенный обзор показал, что, несмотря на различные подходы к изучению теории прецедентности, во всех дефинициях термина «прецедентный феномен» присутствуют определенные инвариантные признаки, на основании которых можно выделить основные черты прецедентного текста. Комплексная характеристика прецедентных феноменов включает в его определение следующие характеристики: является лингвокультурным феноменом, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, широко известен представителю лингвокультурного сообщества, имеет общественный резонанс, содержит неоднократные обращения в текстах разных дискурсов.

2. В лингвистической науке выделяется ряд классификаций при установлении признаков прецедентных текстов. Сегодня классификация по разграничению прецедентных феноменов на прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные тексты, предложенная В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой, остается самой распространенной. Исследование прецедентных феноменов в данной работе будет проводиться с учетом уже существующих методологических принципов, а также специфики изучаемого дискурса и общего направления анализа.

3. Массмедийный дискурс в силу своей интерактивности и общедоступности представляет собой идеальную среду функционирования прецедентных феноменов разного типа. Для массмедийных текстов характерно не только возникновение новых слов и выражений, но и трансформация уже имеющихся языковых единиц, придание новых смысловых оттенков, расширение их синтагматического, парадигматического и эпидигматического потенциала.

4. Главной трудностью при исследовании прецедентных текстов является субъективность при определении вербальной единицы как прецедентной вообще и прецедентного феномена в частности.

ГЛАВА 2. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Прагматический потенциал современных политических текстов предполагает наличие определенной системы координат, центром которой являются субъекты власти и, в частности, образы политических лидеров. Ассоциативный потенциал таких образов включает широкий спектр имен, относящихся к различным сферам истории, культуры, литературы. При этом значимое место занимает мифология, которая формирует фрагмент картины мира индивидуального носителя той или иной культуры. Образы, ассоциируемые с современными политическими лидерами, не являются однородными и могут быть распределены согласно следующей классификации:

1) Лицо, наделенное силой и властью по рождению. Данный параметр для медиатекстов не является существенным, так как при современном социально-политическом устройстве власть по роду не передается.

2) Лицо, получившее власть благодаря собственным действиям и стремлениям. Именно эти образы для медиатекстов являются наиболее типичными. Выборы в различные властные структуры в демократическом обществе проходят путем тайного голосования, а значит, потенциальный кандидат или кандидаты должны проявлять себя перед избирателями с наилучшей стороны.

Характеристика образа лидера предполагает развертывание следующих сценариев: пути и способы достижения власти; пути и способы удержания власти; особенности использования власти; потеря власти и доверия со стороны избирателей.

В первую очередь дадим определение термина «прецедентное имя», под которым, вслед за Ю. Е. Прохоровым, мы понимаем «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка

и выступающей как прецедентная [Прохоров, с. 150–152]. В своей работе под «прецедентным антропонимом» мы будем понимать имена персонажей из древнегреческих мифов.

Таким образом, введение прецедентного антропонима из мифологии в тексты СМИ позволяет авторам метафорически переосмыслить сложившуюся политическую систему, работу политических лидеров, последствия их решений для стран и регионов. Чаще всего апелляции к прецедентным антропонимам со сферой-источником «древнегреческая мифология» могут иметь ироническую, реже – саркастическую коннотацию, что позволяет автору медийного сообщения обозначить свое отношение к тем или иным субъектам политики, прокомментировать их деятельность, отображающейся на социально-политической ситуации в целом. Каждый представитель определенного лингвокультурного сообщества вовлечен в медиaprостранство с огромными потоками информации, транслирующими различные события и псевдособытия. В этом потоке четко видны мифологические сюжеты, которые активно функционируют в медиатекстах. Так, наиболее характерными становятся аллюзии к внешности мифологических героев, прежде всего, к их физическим возможностям, чертам характера. Как отмечает А. Ф. Лосев, «мифологические образы оказываются чрезвычайно живучими, удивительно разнообразными и всегда претендующими на реалистическое отражение жизни» [Лосев 1982, с. 54]. Это характерно и для массмедийных текстов, так как образ героя и его подвигов в метафорическом обрамлении отражает действия главных политических субъектов, формируя новую мифологическую модель мира. Говоря о модели мира, Т. В. Цивьян отмечает, что она принципиально ориентирована «на мифологический прецедент, когда действительному историческому событию подыскивается прототип из мифологического прошлого» [Цивьян 1990, с. 13]. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова полагают, что «язык, используя свой код – материальные оболочки слова-понятия, крылатого выражения, пословицы, прецедентного текста и

подобные, фиксирует духовный опыт человека в культурной сфере и транслирует этот опыт следующим поколениям, обеспечивая информационную преемственность» [Костомаров 2005, с. 7].

Д. Б. Гудков считает, что «в основе прецедентных феноменов лежит стремление к созданию суггестивного эффекта, что обуславливает обращение не к понятию, а к образу, не к дискурсивному, а к мифологическому сознанию» [Гудков 2008, с. 111].

Прецедентные антропонимы, функционирующие в текстах русскоязычных СМИ, в диссертации рассматриваются посредством различных классификаций и не могут быть проанализированы унифицировано, что обусловлено не только их денотативным содержанием и особенностями семного варьирования, но и спецификой медиатекстов, в которых реализуются антропонимы *Геракл, Прометей, Гермес, Кассандра, Зевс, Мидас*, выбранные в качестве материала анализа.

Выбор в качестве анализа прецедентных антропонимов среди всех имен собственных со сферой-источником «древнегреческая мифология» обусловлен не только их высокой частотностью в медиатекстах, но и малоизученностью, в то время как прецедентные оронимы (Олимп, Парнас), гидроним (Лета) уже становились объектами научных лингвистических исследований (работы Н. А. Сегал «Политический текст: метафорическое моделирование»; Н. А. Сегал, Ю. С. Коротких «Языковые особенности реализации прецедентного оронима Олимп в текстах политических СМИ»; Л. Б. Здановская, Т. С. Непшекуева «Особенности представления понятия «Политический Олимп» в русской языковой картине мира»).

2.1. Дискурсивно-прагматический потенциал прецедентного антропонима *Геракл* в текстах русскоязычных СМИ

В современном массмедийном дискурсе широкого распространились имена собственные, которые в метафорическом осмыслении называют

человека, который, так или иначе, похож на «настоящего» носителя соответствующего антропонима. Большая популярность антропонима *Геракл* и его отношение к древнегреческой мифологии позволяют назвать его прецедентным и провести параллели между личными качествами политических лидеров и иных субъектов, их деятельностью, выразить отношения автора к этим политикам с целью оказать эмоциональное воздействие на адресата.

В словаре «Кто есть кто в мифологии Древней Греции и Рима» А. Кондрашова представлена подробная статья жизнеописания *Геракла* (греч. Herakles) – величайшего героя, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Афина по поручению Зевса обманом заставила Геру дать ребенку молоко, после которого *Геракл* стал полубогом. Взрослея, *Геракл* приобретал разнообразные навыки и стал обладать не только огромной силой, но и обширными знаниями. Будучи на службе у царя Эврисфея, он совершил 12 знаменитых подвигов [Кондрашов 2016, с. 144]. Как показал анализ текстов русскоязычных СМИ, прецедентный антропоним *Геракл* функционирует в нехарактерном значении, приобретая новые лексико-грамматические смыслы, которые отражаются в сопоставлении мифологического героя *Геракла* с современными политическими лидерами:

1. В коннотативном значении с реализацией эвфемистической функции, способствующей выбору более предпочтительного высказывания для соблюдения дипломатического такта: *«Геракл»* для украинской Генпрокуратуры. *Генпрокурор «варяг» выступает здесь в роли Геракла перед «генеральной» уборкой знаменитых авгиевых конюшен. Если принятый так поспешно под этого Геракла украинским парламентом закон добавит ему сил и подвиг ему удастся, незлопамятный украинский народ простит ему все* (www.russian-bazaar.com, 19.05.2016). Данный контекст в корректной форме описывает ситуацию, вызвавшую большой резонанс в политических кругах, когда вопреки законодательству Украины на пост генпрокурора назначили Юрия Луценко, не имеющего юридического образования и опыта

работы в данной сфере. Так, в контексте его называют «варягом», то есть посторонним человеком. Описанному контексту присуща и моделирующая функция, так как украинскому политику приписываются действия мифологического героя (должен очистить «авгиевы конюшни» генпрокуратуры), эталонным носителем которых является прецедентный антропоним *Геракл*.

При анализе прецедентного антропонима *Геракл* можем выделить и оценочную функцию, так как в контекстах зачастую выражается субъективное отношение автора к описываемым событиям: *Алексей Мишин: Если посмотрите на карьеру Плющенко – это подвиги Геракла* (Спортбюкс, 05.03.2019).

2. В денотативном значении (отмечается сила, работоспособность, успешность, превосходство): *«Геракл» для депрессивного региона. В Ивановской области смена лидера. Кремль прислал из Москвы Станислава Воскресенского. Те, кто помнит его по работе в РСПП, говорят о том, что это настоящий технократ – работоспособный и целеустремленный* (Новые известия, 17.10.2017); *Геракл для защиты «Зенита». Костас Манолас очень сильный физически защитник, настоящий Геракл* (www.sportsdaily.ru, 23.06.2017). В приведенных примерах *Геракл* используется для обозначения черт характера субъекта, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя *Геракл*.

В современной теории прецедентности отчетливо различаются метафорические и неметафорические значения прецедентных имен. По словам Е. А. Нахимовой, «дифференциальные признаки прецедентных имен часто существенно различаются в сознании различных людей, для них в большей степени характерны исторические изменения, а также социумные и личностные варианты» [Нахимова 2007, с. 116]. При рассмотрении прецедентных антропонимов лингвисты обычно говорят о переходе имен собственных в имена нарицательные. Так, Е. А. Нахимова отмечает, что «такое преобразование предопределяет как возможность употребления форм

множественного числа, так и использование в начале слова не прописных, а строчных букв. Кроме того, сам факт применения слова в необычном смысле делает целесообразным использование кавычек» [Нахимова 2007, с. 118].

Специфика прецедентных имен в политических медиатекстах доказывает их переход из имени собственного в имя нарицательное: *Чтобы воспитать гераклов, необязательно создавать авгиевы конюшни* (Голос Армении, 23.07.2019); *Украине нужен Геракл. Станет ли им Зеленский? Необходимо расчистить завонявшиеся испражнениями лжи наши авгиевы конюшни. И, на самом деле, есть у нас свои, украинские Гераклы. Их много. Но они по-прежнему не востребованы* (glavred.info, 09.07.2019); *Как говорил наш незабываемый первый президент Украины, «имеет то, что имеем». А если имеем, то стоило бы задуматься, что с этим делать дальше. Особенно перед выборами, когда каждый «геракл» местного разлива обещает народу вычистить авгиевы конюшни, а, попадая к властному Олимпу, очень быстро и умело вычищает карманы простых граждан* [перевод наш – А.М.] (Дзвін, 19.11.2009); *И тут в качестве идолов видятся Роман Абрамович, Михаил Прохоров... – так сказать, аполлоны и гераклы нашего времени* (sobesednik.ru, 21.02.2013).

Отметим, что при коннотативном использовании прецедентного имени *Геракл* чаще всего наблюдается ирония, где *Геракл* не сильный лидер, а заурядный политик: *Первый подвиг Геракла. Как Зе-ракл Александрович немецкого льва задрал. Не успев вступить в должность и даже не получив право раздавать приказы и управлять страной, избранный президент Украины Владимир Зеленский совершил великий подвиг: снизил цены на газ для населения* (Конт, 06.05.2019). В данном контексте с иронией описывается призыв Зеленского к правительству и Нафтогазу о снижении цен на газ от 24 апреля, хотя 1 мая цены и так планировали снизить. Комический эффект при описании «первого подвига» Зеленского в должности президента усиливается трансформацией прецедентного имени *Геракл на Зе-ракл* с целью

подчеркнуть причастность к решениям всей команды В. Зеленского под названием Зе! (партии «Слуга народа»).

Таким образом, проанализировав ряд медиатекстов, активно использующих прецедентный антропоним *Геракл*, можно сделать вывод, что ему не характерна нейтральность. Подобного рода имена, как правило, участвуют в создании комического эффекта или создают «сюжетные линии», типичные ситуации, сценарии, в которых исследуемое прецедентное имя находит отражение: политический лидер, представить государственной власти, государство наделяется набором характеристик эталонного носителя прецедентного имени *Геракл* (целеустремленность, авторитет, сила, мужество, смелость, решительность) или же подчеркивается сходство / отличие в решениях или поступках, как правило, с ироническим оттенком:

1. А = Б: *Владимир Путин – Геракл российского Олимпа* (samara.bezformata.ru, 08.10.2014); *Президент РФ Д.А. Медведев – наш новый российский Геракл* (РИА Самара, 25.09.2010).

2. А похож на Б: *Ляшко изо всех сил лепит из себя украинского Геракла современности [...] используя все способы политического оболыщения, в том числе и примеряя на себя мифическую шкуру немейского льва, и рассказывая о своих подвигах, достойных разве что сына Зевса. Олег Ляшко на этом деле уже давно набил руку* (operkor.wordpress.com, 09.10.2017); *На 18-м саммите ЕС-Украина президент Петр Порошенко выглядел Гераклом, который совершил серию невероятных подвигов, изменив за два с половиной года своего президентства лицо страны* (Новая газета, 25.11.2016).

Интересным для наблюдения становится гендерный аспект образа политика в роли *Геракла: Бабушка Геракл*. Баллотирующаяся в президенты от Демократической партии США Хиллари Клинтон: «Я давала отпор противникам типа Путина» – так начала она перечислять список своих героических дел, выступая в Нью-Йорке [...]. В общем, воительница, победительница, практически амазонка, *Геракл* и ястреб в юбке – такое ощущение должны были вынести доверчивые американцы из вступительной

речи возрастной кандидатки (<https://versia.ru>, 09.03.2020); *Ольга Васильева: Геракл для Авгиевых конюшен? направлений в работе Минобрнауки и проблем по каждому направлению столько, что Ольге Васильевой потребуется железная выдержка и недюжинная управленческая мощь. В эти Авгиевы конюшни надо бы Геракла...*» (profiok.com, 26.08.2016); *Как заявил политтехнолог Сергей Старовойтов, следующим мэром Омска должна быть не женщина, а «Геракл, разгребающий авгиевы конюшни»* (www.omskinform.ru, 13.02.2016). В приведенных примерах женщины-политики наделены чертами, характерными для прецедентного имени *Геракл* (решение проблем как совершение подвигов). Однако последние примеры вызывают сомнения в управленческих возможностях и железной выдержке, присущей *Гераклу*.

3. А не Б, но обладает силой и авторитетом: *Олег Ляшко если не Геракл, то хотя бы Дон Кихот, не меньше* (www.2000.ua, 10.10.2012); *Путин не Геракл, не богатырь – он просто свой среди своих, русский среди русских* (Дискред.ру, 07.10.2014); *Андрей Никитин – вовсе не Геракл, которому, впрочем, для очистки Авгиевых конюшен от застоявшейся грязи тоже потребовалось сворачивать горы и менять русла рек, то есть нужны были время и усилия* (vnnews.ru, 07.09.2017).

При рассмотрении медиатекстов с прецедентным антропонимом *Геракл* заслуживает внимание деривационный потенциал, а именно использование уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Среди подвигов Геракла и борьба с немейским львом, и уничтожение лернейской гидры, и поимка керинейской лани с золотыми рогами и медными ногами, и много чего. Разве все пересчитаешь? Да и зачем? В наше время есть свои «гераклы», которые совершают свои «подвиги». Только вот беда: «гераклы» сейчас обмельчали («гераклики» да и только), а их «подвиги» – абсолютная дрянь [перевод наш – А.М.]* (Дзвін, 19.11.2009); *То есть гераклушка наш Виктор Федорович бюрократической гидре головы рубит-рубит, а они от этого пуще прежнего вырастают!* (obkom.net.ua, 24.01.2013);

В медиатекстах прецедентный антропоним *Геракл* активно функционирует в адъективных сочетаниях: *Американский Геракл*, *корейская гидра* и *европейская геронтократия* (www.kommersant.ru, 12.06.2018); *В способностях Владимира Путина стать российским Гераклом сомневаются сегодня только откровенные недруги России* (Слово, 13.01.2017); *В числе подвигов а-ля украинского Геракла* (о В. Зеленском – А.М.) *в списке присутствуют внесение в Верховную раду «16 законопроектов, обещанных в период предвыборной кампании»* (utro.ru, 24.06.2019); *Подвиги ДАМа* (Дмитрия Анатольевича Медведева – А.М.) – *российского Геракла* (maxpark.com, 23.01.2013); *Дипломатический Геракл пол-Европы освободит, только брюки погладит»: новый перл Климкина резко раскритиковали на украинском ТВ* (Харьков, 27.06.2018); *10 подвигов татарстанского «Геракла»* (Бизнес Online, 08.10.2014); *Белорусский «Геракл» на нашем поле – воин* (Союзное вече, 13.12.2017).

В текстах СМИ частотными являются контексты, в которых прецедентный антропоним *Геракл* совершает «подвиги», то есть субъект принимает разнообразные политические решения, перечисление которых формируют метафорические сценарии с аллюзией на подвиги *Геракла*. В таких контекстах происходит актуализации одного или нескольких подвигов, описывающих наиболее важные политические события или острые ситуации. Приведем несколько примеров: *Дональд Трамп видит себя Гераклом, побеждающим корейскую гидру, иранского Минотавра, расчищающим авгиевы конюшни несправедливой торговли и находящим молодильные яблоки американского величия* (www.kommersant.ru, 12.06.2018); *Украине повезло, своей борьбой за свободу она заслужила Геракла. Победивший многоголовую гидру коррупции и криминала, остановивший злобного вепря клановости, защитивший с помощью американцев свою Грузию от злобных и хищных стимфалийских птиц Геракл взялся за очистку авгиевых конюшен в Одесской области* (о М. Саакашвили – А.М.) (Апостроф, 31.05.2015); *Война на Донбассе, экономическая слабость страны (тут все сразу: и курс валют,*

и инфляция, и безработица), слабость государственной системы (коррупция, неэффективность, непрофессионализм). Совершить все эти «подвиги Геракла» – и есть шанс самому попасть в украинскую «мифологию» (Бум.укр, 26.07.2019).

В некоторых контекстах не просто перечислены подвиги, но и описаны механизмы их свершения, так как мифологические сюжеты чаще всего не знакомы читателям. В данных примерах сравниваются политический лидер и мифологический герой, которые по-разному справляются с поставленной задачей. Политический субъект не всегда обладает качествами, присущими Гераклу, а значит, не может сравниться с героем: *И подобно мифологическому Гераклу хочет очистить авгиевы конюшни своими решительными действиями. «Конюшни» Украины действительно давно не убирались, но где Зеленскому найти те воды рек Алфея и Пенея, которые вымыли многолетние нечистоты? (Свободная пресса, 22.07.2019); «Геракл» Шойгу. Шестой подвиг Геракла, сына Зевса, – **очистка авгиевых конюшен** – вполне сравним с работой, которая предстоит министру обороны С. Шойгу. Вот только богатырь смог это сделать за один день, смыв навоз водой из реки Алфей, а Шойгу пока не хватило и ста дней, прошедших после указа о его назначении. И явно не хватит еще нескольких лет. Навоза слишком много (Аргументы недели, 14.02.2013); Какой-нибудь древнегреческий философ сказал бы, что все предприятия с приставкой «гос» – авгиевы конюшни Украины. И тот государственный деятель, который возьмется их вычищать, во истину, должен быть **политическим Гераклом** (balashov.com.ua, 01.08.2012); **12 подвигов гераклов: президента и премьера.** Здесь трудно удержаться от сравнения задач, стоящих перед новым Кабинетом министров, с новыми задачами, поставленными Еврисфеем Гераклу. Поэтому я советовал бы хорошо подумать кандидатам на должность премьер-министра Украины, владеют ли они качествами лидера или героя, не говоря уж об опыте, знаниях, морали, патриотизме (Укррудпром, 21.07. 2019).*

Анализ текстов СМИ показал, что прецедентный антропоним *Геракл* активно функционирует в словосочетании *12 подвигов Геракла*, которые в лексикографических источниках описаны следующим образом: «по велению царя Эврисфея *Геракл* совершил 12 великих подвигов: 1) убил немейского льва; 2) убил лернейскую гидру; 3) перестрелял из лука стимфалийских птиц; 4) поймал керинейскую лань; 5) поймал живым эриманфского кабана; 6) очистил авгиевы конюшни; 7) привез в Микены критского быка; 8) победил Диомеда и завладел конями; 9) добыл пояс царицы амазонок Ипполиты; 10) пригнал коров Гериона в Микены; 11) пустился в подземное царство Аида и привел ужасного трехголового пса Кербера; 12) отправился к Атласу и добыл золотые яблоки Гесперид [Кун 1985, с. 102-123].

Анализ русскоязычных медиатекстов показал, что подвиги *Геракла* представлены в разной степени, поскольку неодинаково закреплены в языковом сознании и не могут одинаково вызывать представление о мифологических сюжетах. Так, наиболее активной становится конструкция, номинирующая сочетание всех подвигов *Геракла*, дающая общее представление о существенности, исключительности и фантастичности подвигов.

Согласно классификации, предложенной А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским, «фактором игрового употребления является наличие у идиомы внутренней формы, мотивирующей актуальное значение... Хорошо ощущаемая внутренняя форма способствует переосмыслению семантики идиомы и созданию альтернативного смыслового плана – так называемого буквального понимания» [Федоров 2016, с. 113].

В лексикографических источниках лексема «подвиг» определяется как «1. Важное по своему значению деяние // Действие, совершенное в трудных, опасных условиях // Самоотверженный, героический поступок. 2. перен. разг. Какая-либо проделка, нелепый, неблагоприятный поступок» [Ефремова 2000, с. 525]. Сопоставление мифологического сюжета, связанного с «*12 подвигами Геракла*» с современными политическими событиями, становится

ярким примером семантического несоответствия, так как в медиатекстах конструкция **12 подвигов Геракла** редко употребляются с положительной коннотацией. Рассмотрим несколько примеров, в которых положительная коннотация сохраняется: **12 подвигов кировских «силовики»: от холодной смерти корейцев спасут, из горящей квартиры пенсионерку вынесут, роды на посту примут** (Комсомольская правда, 03.11.2018); **12 подвигов Сарданы Авксентьевой** (мэр Якутска – А.М.) (www.infpol.ru, 06.12.2018); **12 подвигов Орловой. 12 жителей Владимирской области в конце прошлой недели попали со своими проблемами на прием к губернатору** (provladimir.ru, 26.06.2017).

Однако чаще всего при реализации конструкции **12 подвигов Геракла** в текстах СМИ преобладают контексты в переносном значении с ироническим оттенком «проделки», «нелепые, неблагоприятные поступки», характерные для ряда политических субъектов или объектов: **12 «подвигов» Януковича: избранные ляпы бывшего гаранта** (Обозреватель, 09.07.2015); **Подвиги Геракла или как люстрация споткнулась на Яценюке** (Обозреватель, 15.02.2015); **12 подвигов Лени Космоса. Мы вспомнили скандалы «эпохи» Черновецкого, которых насчитывалось ровно 12, как и у мифического Геракла** (Обозреватель, 04.05.2016); **12 подвигов Ким Чен Ына** (За рубежом, 11.01.2016); **12 подвигов Мироненко: чем запомнится красноярцам бывший министр культуры** (prmira.ru, 22.10.2018); **12 подвигов «эксперта» Тымчука** (ukraina.ru, 23.09.2014); **12 подвигов Золотова. Глава Росгвардии Виктор Золотов снова оказался в информационной повестке** (news-time24.ru, 04.10.2018); **12 «подвигов» Манафорта: за что экс-руководителю кампании Трампа грозит до 80 лет тюрьмы. Обвинение содержит 12 эпизодов** (raportikon.org, 31.10.2017); **Двенадцать подвигов Луценко: эпизод 2. Битва с верховной гидрой** (Рупор, 12.07.2012); **12 подвигов Геракла, или как Артюшенко выполняет свои предвыборные обещания** (zpr-inform.com.ua, 05.12.2017); **12 «подвигов» Трампа: госсекретарь США огласил требования к Ирану. Помпео озвучил 12 требований к Тегерану, включая вывод иранских советников из Сирии** (news-front.info, 22.05.2018).

Проведенный анализ прецедентной единицы *«12 подвигов Геракла»* позволяет выявить трансформационный потенциал конструкции:

1. В адъективных сочетаниях: *«Двенадцать подвигов» ирпенского Геракла* (Наша версия, 29.09.2015); *У американского «Геракла» есть свои 12 подвигов – и все за один год!* (russiancounterterror, 15.01.2018).

2. Приемы языковой игры (на основе фонетического совпадения с фамилиями известных политических деятелей Виктора Геращенко и Валерия Гелетея). Приведем примеры:

12 «подвигов» Ге...! Если после смены власти в Украине что-то и объединяло все политические силы, то это недовольство персоной Валерия Гелетея (Политикус, 15.10.2014). В данном контексте языковая игра построена на аналогии прецедентной ситуации *12 подвигов Геракла* с действиями В. Гелетея, неправомерность которых повлекли увольнение с должности министра обороны Украины.

...дцатый подвиг «Геракла». Впрочем, вопрос о замене Геращенко по-прежнему обсуждается в Кремле. Предполагалось, что Геракл может уйти еще в прошлом году (Московский комсомолец 13.07. 2011). Отметим, что в политических кругах Виктора Геращенко называют *Гераклом*, так как он не только сильный и известный своими поступками политик, но и герой книги Н. И. Кротова «Путь Геракла. История Bankира В. Геращенко». Сокращение числового компонента *двенадцатый* на *... дцатый* подвиг свидетельствует о готовности Виктора Геращенко действовать вопреки генеральной линии власти и протестам своего окружения.

С целью подчеркнуть значимость поступков известных и влиятельных политических фигур в текстах СМИ используется языковая игра, основанная на контаминации с прецедентным антропонимом Геракл: *Царь Всегегей Переигракл-Путин, вызывает к себе во дворец Геракла-Медведева и дает ему задание помочь Авгию Собяниаклу разобраться с его авгиевыми конюшнями* (Эхо Москвы, 03.04.2019).

3. Подвиг как один из элементов прецедентной ситуации **12 подвигов Геракла: Шестой подвиг Геракла. Неканонический вариант.** Ко вкусу железа (да и всей остальной таблицы Менделеева) челябинцы привыкли давно. В обилии бытовой (пачки от сигарет, банки и бутылки) виноваты, конечно, мы сами. Точнее – потеря общественных ориентиров, апатия и смятение умов, характерные для **Трои** перед ее гибелью. То, что это следствие деградации элит – не доказуемо, но напрашивается даже без пророчеств **Сивиллы**. А уж то, что политическая грязь есть наглядное проявление этой самой деградации – к политологическим **Кассандрам** не ходи. В смысле нечистот мы почти что Греция, где, как известно, все есть. **Медея**, карающая собственных детей за измену ветреного искателя **золотого руна Ясона**. Взвод практически не уязвимых в сегодняшних кризисных условиях промышленников – **Ахиллесов** (у этих даже экологическая пятка обросла такой мозолью, что попробуй прокуси). Хитроумный **Одиссей** астраханский, на которого льются потоки помоев [...]. В итоге получите **авгиевы конюшни** почище того, что мы наблюдаем на улице после таяния снегов. Разгрести всю эту грязюку местному **Агамемнону**, а по совместительству, видимо, и **Гераклу** – **Борису Дубровскому** [...]. **Геракл** на то и **Геракл**, авось справится. Главное, чтобы вся наша политически-бытовая пьеса не превратилась в миф о **Сизифе** (obzor74.ru, 26.03.2015). В данном контексте содержится метафорическое описание не только шестого подвига, представленного в заголовке статьи, но и воссоздается целая картина древнегреческой мифологии, описываются наиболее известные персонажи мифов, одним из которых является **Геракл**.

Как известно из мифологических преданий, **Геракл** совершил более **12 подвигов**. Транслируя политические события, те или иные действия или решения политических субъектов, в текстах СМИ конструкция **12 подвигов Геракла** может претерпевать трансформации, а именно замещение числового компонента конструкции с целью подчеркнуть значительность, важность

подвигов или, наоборот, неумелые попытки решить сложную ситуацию, что отражено в следующей классификации:

1. Числительные, называющие более 12 подвигов: **Тринадцатый подвиг Геракла**: древнегреческий мифический герой посещал Украину (vitrenko.org, 20.09.2012); **Николя Саркози совершил 13-й подвиг Геракла** (ИнтерНовости, 12.11.2009); **не мешайте Гераклу совершить свой четырнадцатый подвиг!** Для вас же старается, создает иллюзию очищения ваших же авгиевых конюшен (Риа Новости, 22.05.2017); **Инновационная мусорная реформа – еще один подвиг Геракла** (echo.msk.ru, 03.04.2019); **24 невероятных подвигов современных Гераклов** (womanadvice.ru, 12.08.2017). Увеличения числа подвигов «политических Гераклов» связано с иронической коннотацией результатов их деятельности, а именно создания иллюзии активных действий в решении конкретных политических задачи или социальных проблем.

2. Числительные, называющие менее 12 подвигов: **девять «подвигов»** генпрокурора Луценко (РИА Новости, 03.07.2017); **10 подвигов Виталия**. В Украине Виталий Кличко [...] ассоциируется в массовом сознании с образом Геракла, способным совершить 10, а то и больше подвигов во имя Украины (m.kyiv.znaj.ua, 26.07. 2019).

3. Определения со значением «маловероятный», «неизвестный»: **Сомнительные подвиги «Геракла»**. К «заслугам» одного сомнительного деятеля новейшей эпохи – стоит ли доверять суждениям человека только потому, что он занимал профильный административный пост? (Журналистская правда, 29.07.2016); **Новые подвиги Геракла в России** (www.stihi.ru, 23.11. 2018); **Неизвестные «подвиги» местного «Геракла»**. Но вот за какие выдающиеся «подвиги» удостоен внеочередного офицерского звания Кемайкин? Неужели он как Геракл смог вычистить «авгиевы конюшни» коррупции в администрации Евпатории? (Евпаторийский курьер, 08.11.17).

В некоторых контекстах под **подвигом Геракла** понимается совокупность решений сложных политических проблем: *Лаар: Домбровскису предстоит*

совершить подвиг Геракла. Успешно выступившему на парламентских выборах Валдису Домбровскису предстоит непаханое поле работы (rus.postimees.ee, 03.10.2010); За первые сто дней в Подмосковье Шойгу пришлось повторить подвиг Геракла в борьбе с коррупцией (Русская планета, 24.08. 2012); Распустить Верховную Раду за два месяца до начала выборов на практике оказалось совсем не проблемой и тем более не подвигом Геракла (yandex.ru, 28.05.2019); Подвиг Геракла: после 13-часового обсуждения Сенат США принял план бюджета (russian.rt.com, 23.03.2013).

В отдельных текстах СМИ представлены интерпретации **12 подвигов Геракла**, совершенные субъектами политики. Данные интерпретации могут быть как с положительной, так и негативной коннотацией. Характерно, что некоторые толкования подвигов даются без отсылки к мифологическому сюжету, а имеют лишь политическую направленность. Однако встречаются и контексты, в которых проводятся аналогии действий политических субъектов с подвигами мифологического героя. Приведем несколько примеров:

1. С положительной коннотацией (политический субъект как герой, совершающий подвиги во благо):

1.1. **12 подвигов Путина:** чем президент России удивлял весь мир. *Чтобы поддерживать свой имидж все эти годы, глава государства совершает порой странные и забавные поступки: стал вожаком журавлиного клина, поймал мегациуку, забил 8 голов в хоккее за один матч, выпустил на волю тигров, потушил два пожара, нашел на дне моря редкие амфоры, проехал полстраны на Lada Kalina, укротил истребитель, провел в одиночестве ночь в тайге, погрузился на дно Байкала, стал простым комбайнером, остается бунтарем (66.ru, 07.10.2017).* Перечисленные поступки В. Путина свидетельствуют о том, что он обеспечивает устойчивость и стабильность государства, участвует во всех важных для страны проектах и поддерживает их.

1.2. У американского «Геракла» есть свои **12 подвигов**, и все за один год! И все – во славу и благополучие той половины Америки, что 30 лет жило в «навозе авгиевых конюшен» [...]. Итак, о первых **шести подвигах Геракла-Трампа**. **Первый подвиг: Немейский лев** это – увольнение Трампом директора ЦРУ Коми с его идиотскими мифами о Рашенгейте на выборах-2016. **Второй подвиг: Лернейская гидра** – Трамп «убил чудовище с телом змеи и 9 головами дракона, убил и гигантского рака, который вылез из болота на помощь гидре». **Третий подвиг: Стимфалийские птицы**, которые нападали на людей и скот, разрывая их медными когтями и клювами. Для жителей внутренних районов США те «птицы» несли свою прибыль в офшоры и за рубеж, где налоги были ниже, а прибыль выше. Трамп «перестрелял часть их из лука» – «простыми» обещаниями задавить налогами, если транснациональные корпорации не вернут высокоприбыльное производство в США на свой рынок рабочей силы. За год в США появилось 2 млн. новых рабочих мест. **Четвертый подвиг: Керинейская лань**, никогда не зная усталости, носилась по Аркадии и опустошала поля. Та «лань» в образе «скрытой нелегальной иммиграции» из Мексики, стран Латинской Америки, Африки и даже Сирии подрывала основы свободной конкуренции и плодила страхи американцев перед «домашними» радикалами и террористами извне. Трамп «ранил лань стрелой в ногу, поймал ее и принес живой к Эврисфею в Микены», т.е. принудил Конгресс США принять законы о «спящих» нелегалах. **Пятый подвиг: Эриманфский кабан и битва с кентаврами** – тот кабан (Ким Чен Ын!) наводил ужас на все окрестности (через фейк-СМИ), но Трамп, как и **Геракл** после ссоры с кентаврами («коллегами» из Республиканской партии и всем осточертевшими «ядерными-талмудистами») стрельбой из лука (т.е. при успешных визитах в страны НАТО и АТР) принудил напавших скрываться у кентавра Хирона (это сенатор Маккейн). Преследуя тех «кентавров» одними своими твиттами, **Трамп-Геракл** ворвался в пещеру Хирона и случайно убил стрелой (сарказма!) этого мудрого героя славной Аризоны. Вот почему тот

и встал на сторону Трампа при голосовании в Сенате. Шестой подвиг: Скотный двор царя Авгия не очищался 30 лет. Геракл перегородил плотиной реки Алфей и Пеней и отвел их воду на скотный двор Авгия – весь навоз был смыт с него за день. Трамп за год (!) выгнал из госаппарата тех, кто создавал «вашингтонское болото» ... (russiancounterterror, 15.01.2018).

*1.3. Подвиги Геракла-Порошенко. Для того, чтобы вступить в ЕС Порошенко за 6 лет необходимо совершить почти 12 подвигов Геракла: поймать **киринейскую лань** или увеличить доход на душу населения в 2,5 раза как минимум; уничтожить **лернейскую гидру** и вычистить авгиевы конюшни или избавиться от коррупции и коррупционеров; увести из Аида **Цербера** или вернуть Крым и Донбасс; заполучить наконец **золотые яблоки** или полноправное членство в ЕС (Новости мира, 29.08.2014).*

*1.4. Мифология для президента. Каким образом и сможет ли Зеленский уподобиться **Гераклу**? Когда смотришь на Владимира Зеленского, менее всего думаешь о могучем **Геракле**. Скорее он похож на ловкача Одиссея или музыканта Орфея, рассказ о которых впереди. Но и богатырь Геракл вошел в античный эпос не только как обладатель бездумной силы. Пример тому шестой подвиг героя [...]. Современный, амбициозный, открытый всем ветрам, новый президент совсем не похож на классического представителя постсоветских элит. Элит, в эпоху демократии и открытого общества переживающих упадок, погрязших в коррупции и кумовстве, сделавших Украину инструментом заработка, утопивших ее в лжи лицемерии и бедности. Зеленский для украинской политики – молодой и неформатный [...]. Судя по заявлениям и первым кадровым решениям, Зеленский намерен действовать как **Геракл**, сумевший в один день очистить конюшни царя Авгия, просто перенаправив русло рек и позволив воде вымыть вековой мусор. В таком случае задача команды Зеленского – выстроить грамотную систему рекрутинга и просто открыть для молодых окно возможностей. А дальше молодость сама вычистит и «перезальет» парламент, политическую систему и госаппарат необходимыми инновациями. Если все*

получится, однажды президент Зеленский сможет обратиться к Украине словами **Геракла**: «Я очистил твои конюшни не только от навоза, но и от всего, что было ветхо и давно сгнило» (www.pravda.com.ua, 13.05.219). В данном контексте сравнение В. Зеленского с Гераклом основано не на таких характеристиках героя, как сила и мужество, а на амбициозности и новом, неординарном подходе к решению проблем.

2. С негативной коннотацией (политический субъект как псевдогерой), совершающий нелепые, необдуманные поступки, которые с иронией или сарказмом характеризуют лидера как слабого руководителя, не способного решать проблемы государства или региона:

2.1. **12 подвигов Саакашвили.** Чем прославился одесский губернатор за год? **Подвиг № 1:** «Забор Хмельницкого». О проблеме доступа к морю горожанам; **подвиг № 2:** «Авгиевы конюшни». О сокращении штата администрации города; **подвиг № 3:** приписывание заслуг в создании «Новой полиции»; **подвиг № 4:** невыполненное обещание повышение зарплат сотрудникам «Центра обслуживания граждан»; **подвиг № 5:** нерешенные проблемы с открытием самой большой набережной Европы; **подвиг № 6:** сокращение грузопотока на трассе «Одесса-Рени»; **подвиг № 7:** расходы на перелеты в 13 раз превышают официальные доходы губернатора; **подвиг № 8:** попытка создания «Открытого таможенного пространства» в здании морского вокзала – одной из визитных карточек города; **подвиг № 9:** поддержка Саши Боровика на выборах мэра Одессы что повлекло потерю популярности губернатора; **подвиг № 10:** «Борьба с дорожным знаком». О показательном выкорчевывании на камеры дорожного знака, который вскоре появился вновь; **подвиг № 11:** «Бе-бе-бе!». За год своей работы Саакашвили обозвал воров, негодяем и коррупционером многих чиновников и политиков; **подвиг № 12:** «Белинский, Жуков и Красные Зори». Переименование около 50 одесских улиц и распоряжение о сносе памятников, которые уже давно снесены (Военно-политическое обозрение, 06.06.2016).

Данный контекст с иронией описывает попытки благоустройства города, которые нанесли больше вреда, чем пользы для местных жителей.

2.2. **12 «подвигов» народного депутата Александра Пресмана.** И так, давайте рассмотрим какие «подвиги» совершил «творящий добро» народный депутат Украины по 139 избирательному округу Пресман Александр Семенович во благо своих избирателей: **Подвиг №1** – 16 января 2014 года не проголосовал за «Закон о диктатуре»; **подвиг №2** – после бегства экс-президента Виктора Януковича вышел из Партии Регионов и вступил в депутатскую группу «Экономическое развитие»; **подвиг №3** – отсутствовал при голосовании за возвращение к конституции 2004 года и парламентско-президентской республике («О восстановлении действия некоторых положений Конституции Украины»); **подвиг №4** – не принимал участия при голосовании за Закон «Об очищении власти» («о люстрации»); **подвиг №5** – отсутствовал при голосовании за изменения законодательства, в связи с принятием ЗУ «Об информации» в новой редакции и ЗУ «О доступе к публичной информации»; **подвиг №6** – за все время работы в составе Верховной Рады VII созыва так и не воспользовался правом подачи депутатских запросов; **подвиг №7** – не проявляет активности в социальных сетях; **подвиг №8** – прогулял из 182 пленарных заседаний – 58; **подвиг №9** – за весь период своей работы в ВСУ разработал всего 7 законопроектов; **подвиг №10** – в 2012 году отказался дать согласие на обнародование Декларации о доходах; **подвиг №11** – из 24-х пунктов своей предвыборной программы, предпринял меры по реализации только 2-х пунктов; **подвиг №12** – присутствовал в зале заседаний народных депутатов, но не принимал участия в голосовании за внесение в повестку дня Проекта закона «О выборах народных депутатов по открытым партийным спискам» (Вестник Коминтерново, 21.10.2014).

2.3. **12 подвигов Геракла Онищенко** (www.public.ru, 21.10.2013). В данном контексте под подвигами с иронией описываются наиболее резонансные в текстах СМИ решения политика на запрет ввоза в Россию

свежих овощей из Европы, украинских конфет «Рошен», белорусского молока, латвийских шпротов, грузинского, молдавского вина.

2.4. *Парламентское меньшинство на минувшей неделе планировало совершить, как минимум, три «подвига Геракла»: назначить выборы в Киеве, отменить пенсионную реформу и отправить правительство Азарова в отставку* (news24ua.com, 22.04.2013).

2.5. *12 подвигов Геракляка. Достижения действующего Кабмина можно свести к 12 пунктам, чтобы не отступать от классических канонов, в соответствии с которыми настоящий герой совершает именно 12 подвигов. А для лучшего осознания ценности свершений попробуем спроецировать подвиженскую деятельность Кабмина на среднестатистического человека, например, на Ивана Петровича Геракляка* (Горох, 09.11.2015).

2.6. *«Ряд проектов» Кухарчука – почти 12 подвигов Геракла: организация нападений на участников митинга Порошенко в Черкассах; срыв сессии городского совета представителями «Нацкорпуса»; спиливание биллбордов политических оппонентов, уличные драки, сломанные челюсти... Вчера прокуратура официально сообщила, что «Геракл» проходит как подозреваемый в совершении трех уголовных правонарушений* [перевод наш – А.М.] (Дзвін, 19.11.2009). Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что в медиатекстах преобладают контексты с негативной коннотацией, что свидетельствует о неспособности ряда политических лидеров быстро и эффективно решать проблемы государств и регионов, совершая при этом необдуманные, поспешные поступки, имеющие негативные последствия.

Таким образом, исследование показывает, что рассмотренные прецедентные единицы *Геракл* и *12 подвигов Геракла* упоминаются в современных массмедийных текстах без каких-либо пояснений, которые предполагают знание реципиентом того или иного мифологического сюжета и легко поймут аллюзии к нему. Следует отметить, что прагматический потенциал прецедентных текстов напрямую связан с проблемой их

адекватного восприятия, так как, кроме «красивой оболочки», следует учитывать мифологический аспект, его глубинное значение, которое и вызывает определенные ассоциации, необходимые для правильной интерпретации. Анализ показал, что прецедентный антропоним *Геракл* в массмедийных текстах зачастую носит иронический или саркастический характер, а сочетание *12 подвигов Геракла* используется чаще всего в значении «нелепые, неблагоприятные поступки» субъектов власти и занимает важное место в русскоязычных медиатекстах.

2.2. Функционально-прагматический потенциал прецедентного антропонима *Прометей* в текстах русскоязычных СМИ

Согласно данным проведенного анализа, признаки, создающие образ *Прометея* в массовом сознании (самопожертвование во имя человечества, благородство, подаренный огонь, просвещение) становятся универсальными, а атрибуты, характеризующие прецедентную ситуацию (скала, орел, печень) в современном обществе фигурируют в качестве символов прецедентной ситуации. Таким образом, можно утверждать, что антропоним *Прометей* приобретает статус имени-символа и становится прецедентным.

В «Словаре крылатых слов» под редакцией Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной *Прометей* определяется как «один из титанов, который похитил огонь и научил людей пользоваться им, чем подорвал веру в могущество богов. За это разгневанный Зевс повелел Гефесту (богу огня и кузнечного искусства) приковать *Прометея* к скале; ежедневно прилетавший орел терзал печень прикованного титана (Гесиод. Теогония; Эсхил. Скованный Прометей). Возникшее на основе этого мифа выражение «прометеев огонь» употребляется в значении: священный огонь, горящий в душе человека, неугасимое стремление к достижению высоких целей в науке, искусстве, общественной работе. Образ *Прометея* является символом человеческого достоинства, величия» [Ашукин 1988, с. 456]. Начиная с XVII

века, образ *Прометей* появляется на полотнах известных художников (картина Рубенса «Прометей прикованный» (1611), картина Хосе де Рибера «Прометей» (1630), картина Ораса Верне «Польский Прометей» (1831) и многие другие), при этом свое отражение находят различные черты древнегреческого героя. Современное искусство, прежде всего кинематограф и литература, также заимствуют сюжет из известного мифа. Так, в 2012 году на экраны вышел ставший популярным американский научно-фантастический фильм режиссера Ридли Скотта «Прометей» (2012), а с середины XX века и до сих пор на полках магазинов не перестают появляться книги, где *Прометей* является центральным образом. В отличие от известной древнегреческой трагедии Эсхила «Прометей прикованный», сохраняющей мифологический сюжет, современные авторы создают образ «нового *Прометей*», помещая героя в реалии новой эпохи или представляя в образе *Прометей-просветителя* известных деятелей истории и литературы (см. романы А. Моруа «Прометей, или Жизнь Бальзака» (1965), Е. Гуляковского «Меч Прометей» (2006), Р. Мориса «Таинственные превращения. Новый Прометей» (2013), П. Фокина «Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый» (2016), О. Фейгина «Никола Тесла. Прометей XX века» (2017) и многие другие).

В мировом искусстве образ *Прометей* является весьма востребованным и фиксируется в живописи и литературе, театре и кинематографе. Представляясь ценным фрагментом русского языкового сознания, *Прометей* становится источником ассоциаций, подвергается неоднозначной интерпретации и аккумулирует черты древнегреческого и современного героя. Вписываясь в массмедийное пространство, данный образ транслируется на различные сферы товаров и услуг, в медицину, искусство, образование. Подчеркнем, что трансляция не всегда происходит на основе признаков, которые сближают номинируемый объект с образом *Прометей*. Ряд товаров и услуг получил номинацию *Прометей*

немотивированно, на основе того, что данный антропоним является знакомым носителям языка и воспринимается ими положительно.

Анализ корпуса рекламных текстов позволил выделить сферы, использующие образ *Прометей* для привлечения потенциального клиента или потребителя:

ТОВАРЫ: *электротовары* (электронная сигарета «Прометей», электрошокер «Прометей», электрорадиатор «Прометей», электролизер «Прометей», электронная доска «Прометей», плита мультитопливная «Огонь Прометей»); отопительные системы (твердотопливный котел «Прометей», газосварочный аппарат «Прометей», камин «Прометей»; горелка инфракрасного излучения «Прометей», биокамин Bradex «Прометей», минеральная вата «Прометей», печь банная «Прометей», обогреватель «Прометей», печь-камин «Прометей», теплоаккумулятор «Прометей», бойлер «Прометей»); *ткани и одежда* (костюм сварщика «Прометей», огнестойкий трикотаж «Прометей», огнестойкий интерлок «Прометей», ортопедическая детская обувь «Прометей» (износоустойчивая), костюм прометей-2, спецодежда «Прометей», постельное белье «Прометей»); *транспорт* (крейсерская яхта «Прометей», парусная яхта «Прометей», парусно-моторная яхта «Прометей», разъездной катер «Прометей», лодка «Прометей», «Прометей-28» – пожарный катер, рыболовный траулер «Прометей», теплоход пожарный «Прометей-78» (поисково-спасательное судно), танкер «Прометей»).

УСЛУГИ: *санаторно-курортные комплексы* (санаторий «Прометей», детский санаторий «Прометей», оздоровительный комплекс «Прометей» (г. Евпатория), отель «Прометей Клуб», Спа-отель «Прометей», сауна «Прометей», пансионат «Прометей плюс»); *спортивная сфера* (физкультурно-оздоровительный комплекс «Прометей», теннисный клуб «Прометей», центр бодибилдинга и фитнеса «Прометей», спортивный лагерь «Прометей»; спортивно-оздоровительный лагерь «Прометей»; спортивный клуб «Прометей»; школа дзюдо «Прометей», танцевально-спортивный клуб

«Прометей», футбольный клуб «Прометей», аматорский шахматный турнир «Прометей», секция шашки и шахматы «Прометей», школа единоборств для взрослых СК «Прометей»); **агентства, бюро, компании по предоставлению услуг** (агентство недвижимости «Прометей», зерноторговая компания «Прометей», охранный агент «Прометей», компания грузоперевозок Прометей-Юг; транспортная компания «Прометей», агентство праздников «Прометей», риэлтерское агентство «Прометей», Digital-агентство «Прометей» (развивающая бизнес в сети Интернет), агентство права «Прометей», юридическое агентство «Прометей», рекламное интернет агентство «Прометей», «Прометей» – экспертно-правовой центр, издательство «Прометей», пиротехническая компания «Прометей», конструкторское бюро «Прометей», торговый дом по установке каминов, печей «Прометей», Прометей Хоум – Интернет-провайдер, благотворительный фонд «Прометей», журнал «Новый Прометей», жилой комплекс «Прометей», туристическая фирма «Прометей»); **медиа- и издательская сфера** (информационное агентство «Прометей», историко-биографический альманах «Прометей», издательство «Прометей», общественно-политическая газета «Прометей», типография «Прометей», издательский дом «Прометей»); **торговые центры и магазины** (магазин люстр «Прометей», магазин бытовой техники «Прометей», магазин пожарного оборудования «Прометей», магазин окон «Прометей», магазин мужской одежды «Прометей», книжный магазин «Прометей», магазин продуктов «Прометей», магазин инструментов «Прометей», оптово-розничный магазин профессиональной косметики «Прометей», магазин лодок «Прометей»); **предприятия общественного питания** (бар «Прометей», кафе «Прометей», ресторан «Прометей», гостинично-ресторанный комплекс «Прометей», кафе-бар «Прометей», закусочная «Прометей», столовая «Прометей»); **предприятия по предоставлению ритуальных услуг** (кузница «Ковка Прометей» (изготовит любые ритуальные ограды), гранитно-мраморная мастерская «Прометей»,

ритуальные услуги «Прометей-инво», бюро по предоставлению ритуальных услуг «Прометей», городское похоронное бюро «Прометей», компания по производству металлических оград «ПроМетей»); **производственные предприятия** («Дар Прометея» – производство сварочного оборудования, «Инженерно-технологический центр «Прометей» – специализированное предприятие в области сварочного производства, «НПО КМ «Прометей» – изготовление гидравлических и пневматических испытательных стендов, «Прометей» – литейное производство).

ОБРАЗОВАНИЕ: школы и центры для детей (частная школа «Дельта-Прометей»; танцевальная школа «Прометей», детско-юношеская спортивная школа «Прометей», «Прометей» – школа нового человека (сайт), школьное научное общество «Прометей», детский центр развития «Прометей», лицей «Прометей», школа «Прометей»); **образовательные организации** (научно-исследовательский институт конструкционных материалов «Прометей» имени академика И. В. Горынина, студенческий педагогический отряд «Прометей», система дистанционного обучения «Прометей», учебный центр «Прометей», частное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Прометей-М»).

МЕДИЦИНА: поликлиника «Прометей», медицинский центр «Прометей», фиточай «Прометей», печеночный фиточай «Прометей», аппарат для поддержки функции печени «Прометей», «Прометей-плюс» шприц двухкомпонентный, бады «Прометей».

ВОЕННАЯ ТЕХНИКА: С-500 «Прометей» – зенитный ракетный комплекс, танк «Прометей», ручной огнемет «Прометей», космический корабль «Прометей», субмарина-истребитель «Прометей», подводная лодка «Прометей», боевая баржа «Прометей».

Таким образом, широкий спектр реализации номинации, может быть обусловлен следующими фактами:

1. Наличие ядерного компонента, сближающего образ Прометея с той или иной сферой: компоненты *огонь, горение* со сферами электротовары и военная техника; компонент *просвещение* со сферой образование.

2. Использование знакомой и позитивно коннотируемой номинации как средства манипуляции потенциальным потребителем.

Как показали количественные подсчеты, немотивированное использование антропонима *Прометей* как номинации определенного товара или организации превалирует над мотивированным и составляет более 80 % употреблений.

Метафорический потенциал языковых единиц, реализуемых в политическом тексте, существенно отличается от их потенциала в тексте рекламном. Данный факт обусловлен различием в прагматических установках рекламщиков и людей, связанных с политической сферой, их ключевыми целями и стратегиями. Так, если рекламный текст призван увеличить количество потребителей товаров или услуг, то целью политического текста является борьба за власть, потенциальный электорат.

Так, в политических текстах образ *Прометея* наслаивается на политических лидеров, характеризуя их как субъектов, наделенных силой и властью. Подобные образы способны организовывать метафорические сценарии, основанные на сопоставлении древнегреческого мифа и современных реалий. В основе подобных сценариев в политических текстах лежат следующие параметры:

1. **Сила и власть: Путин как Прометей.** *Путинское правление было эпохой вынужденного титанизма, когда отождествление рыночной стихии с волей бога-пантократора оказалось чем-то уже запредельно пошлым* (ПН, 15.04.2010); *Ядерная поступь Прометея. Логика нашего «Путина-Прометея» проста и понятна. Мир разделился на Лагерь «Гегемона-Зевса», который берег Огонь от людей и «лагерь Прометея», несущего людям Огонь* (Конт, 15.10. 2016).

2. **Защита:** *Пока Бог благословляет Америку, Прометей защищает Сирию, Россию и КНДР (ПО, 29.04.2017).*

3. **Ассоциация с тем, как Прометей несет людям огонь:** *Ядерный Путин несет всему миру могучую энергию атома, как когда-то Прометей нес Огонь Человечеству... При этом, не раскрывая его секреты... (Конт, 15.10.2016).*

Образ **Прометея** не ассоциируется с определенным политиком, но сравнивается с некоторыми из них: *Дмитрий Медведев в роли Прометея. Тогда будущий президент подарил жителям поселка с поэтическим названием Синезеркигаз (АиФ, 19.03.2014); Алексис Ципрас – новый Прометей еврозоны. В СМИ изображается греческий глава кабинета министров Прометей, который пытается вырваться из оков Евросоюза, а орел, который клевал печень титана, Германия, на гербе которой изображен именно орел (www.greeks.ua, 18.07.2016).*

Подчеркнем, что под **Прометеем** в политических текстах понимаются не только политические лидеры, но и иные политические субъекты: **государства («Прометей»): Польша и Украина – и свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Новая газета, 26.07.2015); атомщики (Атомщики, работавшие на ЧАЭС, считали себя именно Прометеями, производящими для людей энергию (Политком, 27.04.2011).**

Еще одним вариантом переосмысления образа **Прометея** является создание ядерного реактора, и таким образом, подчеркивается ход времени – изменение потребностей человечества от времен **Прометея** до наших дней (от огня до ядерного оружия): **От огня Прометея к термоядерному реактору. С тех пор, когда Прометей подарил огонь людям, прошло много тысячелетий. Мир изменился, люди научились сами себя обеспечивать светом и теплом, более того они научились производить энергию при помощи нефти, газа и угля. В мире сейчас современные Прометеи, которые вопреки нефтегазовым богам, каждый день трудятся ради того, чтобы подарить миру «огонь Прометея», то есть много дешевой энергии. Эти**

«Прометеи» – ученые, которые занимаются созданием термоядерного реактора (h.ua, 14.07.2014). В данном контексте наблюдается переход имени собственного в имя нарицательное, что связано с широкой популярностью и известностью прецедентного антропонима *Прометей*, а также с его универсальными ассоциативными признаками – просвещение, самопожертвование, находящими отражение в современной политической реальности.

Основой для ассоциирования является не только образ самого *Прометея*, но и конструкция *огонь Прометея*. Если в мифе *огонь Прометея* оценивается положительно и представляется для человечества спасительным, в медиатекстах он описывается с полярных позиций. Так, с одной стороны, он несет угрозу и разрушение: *Огонь американского Прометея готов сжечь не только Майдан, но и всю Украину* (НГ, 19.01.2014). С другой стороны, *огонь Прометея* является символом благородства, честности и гуманизма, ценных для существования и развития государства: *В России погас не только олимпийский Огонь. В России погас огонь Прометея. По мнению блогера Ю. Магаршака то, что в Кремле олимпийский огонь погас – естественное и неизбежное следствие власти, в которой главенствуют жульничество, лживость и воровство. А огонь Прометея – это огонь разума, который в человечестве правит. Разума, который преобразил Землю, подавив дикость, варварство, бесчеловечность* (КЭ, 07.10.2013). В медиатекстах компонент *огонь* может замещаться на компонент *факел*, который в контекстах представлен как символ власти и могущества: *Националистический альянс, или в чьих руках факел Прометея* (ОР, 08.02.2013).

В основе ключевых метафорических сценариев, представленных в медиатекстах, лег эпизод о плате *Прометея* за сделанное им добро. Согласно мифу, Зевс обрек *Прометея* на вечные муки – орел терзал печень прикованному к скале титану. Аналогия в контекстах, как правило, проводится эксплицитно, при этом с *Прометеем*, как правило, сравниваются

не лица (политические лидеры), а государства. Подчеркнем, что подобные сравнения описывают беспомощность и бесперспективность государств, сложную ситуацию, в которую они попали: **Украина – прикованный к скале Прометей...** *Украина представляла собой современного прикованного к скале Прометея, в то время как его печень совместно клевали орлы самых разных геополитических мастей* (Махпарк.com, 21.05.2014).

Интересным для анализа является трансформационный потенциал представленного фрагмента. В медиатекстах компоненты **орел** и **Прометей** могут быть замещены другими номинациями. Так, в роли **орла** наиболее активно выступают следующие субстантивы:

– **названия птиц:** *Вместо выборов начали делить власть на майдане вооруженным путем, тут же с Запада налетели вороны печенку навшей Украины клевать* (Цензор.нет, 08.12.2017);

– **названия хищных птиц в сочетании с конкретным собственным именем-антропонимом** (как правило, номинирующим политического лидера): *«Орлица» Ирина Фарион хочет выклевать финансовую печень бывшим регионалам* (Антифашист, 11.09.2015); *«Ястреб» Порошенко выклевал печень российскому «Яндексу» и социальным сетям РФ* [о закрытии доступа в Украине к российским социальным сетям – А. М.] (Антифашист, 16.05.2017);

– **государства:** *Греция будет продолжать клевать печень европейского Прометея не одно десятилетие, но делать это максимально аккуратно, чтобы не доконать совсем* (Noteru.com, 15.05.2015); *Янукович признался, что Россия клюет Украине печень. Газовый контракт с Россией, доставшийся Украине в наследство от предыдущей власти, держит всю отечественную экономику в напряжении* (Обком, 25.02.2011);

– **санкции:** *Как санкции против России эстонцам всю печень проели. Давнишний громовержец Зевс экономил на корме для своего ручного орла. И пускал его лакомиться печенкой одного титана. Вот и в Таллине кое-кто ощущает себя Прометеем, не меньше. Сначала Брюссель сковал*

«солидарными решениями», теперь все нутро выедает (РиаНовости, 07.09.2016).

Значимость образа **Прометея** в русском языковом сознании подтверждается широким деривационным потенциалом имени собственного. Так, широко известным в обществе XX века был **прометеизм** – политический проект, представленный польским политическим деятелем Юзефом Пилсудским, позднее ставшим главой Второй Польской республики. Его целью было ослабление и расчленение Российской империи и впоследствии Советского Союза с помощью поддержки националистических движений за независимость основных нерусских народов, живших в пределах России и СССР. Утратив свою политическую актуальность, в современных медиатекстах **прометеизм** становится основой для сравнений и аналогий мифологического сюжета с политическим проектом, утратившим свою популярность: *Польский прометеизм издавна упрекают в излишнем идеализме, который якобы приводит к тому, что идею разрывания бывшей российской империи по национальным швам невозможно осуществить на практике. Между тем Варшава не сдается и с небольшими перерывами продолжает сизифов труд. Особенно в энергетике видна возможность воплотить в реальность благородную прометейскую идею. Тут могут пожать друг другу руки философы из краковской кофейни и инженеры из горно-металлургической академии. Их может объединить «энергетический прометеизм»* (Новая газета, 05.03.2015).

В русскоязычных медиатекстах весьма активно встречаются и иные новообразования, способные иметь как отрицательное, так и положительное значение: *после самоубийства СССР «прометеевцы» своей целью определили Россию, активно используя идеологему о порабощении русскими иных народов Российской Федерации* (Геополитика, 15.02.2013); *В романтическом образе античного героя видели себя руководители польской разведки, которые взяли под свою опеку грузинских и иных «прометейцев»* (Новая газета, 28.11.2012); *О том, как быстро улучшить политику соседства*

Литвы, по-прометейски говорят не только общественные деятели, введенные в заблуждение искаженными фактами, но особенно – представители оппозиционных партий (Иносми.ру, 01.06.2012).

Таким образом, прецедентный антропоним *Прометей* является значимым фрагментом политической картины. Семантические и грамматические трансформации, происходящие с ключевой единицей *Прометей* и построенными на ее основе устойчивыми конструкциями, служат индикатором изменений, происходящих в современном мире политики и активно используется в массмедийных текстах.

Таким образом, изменение семантики прецедентного феномена *Прометей*, функционирующего в массмедийных и политических текстах, экспликация новых коннотативных оттенков в мифологическом сюжете приводит к проявлению высокого уровня метафоричности, изменению коннотативного фона.

2.3. Особенности реализации прецедентного антропонима *Гермес* в текстах русскоязычных СМИ

Представляясь ценным фрагментом русского языкового сознания, антропоним *Гермес* становится источником ассоциаций, подвергается неоднозначной интерпретации и аккумулирует черты древнегреческого и современного героя. Так, в массмедийных текстах образ *Гермеса* наслаивается на современных лидеров, характеризуя их деятельность, черты характера, совершаемые поступки. Актуальность данного образа в текстах СМИ также связана с атрибутами, принадлежащими денотату, которые описываются через систему образных средств.

В словаре «Античный мир в терминах, именах и названиях» под редакцией И. А. Лисового, К. А. Ревяко *Гермес* в древнегреческой мифологии определяется как вестник и посланец богов, бог животноводства, покровитель пастухов и путешественников, сын Зевса и плеяды Майи

[Лисовый 2001, с. 65]. В книге Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» несколько дополняется образ Гермеса, указываются его атрибуты «с быстротой мысли переносится он с Олимпа в крылатых сандалиях, с жезлом-кадуцеем в руках; охраняет пути, покровительствует путникам по жизни, ведет души умерших в царство Аида. С развитием торговли Гермес становится покровителем торговли, изворотливости, обмана и даже воровства. Кроме того, он покровитель юношества, атлетов, бог гимнастики» [Кун 1985, с. 34].

Использование прецедентного антропонима *Гермес* в медиатекстах позволяет провести параллели между деятельностью современных политических лидеров, их личными качествами и выразить отношение к актуальным проблемам современного общества посредством исследуемого прецедентного антропонима: *в предчувствии «Майдана-бис». Конечно, трудно представить Владимира Филенко [Народный депутат Украины - А.М.] в роли Гермеса с крылышками на сандалиях [...] и сандалии никто уже давно из означенных товарищей не носит...* (versii.com, 25.11.2015).

Проведенный анализ показал, что, частично сохраняя денотативное значение в контекстах, прецедентный антропоним *Гермес* приобретает новые семантические признаки, например, политик в роли искателя путей решения проблем (искатель), политик в роли бога торговли (финансист), политик решает международные вопросы (дипломат) и т.д., формируя при этом отличные от словарных дефиниций значения. При характеристике того или иного субъекта-политика прецедентный антропоним Гермес актуализирует одно из денотативных значений мифологического героя Гермеса «бог торговли», при этом остальными характеристиками политический лидер не наделяется: *«Гермес» Путин ищет новый поток. Президент России Владимир Путин ищет альтернативу канувшему в Лету газопроводу Южный поток* (Факты, 27.05.2016); *«Гермес» Путин ищет новый поток. Путин в роли бога торговли* (Новости, 27.05.2016).

Реализуясь в медиатекстах, прецедентный антропоним *Гермес* используется во фразеологизированных прецедентных сочетаниях, подчеркивающих нетипичность использования имени Гермес: *Европейский Гермес. Земана прислали к Путину договариваться об отмене санкций. Президент Чехии заявил Путину, что с санкциями нужно заканчивать* (Новая газета, 21.11.2017). В данном контексте также актуализируется денотативная составляющая «бог торговли», в образе которого выступает президент Чехии Милош Земан, который налаживал взаимоотношения с Россией в части продовольственной и пищевой промышленности. Как известно из лексикографических источников, Гермес был умен, красноречив, изобретателен, посылал людям богатство [Кун, с. 34]. Приведем следующий пример фразеологизированного прецедентного сочетания: *Зачем ближневосточный «Гермес» [король Иордании Абдалла II – А.М.] летит в Москву* (Компромат, 24.11.2015). Можно сделать вывод, что данное сочетание актуализирует денотативный компонент «ум», «изобретательность», так как под руководством Абдаллы II Иордания из бедной страны, у которой нет ни нефти, ни газа, превратилась в сильное государство – своего рода местную Швейцарию. Представление современных субъектов политики как прототипов древнегреческих богов и героев с различными преобразованиями семантики позволяют провести важные аналогии и обладают значительным прагматическим эффектом.

Вписываясь в массмедийное пространство, мифологический образ транслируется на различные сферы товаров и услуг, на военную промышленность, искусство, образование. Подчеркнем, что трансляция не всегда происходит на основе признаков, которые сближают номинируемый объект с образом *Гермеса*. Как показал анализ медиатекстов, ряд товаров и услуг получил номинацию *Гермес* немотивированно, на основе того, что данный антропоним является знакомым носителям языка и коннотируется ими положительно.

Можно предположить, что приведенные примеры прагматонимов получили свои названия на основе сходства с образом *Гермеса* по следующим признакам:

1. Проводник умерших душ: ритуальное муниципальное предприятие «Гермес», похоронное бюро «Гермес Юг», ритуальный салон «Гермес», студия мемориальной архитектуры «Гермес»; компания Гермес-Электро, кабель и провод, торговый дом «Гермес» – оптовые поставки кабеля и электротехнической продукции, ТК Гермес поставляет оптический кабель на всей территории Российской Федерации и т.д.

2. Покровитель путешественников: туристическая компания «Спутник-Гермес», туроператор «Гермес-тур», туроператор Гермес Тревел Групп, бюро путешествий и экскурсий «Гермес», «Гермес-авто» – прокат автомобилей, интернет-кафе «Гермес-мастер», гостиничный комплекс «Гермес» и т.д.

3. Покровитель торговли: Интернет-магазин бытовой техники Гермес Крым, мебельный склад «Гермес», ТЦ «Гермес Плаза», магазин-склад сантехники «Гермес», магазин строительных материалов «Гермес», магазин мебели «Гермес», Гермес - магазин бытовой техники и электроники, компьютерный магазин «Гермес», салон-бутик меха «Гермес», Интернет-магазин полезных покупок «Гермес» и т.д.

4. Бог красноречия: тренинг-центр по ораторскому мастерству «Гермес», школа скорочтения «Дар Гермеса».

5. Покровитель атлетов, гимнастики: клуб любителей спорта «Гермес», фитнес-клуб «Гермес», тренажерный зал «Гермес», спортивный центр «Гермес», спортивно-оздоровительный комплекс «Гермес», бально-спортивный центр творчества «Гермес» и др.

6. Бог магии, алхимии и астрологии: астрологический сайт «Гермес», центр живой эзотерики Гермес.

7. Бог-покровитель стад, иногда изображался с бараном в руках: Победа – за Чаусским «Гермес». «Внедрились» коммунальщики и в

сельхозпроизводство, создав полтора года назад **филиал «Гермес»**, который специализируется на откорме крупного рогатого скота (Искра. 18.02.2016).

8. **Скорость** «с быстротой мысли переносится он с Олимпа на самый дальний край света...» [Кун, с. 33]. С данной характеристикой прецедентного имени связано широкое употребление в СМИ названий ракет, беспилотников и других видов скоростной военной техники: *Террористы попадут под «Гермес»*. Газета «Известия» сообщает о предстоящих испытаниях в Сирии новейших противотанковых управляемых ракет «Гермес» (politrussia.com, 27.10.2016); *Новый российский ПТРК: долгожданный «Гермес» готов? В разработке находится противотанковый ракетный комплекс (ПТРК) нового поколения* (gpolitika.com, 19.11.2016); *«Кузнецов» обкатает в Сирии «Гермес»*. Комплекс «Гермес» относится к новому поколению ракет (www.newsli.ru, 29.10.2016); *Удар «Гермеса»: на что способна новейшая противотанковая ракета* (Телезвезда, 28.05.2015); *Налет британских беспилотников **Hermes-450** в Афганистане превысил 70 тысяч часов* (Тасс, 20.09.2013).

Зачастую в текстах СМИ основой прецедентности становится не только антропоним, но и признаки лица, характеризующие его деятельность, черты характера, внешность, события, связанные с носителем имени, а также атрибуты того или антропонима. По мнению И. В. Захаренко, апелляция к прецедентному имени в коммуникации может осуществляться с помощью атрибутов, под которым он понимает «то, что тесно связано с означаемым прецедентным именем, но не является необходимым для его сигнификации. В качестве атрибутов могут выступать детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату и по которым можно идентифицировать или узнать денотат» [Захаренко 1997, с. 90].

Так, в медиатекстах основой для ассоциирования становятся следующие атрибуты, принадлежащее **Гермесу**: 1) таларии (крылатые сандалии): *турагентство «Таларии»*, *агентство горящих путевок «Таларии»*, *«Таларии» компания по продаже билетов и бронированию гостиниц, салон*

обуви «Таларии», магазин анатомической обуви «Таларии», ванночка для ног «Таларии Гермеса»; 2) кадуцей – жезл Гермеса: *Кадуцей над великой Россией. На гербе государственной налоговой и таможенной служб Российской Федерации, (а с недавних пор и на новых страховых медицинских полисах), некоторых иных государственных учреждений, в когтях двуглавого орла, вместо скипетра и державы, изображены некий ключ и Кадуцей – фаллический жезл с двумя переплетающимися между собой змеями* (dsnmp.ru, 13.09.2010).

Важно отметить, что активными в текстах СМИ становятся конструкции, которые с ироническим оттенком подчеркивают значимость определенных результатов, например, достижений в спорте, которые моделируются на основе сравнения с сандалиями *Гермеса: Чемпион мира в тяжелом весе по версии WBC Виталий Кличко опроверг слухи, что он и его брат Владимир использует особые перчатки, которые дают им серьезное преимущество: «Перчатки у нас, конечно, не те, что у других. И боксерки тоже не те. У них есть крылышки, как на сандалиях у Гермеса, и на них можно летать. И вообще, с нами явно что-то не то – так долго не боксируют и не остаются на вершине профессионального бокса* (sportrbc.ru, 23.08.2012).

Конструкция «крылатые сандалии» при реализации в текстах СМИ имеет два различных ядерных компонента:

1. Обувь: *«Секрет Гермеса» доводит жителей райцентра до сердечного приступа. Вкладыши для обуви с интригующим названием «Секрет Гермеса». Приборы медицинского назначения, которые жители райцентра покупают за несоизмеримо высокую цену, мягко говоря, не оправдывают ожидания. А вернуть их продавцам проблематично.* (Вечерний Брест, 10.02.2018). Данный контекст можно рассматривать с положительной и отрицательной коннотацией: вкладыши для обуви «Секрет Гермеса», которые, по словам маркетологов, увеличивают энергетические потоки между телом и поверхностью земли и обеспечивают нормализацию уровня энергии человека; в негативном значении – продавцы молниеносно исчезают, не вернув деньги

обманутым покупателям. *Крылатые сандалии мирового спорта. Над сотворением идеального спортивного ботинка вот уже несколько десятилетий бьется самая передовая научная мысль, прибегающая к самым совершенным технологиям...* (bolshoisport.ru, 12.07.2017).

2. Скорость: *Сегодня в Якутске прошла I церемония вручения премий журналистам региональных СМИ «Крылатые сандалии Гермеса – 2015»* (sakharpress.ru, 15.01.2016). Так как первыми журналистами были гонцы, которые в давние времена разносили срочные вести, покровителем журналистов стал греческий бог Гермес – вестник богов, в крылатых сандалиях: *Случилось это через несколько дней после того, как первый пассажирский рейс между Сочи и Гаграми совершил катер на подводных крыльях «Гермес»* (Труд, 22.09.2009); *Крылатые сандалии для Аполлона. Современному художнику покровительствует не только Аполлон, но и Меркурий. Ведь кроме вдохновения живописцу нужны две вещи: понимание коммерческих тонкостей и крылатые сандалии, чтобы успевать за временем* (mk.by, 01.10.2014).

Таким образом, активное и разностороннее использование прецедентного антропонима *Гермес* в текстах СМИ не только служит инструментом распространения информации, но и способствует реализации коммуникативных тактик и стратегий, направленных на формирование читательской позиции и ценностных установок. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что образ *Гермеса* не является односторонним, в нем заложено взаимопроникновение мифологического и современного, что и обуславливает качественный переход собственного имени в имя прецедентное, его широкое использование в текстах различных сфер.

2.4. Специфика функционирования прецедентного антропонима *Кассандра* в текстах русскоязычных СМИ

Как показал анализ, в современном медиадискурсе активно функционирует прецедентное имя *Кассандра*. В системе древнегреческих мифологических образов *Кассандра* занимает центральное место, так как данный образ описан настолько ярко и правдоподобно, что вызывает предположения о ее реальном существовании. Данный тезис можно подтвердить, например, тем, что немецкий археолог Генрих Шлиман (XIX в.) утверждал, что нашел могилу Кассандры в Микенах.

Образ *Кассандры* в древнегреческой мифологии неразрывно связан с Троей и Троянской войной. Согласно «Илиаде» Гомера, *Кассандра* – дочь троянского царя Приама. Аполлон влюбился в нее и наделил даром прорицания, однако, когда прорицательница отвергла его любовь, он внушил всем людям недоверие к ее пророчествам, которые всегда сбывались. Наиболее ценным пророчеством *Кассандры* было то, что она тщетно предупреждала троянцев об опасности деревянного коня, которого они внесли в город, о том, что он принесет троянцам гибель (Вергилий «Энеида»). В современных лексикографических источниках отмечается, что имя *Кассандра* стало нарицательным и характеризует человека, предостерегающего об опасности, но не пользующегося доверием общества [Ашукин 1988, с.161].

Кассандра – тот редкий мифологический персонаж, интерпретация образа которого является двойственной, так как предсказательница обладает и положительными, и отрицательными чертами характера. Она может выступать в роли красивой и умной женщины, соблазвившей Аполлона, быть участником значимых событий, координатором важнейших решений, от ее совета и пророчества зависел исход разных мероприятий, а также выступать в роли слабоумной ведуньи, пророчествам которой никто не верит. Двойственность образа в мифологических сюжетах экстраполируется на

медиатексты. С одной стороны, **Кассандра** всегда говорит правду, предрекает будущее, с другой, – ее правда может быть жесткой и даже агрессивной. Именно этот факт позволяет ассоциировать ее с современными политическими лидерами.

Как правило, в массмедийных текстах прецедентное имя **Кассандра** может функционировать с разными семантическими признаками:

1. Семантика тождества (a=b), где в основе прецедентной единицы лежит предсказание, на базе которого формируется прецедентное имя **Кассандра**: *Что Кассандра пророчит «Массандре»? Перспективы крымского виноделия* (radiovesti.ru, 14.03.2014).

2. Семантика подобия (а похоже на b; а как b, а в роли b) – языковые единицы ассоциируются с прецедентным именем, но не являются равнозначными: *Кононенко (лидера фракции БПП Игоря Кононенко) как Кассандра. Лидер «Батькивщины» Юлия Тимошенко могла бы победить на выборах президента Украины, если бы они состоялись в середине марта* (www.pic.com.ua, 23.03.2016); *Тимошенко выступила в роли Кассандры. Лидер БЮТ Юлия Тимошенко прогнозирует закрытие ток-шоу Савика Шустера на телеканале «Украина»* (sngnews.net, 23.04.2010); *Саакашвили пробует себя в роли Кассандры для Порошенко* (Мета, 25.06.2019).

Отметим, что для массмедийных текстов характерно употребление прецедентного имени **Кассандра** для обозначения не только политических лиц, но и для характеристики различных политических организаций:

1. Иностранные агентства: **Кассандры** из «Левада-центра». *В такой роли давно выступает социологический «Левада-центр», внесенный недавно в РФ Министерством юстиции в список иностранных агентов...* (Столетие, 14.09.2016).

2. Банки: *Мировой банк как политическая «Кассандра» Вашингтона* (www.politonline.ru, 16.08.2017).

3. Фирмы: *Американская консалтинговая фирма EurasiaGroup решила выступить в роли зловещей пророчицы Кассандры* (Информация вовремя, 30.04.2010).

В политических текстах *Кассандрой* могут быть номинированы группы лиц, которые представлены нами в следующей семантико-грамматической классификации:

1. Наричательные существительные: *Кассандры по-киевски: ложь, бред и фантомные боли* (politinform.su, 21.06.2017); *Кассандры, предрекающие скорый крах «кровавого режима» [...], перекрытие каналов финансирования частным компаниям и финансовый зомби-апокалипсис* (Капитал, 14.08.2017);

2. Собирательные существительные: *Интеллигенция сегодня оказалась в случае Украины в каком-то состоянии, которое напоминает Кассандру* (www.svoboda.org, 11.03.2015).

3. Посредством использования множественного числа: *Экологи в Украине – это своего рода Кассандры, которые предупреждали о падении Трои, однако над ними все смеются и показывают на выход* (Главред, 15.07.2017).

В массмедийных текстах прецедентное имя *Кассандра* употребляется с глаголами или глагольными сочетаниями в контексте описания предсказания каких-либо событий в будущем кем-то из политических лидеров или группой лиц: *Кассандры вангуют против Путина* (Новая газета, 10.11.2014); *Кассандра вангует: прольется много крови. Я рассматриваю появление третьего Майдана в виде различных крупных периодических таких митингов – в разных местах, с разными целями и совершенно противоположными ожиданиями* (forum.pravda.com.ua, 23.10.2014). Интересным для наблюдения является глагол «ванговать», который, вероятно, связан с предсказательницей Вангой и в массмедийных текстах имеет значение «пророчить, предсказывать». Автор медиатекста использует данный глагол с целью

усилить значение, привлечь внимание, в частности, тех читателей, которые не знакомы с древнегреческим мифом о *Кассандре* и ее способностях.

Приведем примеры употребления глагольных сочетаний:

1. Субъект добровольно выступил в роли *Кассандры* (удивил своими предположениями): *Президент США Дональд Трамп выступил в роли Кассандры, удивив мир предсказанием непредвиденных событий в Швеции* (www.mk.ru, 21.02.2017); *Похоже, 13 лет назад депутат Ехануров выступил в роли Кассандры, высказав опасение, что «остров Тузла, остров Змеиный могут стать прецедентом для начала цепной реакции»* (Росбалт, 13.12. 2016); *субъект принял роль Кассандры: «Рубини занят не столько спасением Европы, сколько капитализацией своей известности [...]». Он принял на себя роль Кассандры, предрекающей крупные проблемы в европейской экономике* (zazubr.org, 12.03.2010).

2. Субъект выступил в роли *Кассандры* по должностной обязанности: *«Я исполняла неблагодарную роль Кассандры»*, – Богословская (Главком, 03.06.2015).

3. Субъект регулярно выступает в роли *Кассандры* (привычная роль для политического субъекта): *Валерий Рашкин уже не раз выступал в роли Кассандры, озвучивая инициативы, какие потом были поддержаны на самом высоком уровне* (crimea.kz, 06.12.2014);

4. Субъект не хочет выступать в роли *Кассандры*: *Что касается угрозы большой военной конфронтации, то не хотелось бы выступать в роли Кассандры, оценку ситуации в области безопасности дает высшее руководство страны, министерство обороны, соответствующие ведомства* (Интерфакс. 27.08.2015); *Виктор Медведчук: «Меньше всего мне хотелось бы сыграть роль Кассандры и увидеть в скором будущем все негативные последствия от этого невыгодного для Украины соглашения»* (eurasiainform.md, 23.05.2013);

5. Субъект не сумел выступить в роли *Кассандры*: *Как известно, ранее Луценко уже пытался выступить в роли Кассандры, упомянув якобы*

разработанный президентским секретариатом план «300 спартанцев», согласно которому дестабилизация ситуации в стране должна была начаться с Крыма (Утро.ру, 23.03.2015); «Слава Богу, что роль Кассандры у Президента и его секретариата не выходит, и правительство делает все возможное, чтобы вовремя выплачивались зарплаты и пенсии», – С. Соболев (sensor.net.ua, 19.06.2010);

6. Полагают надежды на роль **Кассандры**: *Очень бы не хотелось, если бы Поклонская оказалась Кассандрой (Миртесен, 09.08.2017).*

Говоря о прецедентном имени, следует, прежде всего, рассматривать те имена собственные, которые входят в когнитивную базу, апеллируя не только к денотату, но и к совокупности признаков прецедентного имени, по которым происходит идентификация. Данные признаки узнаются по опыту представителей определенного лингвокультурного сообщества, так как указывают на эталонную, общеизвестную совокупность качеств, воспроизводимость когнитивных признаков, стереотипы той или иной культуры. По мнению Е. А. Нахимовой, прецедентные имена представляют собой «важнейшую часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанную с национальными ценностями и традициями» [Нахимова 2007, с. 12].

Так, высокую степень распространенности прецедентного имени **Кассандра** подтверждает широкое употребление словосочетаний с исследуемой прецедентной единицей, номинирующих различные факты: *«Закон Кассандры» или почему путинская Россия обречена. Катастрофический прогноз оправдывается, если ему не верят. Впрочем, есть и обратная формулировка закона Кассандры: катастрофический прогноз может и не сбыться, если в него поверить (elise.com.ua, 22.09.2015); Закон Кассандры. Пора остановить разгром собственной цивилизации (lgz.ru, 26.03.2014); Украина. Проклятие Кассандры. На сайте www.MIUFU.ru была опубликована пророческая статья – «Украину ждут потрясающие перемены!». Объясняли, какого характера ожидаются*

грядущие перемены, их масштаб и значение для Украины и планеты в целом (Свобода, 22.02.2014); **Плач Кассандры**. *Состоялся первый показательный суд над военным преступником. Савченко получила реальный срок и ее уже ждут в российских колониях* (oko-planet.su, 23.03.2016).

На сегодняшний день широкое распространение получил термин **«эффект Кассандры»**, обозначающий недоверие к полученной информации, которая несет в себе серьезные риски и угрозы. Впервые этот феномен описывается в 1949 году французским философом Гастоном Башляром в книге «Прикладной рационализм» [Башляр 2000, с. 114]. Также известны и другие устойчивые сочетания: **«информация Кассандры»**, **«синдром Кассандры»**, **«феномен Кассандры»**, которые не были зафиксированы в медиатекстах на уровне вторичной номинации.

Как показал анализ массмедийных текстов, реализуясь в контекстах, прецедентное имя **Кассандра** активно дополняется адъективами с различными оттенками значений: позитивными, негативными, нейтральными: *Игорь Стрелков, как вещая Кассандра, предупреждает о том, что «перемирие» задумано Киевом с одной целью – получить пространство и время для перегруппировки и усиления своих позиций* (Миртесен, 20.06.2014); *Я не зловещая Кассандра, но те провокационные заявления руководства МИД Украины о «не допуске» Черноморского флота в Севастополь как раз и несут в себе внутреннюю угрозу для Украины* (Росбалт, 12.08. 2010); *И напрасно майданистики игнорируют слова Надежды Савченко, которая – словно безумешная Кассандра – предсказывает, что обнаглевший от своей безнаказанности режим Порошенко будут лупить и с Востока, и с Запада* (Полит Навигатор, 24.06.2018); *Мировой банк как политическая «Кассандра» Вашингтона. Да и высказывания экспертов Всемирного банка можно объяснить не их способностью к верным прогнозам, а, скорее, политически* (PolitOnline.ru, 03.05.2018); **Финансовая Кассандра с томом «Капитала»**. *Стоит ли ждать второй волны кризиса* (Фонтанка, 20.10.2009); **«Нефтяная Кассандра»** *ждет \$200 за баррель.*

*Арджун прославился после того, как начал снабжать прессу одним сенсационным прогнозом за другим (Новости Москвы, 21.05.2008); «Оппоблоковец» Гусак выступает в роли антинатовской «Кассандры» (www.dero.ua, 12.03.2018); «Российская Кассандра». Жириновский: Лужков не вернется из Австрии (newsland.com, 19.09.2010); Ну, вот на Украине появилась своя **Одесская Кассандра**. Саакашвили предрекает Одессе выход из состава Украины (Новая газета, 03.09.2015); **Белорусская Кассандра**. Предсказания председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов Белоруссии Лидии Ермошиной о том, что мало кто из начавших сбор подписей в свою поддержку «кандидатов в кандидаты» примет участие в предвыборной гонке, неуклонно сбываются (Независимая, 21.07.2011).*

Интересной для наблюдения является трансформированная строка «без умолку безумная девица» из знаменитой песни Владимира Высоцкого «Песня о вещи Кассандре» (1967), отражающая политические реалии, в основе которых лежит предсказание. Так, данная строка весьма активно реализуется в массмедийных текстах, приобретая значения, не характерные для мифологического сюжета, такие как *налаживание внешнеполитических отношений, иллюстрация военных действий, избрание президента Украины: **Без умолку безумная Кассандра**. «Поддержание интересов Британии в Персии кажется невозможным без достижения взаимопонимания с Германией или Россией... (stringer-news.com, 26.05. 2017); **Без умолку безумная Кассандра** кричала (Корреспондент, 17.03.2014); **Без умолку безумная Кассандра...Рассмотрим ситуацию на Украине, с другой стороны. Предположим, что мы все это предвидели заранее, как поведет себя Янукович, едва придя к власти. Тем более, надо признать, часть политиков и политологов об этом действительно предупреждали, начиная той же Юлией Тимошенко и заканчивая Валерией Новодворской. Эти два столь разных человека в данном случае абсолютно совпали в своем страстном***

кассандровском пророчестве: избрание Януковича – катастрофа для Украины (<http://www.rubezh.eu>).

Отметим, что прецедентное имя **Кассандра** изначально характеризует лиц женского пола, однако в массмедийных текстах гендерный признак нивелируется, так как специфика имени перекрывается лидерскими качествами, волевыми решениями, которые в СМИ отражены как женским, так и мужским родом: **Анна Герман как Кассандра украинской политики. Руководитель Главного управления Администрации Президента Украины по гуманитарным и общественно-политическим вопросам всего за сутки умудрилась дать целых два интервью, по содержанию которых можно судить о текущих планах властей** (Проза.ру, 14.09.2014); **Ошибись, Кассандра! Бывший премьер-министр Украины, лидер БЮТ Юлия Тимошенко прогнозирует очередной «бензиновый кризис» ...** (<https://zn.ua>, 03.03.2016); **Американский Кассандра прогнозирует новые конфликты в США** (politikhall.com.ua, 16.05.2014). Данный пример иллюстрирует возможность употребления прецедентного имени **Кассандра** для характеристики лиц мужского пола, не характерное для денотативного значения исследуемой единицы, при помощи уточняющего адъектива мужского рода. Такие контексты являются частотными в массмедийных текстах: **«Форбс» назвал экономиста по кличке Кассандра самым влиятельным в мире. Рубини еще в 2005 г. предсказал, что в США лопнет ипотечный пузырь и обвалит мировые рынки, из-за чего разразится мировой экономический кризис. После того, как его мрачные предсказания сбылись, он получил кличку «Кассандра» и «Пророк»** (РИА Новости, 08.11.2010); **Сорос в роли Кассандры капитализма. Радуйтесь, буржуи и их гостинишные прихлебатели, – нашелся «Кассандрин»: это Дж. Сорос** (Новости, 17.01.2017); **Николай Томенко – Кассандра команды Тимошенко** (lb.ua, 28.10.2009).

Для текстов СМИ характерна языковая игра, которая в нашем исследовании реализуется посредством использования антропонима

Кассандра в качестве отчества политика с иронией подчеркнуть фразу мэра Киева о том, что «украинцы должны готовиться к земле», а именно о запрете на торговлю землей: *А я, пожалуй, все же попытаюсь интерпретировать слова Нострадамуса Кассандровича Кличко про готовность № 1 к земле: готовьтесь, граждане украинцы, воспользоваться своей земелькой, пока ваши черноземы не уплыли к иностранцам* (Одна родина, 18.08.2019).

Интересным является факт, что в древнегреческом мифе внимание на внешности и характере **Кассандры** не акцентировалось, однако в массмедийных текстах фиксация образа не соответствует ее мифологическому описанию: авторы медийных текстов характеризуют прецедентное имя **Кассандра** по-новому, в соответствии с современными реалиями: *Блог Артемия Троицкого. Кассандра без комплексов. Денег за высасывание предполагаемого будущего из пальца не получаю. А потому, даже если ничего не сбудется, стыдно не станет. Так что рад поделиться с вами своими догадками!* (Русская служба, 21.01.2016); *Боже, как легко быть Кассандрой в нынешней России!* (www.svoboda.org, 08.10.2015); *Кассандра в камуфляже. Надо прямо сказать, полковничья форма очень к лицу Владимиру Вольфовичу. С одной стороны, известно, что полковник по совместительству работает еще и Кассандрой и многие его идеи, диковато звучащие лет 15-20 назад, ныне успешно воплощены в жизнь* (Грани.ру, 16.04.2014); *Кассандра в грязных ботинках. После субботнего пленума КПРФ Геннадий Селезнев выступил в роли Кассандры – предсказательницы будущего. «Это огромная, может, даже трагическая ошибка», – мрачно возвестил он, комментируя решение тогда уже бывших коллег по партии, которые 76 голосами высказались за исключение спикера из партийных рядов* (www.mk.ru, 27.05.2012).

Таким образом, современные политические реалии и их отражение в массмедийном дискурсе определяют двойственность прецедентного имени **Кассандра** как источника для ассоциирования. Исследуемый материал показал, что для создания образа **Кассандры** характерно функционирование

языковых единиц на уровне вторичной номинации. Прецедентное имя из древнегреческого мифологического сюжета приравнивается к современным политическим реалиям и наиболее актуальным событиям и служит основой для полной и глубокой интерпретации языковых единиц, вербализующих образ истинного или мнимого прорицателя в массмедийных текстах. Трансформационный потенциал конструкции, в состав которых входит прецедентное имя *Кассандра*, показывает степень изменений, происходящих в современном мире политики, и активно функционирует в массмедийных текстах. Комплексное описание метафорического образа *Кассандры* в русскоязычном медиадискурсе позволяет установить особенности его интерпретации в современной политической картине мира, выявить корпус языковых средств, участвующих в его моделировании.

2.5. Семантико-прагматические особенности прецедентного антропонима *Зевс* в текстах русскоязычных СМИ

Формирование представлений о политической действительности посредством прецедентных антропонимов способствует изменению картины мира читателя, так как знания, отраженные в медиасфере, определяются эрудированностью читателя, познаниями в сфере политики, а также субъективностью передачи информации. Из-за того, что массмедийные тексты направлены на широкую аудиторию, авторы зачастую используют прецедентные образы с ограниченным набором характеристик, стоящих за прецедентным именем героя. Именно поэтому антропонимические прецедентные имена транслируют весьма определенные черты политической действительности.

В «Словаре-справочнике по истории и культуре Древней Греции и Рима» представлена следующая статья: *Зевс* (греч. Zeus) – в греческой мифологии царь богов и людей, сын Реи и Крона. Лишив власти своего отца и богов старшего поколения – титанов. *Зевс* поделился властью со своими

братьями: над морем – с Посейдоном, над подземным царством – с Аидом, оставив себе верховную власть над миром. Его постоянным местожительством считалась самая высокая в Элладе гора Олимп [Лисовый, 2001, с. 97].

В словаре «Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения» Н. С. Ашукина дается следующее определение имени «**Зевс** (Зевес) – в греческой мифологии верховный бог, отец и царь богов. В образной речи – величавый, не имеющий себе равных. **Зевс** – властелин грома и молнии; один из постоянных эпитетов его – «громовержец». Отсюда иронически «**Зевс-громовержец**» – грозный начальник» [Ашукин 1988, с. 130]. Только ему, громовержцу, была подвластна молния, и порой лишь страх перед ее смертельной силой делал послушными обитателей горы Олимп [Кондрашов 2016, с. 210].

Характеристики антропонима **Зевс**, возникающие в медиатекстах, могут транслировать различные смыслы и сюжеты: *Сможет ли Путин, как Зевс, похитить Европу ради ее спасения?* (maxpark.com, 30.06.2016). Данный пример, построенный с помощью языковой игры на основе замены топонима Европа на одноименный мифологический антропоним, отражает желание В. Путина, сильного и мудрого правителя, обеспечить безопасность своей страны, а также оказать поддержку другим странам. В лексикографических источниках Европа (греч. Eupore) – прекрасная дочь Агенора, царя Ханаана, и Телефассы. Славилась необыкновенной красотой. Влюбленный в нее Зевс, превратившись в быка, перевез Европу на Крит, где она родила сыновей – Миноса, Радаманта и Сарпедона [Кондрашов 2016, с. 203]. Известный мифологический сюжет о похищении Европы Зевсом в массмедийных текстах может интерпретироваться и с негативной коннотацией. Приведем пример: *Михаил Саакашвили, конечно, не Зевс. Откровенно говоря, он ближе к быку – но бык, что и говорить, из него вышел большой, красивый и растиаренный. Разрушения, причиненные им Одесской ОГА, успели забыться, а то, что не забыто, то списано на сопротивление коррупционеров и*

неуклюжесть исполнителей. И вот, Саакашвили, к тому же обиженный властью, лишившей его гражданства, пригласил украинцев, стремящихся в Европу, прокатиться на его широкой спине [...] Усадив на свою широкую спину мечту украинцев о Европе, Михаил Саакашвили поплыл с ней все дальше и дальше. При том, что сам он, в своем человеческом, или, пусть даже, в зевсовом образе находится в Украине. Обращаясь в быка исключительно по мере надобности – и приглашая покататься новых желающих (rada5.com, 20.09.2017). В контексте бык оказался не тем, за кого себя выдавал. А Европа утратила контроль над ситуацией, превратившись в объект, лишенный возможности влиять на события.

Как известно из лексикографических источников, *Зевс* был верховным лидером всех богов, давал мудрые советы, часто пользовался своей огромной силой, с ним никто не решался конкурировать. Однако конструкции с ядерным компонентом «лидер» являются малоактивными в массмедийных текстах: *Путин – это Зевс. В Кремле ответили на уличную акцию Навального. «Уровень популярности Владимира Путина выходит далеко за пределы России. Вряд ли кто-то сможет подвергать сомнению то, что Путин является абсолютным лидером общественного мнения, лидером политического Олимпа, с которым на данном этапе вряд ли кто-то может конкурировать», – сказал Песков, его слова приводит «Интерфакс» (www.aNews.com, 29.01.2018). Как показал анализ, зачастую прецедентный антропоним употребляется с ироничным оттенком: *Кто еще лепил из Януковича всемогущего Зевса, чтобы получить возможность двигаться дальше вместе с ним?* (Новая газета, 12.03.2014). В таких контекстах ирония служит средством раскрытия авторской интенции для описания тех или иных действий, решений политического субъекта.*

В контекстах прецедентный антропоним *Зевс* приобретает дополнительные смысловые оттенки и участвует в создании новых сюжетов и образов, метафорически отражающих различные реалии, особенно характерные для социально-политической жизни: *В понедельник в Рим на*

специальном самолете под названием «Зевс» был доставлен Олимпийский огонь (ria.ru, 28.06.2014); Криптовбиржа «Зевс»: пирамида или революция? (www.if24.ru, 27.07. 2017); Одинокий Зевс. Инженер из Лыткарина научился управлять погодой (АиФ, 04.09.2013). Появление новых семантических оттенков связано с ядерными компонентами прецедентного антропонима, такими, как «скорость», «способность управлять», «гром, молния» и др., которые получили широкое распространение в сфере рекламы. Отметим, что мотивированные инвариантом восприятия примеры встречаются реже, однако, как правило, они привлекают внимание потребителей. Наиболее интересными примерами нам показались: агентство безопасности «ЗЕВС»; электрооборудование «Зевс»; танк «Зевс», набор столовых приборов «Зевс», тренажерный зал «Зевс», барбершоп «Зевс», мужская парикмахерская «Зевс», сауна «Зевс», издательство «Зевс», обогреватель «Зевс», Интернет-магазин мужской одежды «Зевс», гидравлическое оборудование «Зевс», агентство по осуществлению ремонтно-монтажных работ «Зевс», зонты «Зевс», племенная ферма «Зевс», тяжелый штурмовой танк «Зевс» с термоэлектрической пушкой высокой мощности и ракетницей, поражающей наземные цели и др.

В массмедийных текстах компонент «громовержец» активно сочетается с прецедентным антропонимом Зевс и может характеризовать различные ситуации:

1. Погодные условия (атмосферные явления в прямом значении, такие как гром, молния, ливень): **Громовержец Зевс** будет чаще метать молнии. Как выяснили американские ученые, глобальное потепление значительно увеличит частоту ударов молний, сообщает журнал *Science* (14.11. 2014); **Путин-громовержец** посеребрил оппозицию. Кампания по расследованию климатических преступлений российского режима разгорается в блогосфере. Внесистемные оппозиционеры, прошедшие накануне в столице многотысячный «марш миллионов», подозревают российские власти в

умышленном создании условий для грозы и ливня, помешавшего проведению мероприятия (www.pravda.ru, 13.06.2012).

2. Политическая ситуация региона (атмосферные явления в переносном смысле: гнев, выговоры): *Политическую погоду Крыма также сопровождали гром и молнии республиканского громовержца, Главы Республики Сергея Аксенова* (НовоРОСС, 30.08.2017).

3. Спорт: *Громовержец. Россыпь голов от Антуана Гризманна* (metateka.com, 01.03.2018). Данный контекст в метафорическом осмыслении характеризует мощные и яркие голы нападающего сборной Франции, которая стала чемпионом мира 2018 года.

4. Правоохранительные органы: *На службу России призвали Зевса. ГУ МВД по Свердловской области объявило о закупке программно-аналитического модуля для информационной системы «Зеус», которая уже используется в свердловской полиции* (roskomsvoboda.org, 28.07.2016).

Как известно из мифологических преданий, «будучи отцом людей и богов», **Зевс** грозно карал непокорных его воле богов и простых смертных [Кондрашов, 2016, с. 210]. В медиатекстах встречаются конструкции, противоположны денотативному содержанию: *Милость громовержца. В политике «Газпрома» в последнее время наблюдаются нотки снисхождения по отношению к своим партнерам – украинской НАК «Нафтогаз» и Туркмении* (Новости, 18.09.2014); *Громовержец-охранитель Украины Виктор Янукович в очередном откровении заявил, что доступ смертным в Землю Богов отныне воспрещен. По краям Украины вознесен незримый барьер* (www.from-ua.com, 2.02.2015).

Компонент «громовержец» в медиатекстах может приобретать разные семантические оттенки, эксплицирующие отношение автора к фактам. Чаще всего автор с иронией показывает действия политических лидеров, которые не имели успеха. Ирония достигается за счет использования нехарактерных для прецедентного антропонима **Зевс** динамичных глаголов: «*Огонь и*

*ярость»: громовержец Трамп топочет ногами. «Юпитер, ты сердишься – значит, ты неправ». Эта латинская максима отлично подходит в качестве реакции на угрозы президента США Дональда Трампа в адрес Северной Кореи (news-front.info, 10.08. 2017). Известно, что атрибутами **Зевса** были эгида, скипетр и пучок молний. Приведем в пример следующий контекст, котором с иронией дается отсылка на атрибут власти президента Украины – булаву: **Бракованный молот украинского громовержца. Украину в прямом и переносном смысле сотрясают новости о бракованном оружии ВСУ. Вчера взрыв миномета унес жизни четырех военнослужащих, еще девять человек было ранено. Инцидент произошел из-за заводского брака миномета «Молот» украинского производства** (Правда.ру, 08.07.2018). В данном контексте адъектив «бракованный» не только относится к неисправному оружию, но и говорит о «браке» в управлении страной.*

Еще одним примером иронического использования нетипичного атрибута **Зевса** может послужить следующий контекст: *Искусство держать зонт. Новым главой Сумского облсовета был избран представитель ВО «Батьківщина» Семен Салатенко, кандидатуру которого поддержала и пропрезидентская фракция «Блока Петра Порошенко». Недоброжелатели тут же нашли фотографию г-на Салатенко, угодливо держащего зонт над тогдашним губернатором Сумщины Юрием Чмырем, представлявшим Партию регионов. На сессии г-ну Салатенко вручили зонт с символикой «регионалов». Если бы древнегреческий **Зевс** жил в наше время на Сумщине, то он был бы **не Громовержцем, а Зонтодержцем** – так-то оно перспективнее (www.dancor.sumy.ua, 08.12.2015). Данный контекст служит примером иронического описания таких черт характера главы Сумского облсовета, как угодливость, податливость, который противопоставляется решительному и мужественному **Зевсу**, имеющему в своем арсенале гром и молнии, а не зонт с символикой партии оппонентов.*

Отметим, что в словаре «Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения» Н. С. Ашукина подчеркивается, что «**Зевс** – властелин

грома и молнии» [Ашукин 1988, с. 130]. Так, в массмедийных текстах наблюдается активное функционирование устойчивого сочетания *метать громы и молнии*, которое используется автором для выражения оценки к происходящим социально-политическим реалиям. Во фразеологическом словаре под редакцией А. И. Молоткова зафиксировано следующее значение фразеологизма *метать громы и молнии* – распекать кого-либо; говорить гневно, раздраженно, упрекая, обличая кого-либо или угрожая кому-либо [Молотков 1968, с. 246]. Подчеркнем, что данное устойчивое сочетание может являться аллюзией на мифологический образ *Зевса* с целью придания большей значимости и уверенности тому или иному политическому лидеру либо группе лиц. Образ *Зевса*, который метает громы и молнии, не ассоциируется с конкретным политиком, но накладывается на различных политических лидеров. Наиболее частотными являются контексты, описывающие действия народного депутата Украины Юлии Тимошенко в различных временных формах: *Больше всего возмущалась Юлия Тимошенко. Она метала громы и молнии, уличая президента в том, что все телеканалы находятся под его контролем и «вы не услышите оттуда ни слова правды»* (odnarodyna.org, 02.07.2016); *Теперь же Тимошенко мечет громы и молнии в адрес НАЭК «Энергоатом», который раньше платил за ЯТ России в основном через бартерные схемы и соответственно влезал в большие долги из-за разницы в зачетных и «денежных» ценах* (Известия, 15.07.2010); *В белом платье и с традиционной косой Юлия Тимошенко метала с трибуны громы и молнии. Ее выступление кардинально отличалось от предыдущего. Не озвучивались далеко идущие планы, а среди обещаний было всего одно – гарантия ответственности для тех, кто всеми силами хочет остаться еще на несколько месяцев у власти и успеть «оторвать от тела Украины куски»* (rg.ru, 19.12.2007). Не менее частотными являются контексты с участием других политиков. Интересно, что при функционировании фразеологического оборота адресат сообщения 1) может не указываться: *Яценюк в Полтаве мечет гром и молнии* (Минпром,

23.09.2015); *Медведев мечет гром и молнии* (maxpark.com, 15.09.2011); 2) может конкретизироваться: *Президент США Дональд Трамп мечет громы и молнии в адрес Северной Кореи, которая проводит регулярные испытания своего атомного оружия и средств его доставки* (posprikaz.ru, 15.08.2017); *А в наше время президент США мечет громы и молнии в адрес Ирана, да и израильские лидеры не отстают* (regnum.ru, 16.03.2018); *Не зря же Саакашвили мечет гром и молнии в Одесской области, требуя снизить стоимость авиабилетов как на внутренние так и на международные рейсы!* (echo.msk.ru, 12.07.2015).

Как показал анализ, в массмедийных текстах фиксируются примеры сокращения компонентного состава фразеологического оборота *метать громы и молнии*, при этом усекается лишь первая часть фразеологизма: *Президент Порошенко снова мечет молнии в сторону России* (Вести, 19.04.2016); *Украинцы едут в Россию, Порошенко мечет молнии* (Россия 24, 28.05.2017).

Подчеркнем, что «метать громы и молнии» в массмедийных текстах могут не только политические лидеры, но и иные политические субъекты:

1. Государства: *Иран мечет «Громы и молнии». На запад полетели 16 «Громов и молний» – так называются новейшие ракеты класса «земля-земля», впервые испытанные сегодня Ираном* (<http://www.vesti.ru>, 20.08.2016). В данном контексте фразеологизм *метать громы и молнии* предполагает прямое значение – название ракет. Еще одним мотивированным примером использования устойчивого сочетания (название композиции) может послужить следующий контекст: *Босния мечет «громы и молнии». От Боснии и Герцеговины на «Евровидение-2010» едет Вукажин Бражич. На боснийском и английском языках он исполнит рок-композицию *Munja I Grom* («Гром и молния»)* (Vesti.ru, 07.05.2010).

2. Вооруженные силы: **ВСУ** [Воздушные силы Украины – А.М.] *мечут громы и молнии*, ЛНР готовит зомби-апокалипсис. За минувшие сутки наиболее интенсивным обстрелам вновь подверглись территория бывшего

Донецкого аэропорта и Горловка, к которой силовики стягивают военную технику (ФАН, 17.11.2015). Данный контекст отражает отличное от денотативного значения – подвергнуть обстрелам.

3. Политические субъекты: *«Евротуристы», метавшие с Евромайдана гром и молнии в украинскую власть, на самом деле ничего не решают* (ukrday.com, 19.12.2013); *Политики мечут громы и молнии. Публике должно понравиться* (www.dw.com, 27.11.2013);

Языковая игра основана на созвучии фамилии губернатора Московской области Бориса Громова и трансформации фразеологического оборота: *в дыму пожаров Громов мечет молнии в Лужкова. На намеки мэра Лужкова о том, что пожары достигли таких масштабов по вине руководства области, губернатор Громов ответил обвинениями городских властей в «словоблудии» и «популизме»* (www.bfm.ru, 12.08. 2010).

Еще одним примером языковой игры может послужить контекст, основанный на созвучии имени существительного металл с глаголом метать: *Металл: громы и молнии. Владимир Путин, услышав призывы автопрома и других отраслей, разбирался с ростом цен на металл* (vspro.info, 31.05.2010).

Таким образом, отражая постоянно изменяющуюся политическую ситуацию, в текстах русскоязычных СМИ одним из наиболее частотных и показательных представляется прецедентный антропоним *Зевс*. Проанализировав ряд контекстов можно сделать вывод, что образ из древнегреческого мифологического сюжета наслаивается на современные политические реалии и наиболее актуальные события, становясь основой для полной и глубокой интерпретации языковых единиц, вербализующих образ сильного, мудрого правителя или, наоборот, с иронической окраской образ слабого, нерационального политика в массмедийных текстах. Компонент «громовержец» и фразеологический оборот «метать громы и молнии» отражают трансформации, происходящие в современном мире политики, и активно функционируют в массмедийных текстах. Комплексное описание прецедентного антропонима *Зевс* в русскоязычном медиадискурсе позволяет

выявить его семантико-прагматические особенности в современной политической картине мира, а также корпус языковых средств, участвующих в моделировании метафорического образа.

2.6. Семантика и прагматика прецедентного антропонима *Мидас* в текстах русскоязычных СМИ

Как показывает анализ текстов русскоязычных СМИ, при формировании медийного образа антропонима *Мидас* авторская оценка может быть как положительной, так и отрицательной; ироничный оттенок чередуется с серьезностью отношения авторов-журналистов к описываемым политическим событиям, решениям, совершенным тем или иным политическим субъектом, во вторичной номинации имеющие имя *Мидас*.

Согласно лексикографическим источникам, антропоним *Мидас* в древнегреческой мифологии – фригийский царь, сын Гордия. Дионис исполнил желание *Мидаса* и наделил его даром все превращать в золото. Однако дар превратился в проклятие, так как в золото стала превращаться даже пища, что грозило *Мидасу* голодной смертью, но Дионис пожалел его и избавил от своего дара. Также известно, что *Мидас* был судьей на музыкальном состязании между Аполлоном и Марсием, где признал Аполлона побежденным. За это Аполлон наделил *Мидаса* ослиными ушами, которые царю приходилось прятать под шапкой [Кондрашов 2016, с. 352–353].

Образы *Мидаса*, возникающие в медиатекстах, могут транслировать различные смыслы и сюжеты: *Царь Мидас нервно курит в сторонке*. «Охотничий домик Януковича» ничуть не уступает «Межигорью» по размаху и крутизне (Фраза, 25.11.11). Данный контекст отражает одну из характерных черт образа Мидаса – алчность, которая присуща и современным политическим лидерам. Еще одним примером получения материальных благ и выгоды может послужить следующий контекст: *Почему*

у Лещенко нулевой инстинкт самосохранения. «Если мифический царь **Мидас** все превращал в золото, то Лещенко все вокруг превращает в солому», – подытожила журналистка. Напомним, что депутат от блока Петра Порошенко Сергей Лещенко приобрел квартиру в одной из новостроек в центре Киева, общая площадь которой – 192 квадратных метров (politeka.net, 08.09.2016). В данном контексте с иронией подчеркивается желание политического субъекта предвидеть исход своих незаконных действий, «превращая все в солому», что находит отражение в известной поговорке «Если бы знал, где упасть, соломки подстелил» – поостерегся, поступил бы иначе, если бы заранее знал, предвидел, что произойдет, случится [Федосов 2003, с. 346].

В текстах русскоязычных СМИ прецедентный антропоним **Мидас** становится инструментом для создания новых сюжетов с интересными оттенками значения и коннотативным фоном, метафорически отражающих различные реалии, характерные для социально-политической жизни. Номинацию **Мидас** могут получать неодушевленные существительные, которые в текстах СМИ обладают «даром» обращать все в золото. В приведенном ниже контексте словосочетание «бензин золотит» используется в переносном значении и означает повышение цен: **Бензин «золотит» цену проезда. В Украине грядет очередное повышение стоимости проезда. В античной мифологии царь Мидас превращал все, к чему прикасался, в золото. В Украине же схожим эффектом обладает топливо – бензин и автогаз, которые ростом цен на себя автоматически удорожают все товары, и в первую очередь это отражается на стоимости проезда. Первыми «прикосновение бензина-Мидаса» на себе ощутили жители Одессы и столицы** (hrib.life, 15.01.2018).

В пространстве СМИ прецедентное имя **Мидас** реализуется с новой семантикой, не характерной для лексикографического определения. Согласно мифологическому сюжету, **Мидас** – царь с длинными ушами, поклонник бога Диониса, получивший дар обращать все в золото. В текстах СМИ частотной

является аналогия мифологического сюжета с современными политическими лидерами, государствами или социально-политическими реалиями. Подчеркнем, что в контекстах активно реализуется единица «наоборот», представляющая образ *Мидаса* в значении, противоположном денотативному. Контексты такого рода всегда имеют негативную коннотацию: «*США – это царь Мидас наоборот [...] обладает силой, обратной той, которая была у царя Мидаса. Чего бы [Вашигтон – А.М.] ни коснулся, все превращается в хаос. Всякий раз, когда Вашигтон вмешивается куда-либо, ситуация ухудшается*» (Досье, 24.02.2015); *Юный падаван Виктора Януковича, превратившийся в одно прекрасное утро в нефтегазового олигарха, оказался таким себе «царем Мидасом наоборот». Любой актив, становившийся частью группы компаний ВЕТЭК, рано или поздно рассыпался в прах* (beztabu.net, 20.06.2018). Отметим, что в текстах СМИ активной становится приставка анти-, которая также применяется для сопоставления с мифологическим сюжетом (противоположность образу): *Анти-Мидас. А Ющенко обладает редким даром «анти-Мидас» – он разваливает и превращает в, не буду писать, что, все к чему прикасается* (newzz.in.ua, 12.03.2014).

Ввиду того, что прецедентный антропоним *Мидас* не является широко известным, авторы текстов СМИ дают развернутую характеристику персонажу: «*В мифологи Древней Греции был такой царь Мидас. Все, к чему он прикасался, становилось золотом. Есть и в украинской политике подобный персонаж, к сожалению, вовсе не мифический. Имя ему Арсений Петрович. Правда, есть одно отличие между Мидасом и Яценюком – все, к чему прикасается Арсений Петрович, не становится благородным металлом, а обречено на провал*» (Обозреватель, 01.04.2016).

Как уже известно, царь *Мидас* имел дар обращать все, к чему прикасался, в золото. Однако в текстах СМИ существительное «золото» может замещаться другими лексемами или словосочетаниями с изменением смысла всей конструкции и коннотативного фона, отражая актуальные события:

Николай Стариков: Навальный превращает все вокруг себя в уголовные дела, как Мидас в золото (www.pravda.ru, 30.12.2014); *Из-за сильного дождя во Львове затопило улицы, город парализовали пробки, а на недавно отремонтированной дороге автомобиль провалился под землю. Эти факты наводят мысль на аналогии с мифическим царем Мидасом, у которого все, к чему бы он прикасался, превращалось в золото. Так и в культурной столице исторически сложилось, за что б ни брались, все у них превращается... в справжню львивську чоколяту* (stockinfofocus.ru, 03.04.2017); *Как известно из древнегреческой мифологии, все, к чему прикасался Мидас, превращалось в золото. У нашего кинематографа тоже есть похожее свойство. Все, к чему он прикасается, превращается – увы, не в золото, а совсем в другую субстанцию* (pyhalov.livejournal.com, 05.09.2018); *В древней Греции существовала легенда о фригийском царе Мидасе, которого боги наградили роковым даром – к чему бы он ни прикасался, все обращалось в золото. Похоже, подобным даром обладает и украинский премьер Арсений Яценюк, вот только боги оказались большими шутниками, и все, к чему бы ни прикоснулся в энергетической отрасли глава правительства, превращается в тлен* (rian.com.ua, 08.07.2015). Однако в текстах политических СМИ возможна и положительная коннотация дара Мидаса: *Создав нужную атмосферу, ЮВТ в полной мере воспользовалась своим даром, и, подобно царю Мидасу, превращавшему в золото все, к чему прикасался, заставила заиграть новыми, более яркими красками многие темы, давно обсуждаемые Киевом и Брюсселем* (antikor.com.ua, 07.08.2017).

В медиатекстах весьма активно происходит обращение к внешности **Мидаса**. Как известно из мифологического предания, царь **Мидас** имел ослиные уши, наличие которых в текстах СМИ интерпретируются по-новому, придавая контексту новые семантические оттенки двумя способами: при помощи расширения адъективами или с их заменой: *Владимир Луков: «Царь Мидас» с военно-стратегическими ушами»* (<http://demset.org>, 02.02.2015); *Разница между Бараком Хуссейном Обамой и царем Мидасом состоит в*

том, что, в отличие от царя, Обама свои **исламские уши** не то что не прячет, но, наоборот, очень даже выпячивает. Только у нас это никто почему-то в упор не замечает (www.evangelie.ru, 06.03.2013); Как славянские депутаты пытались пригласить «**ослиные уши**» (Карачун, 15.12. 2016); **Ослиные уши Киевского Майдана**. Ослиные уши (припоминаете этот греческий миф, когда за нечестное решение царь Фригии Мидас был вознагражден ослиными ушами?) явственно прорисовались на «Евромайдане» (Русская народная линия, 20.12.2013); **Ослиные уши из-под Панамки**. Расследование о панамских офшорах компании Президента Петра Порошенко, через которую он пытался реструктуризировать активы компании *Roshen* (Ру.полит, 09.04.2016).

Таким образом, при реализации в политических текстах прецедентный антропоним **Мидас** приобретает новый коннотативный фон и высокий уровень экспрессии, может влиять на формирование у адресата как положительной, так и отрицательной оценки какого-либо факта политической действительности, способен отражать динамику социально-политических событий и фактов, наиболее актуальных для современной жизни.

Выводы по второй главе

1. Формирование представлений о политической действительности посредством прецедентных антропонимов способствует изменению картины мира читателя, так как знания, отраженные в медиасфере, определяются эрудированностью читателя, познаниями в сфере политики, а также субъективностью передачи информации. Обращая внимание на тот факт, что массмедийные тексты направлены на широкую аудиторию, авторы зачастую используют прецедентные образы с ограниченным набором характеристик, стоящих за прецедентным именем героя. Именно поэтому антропонимические прецедентные имена транслируют весьма определенные черты политической действительности.

2. Представляясь ценным фрагментом русского языкового сознания, прецедентные антропонимы становятся источниками ассоциаций, подвергаются неоднозначной интерпретации и аккумулируют черты древнегреческих и современных героев. Вписываясь в массмедийное пространство, исследуемые образы транслируются на различные сферы товаров и услуг, медицину, искусство, образование. Подчеркнем, что трансляция не всегда происходит на основе признаков, которые сближают номинируемые объекты с образами мифологических антропонимов. Ряд товаров и услуг получили номинации с именами героев древнегреческих мифов немотивированно, на основе того, что проанализированные антропонимы являются знакомыми носителям языка и коннотируются ими положительно.

3. Комплексный анализ прецедентных антропонимов со сферой-источником «древнегреческая мифология» в текстах русскоязычных СМИ отражает переосмысление обществом мифологических сюжетов, особенности формирования новых образов, лежащих в основе прецедентных имен. Анализ позволил сделать вывод, что прецедентные антропонимы, создающие новые образы, не являются односторонними, в них взаимопроникают античные сюжеты и современные реалии, что и обуславливает качественный переход собственного имени в имя прецедентное, его широкое использование в дискурсах разного типа.

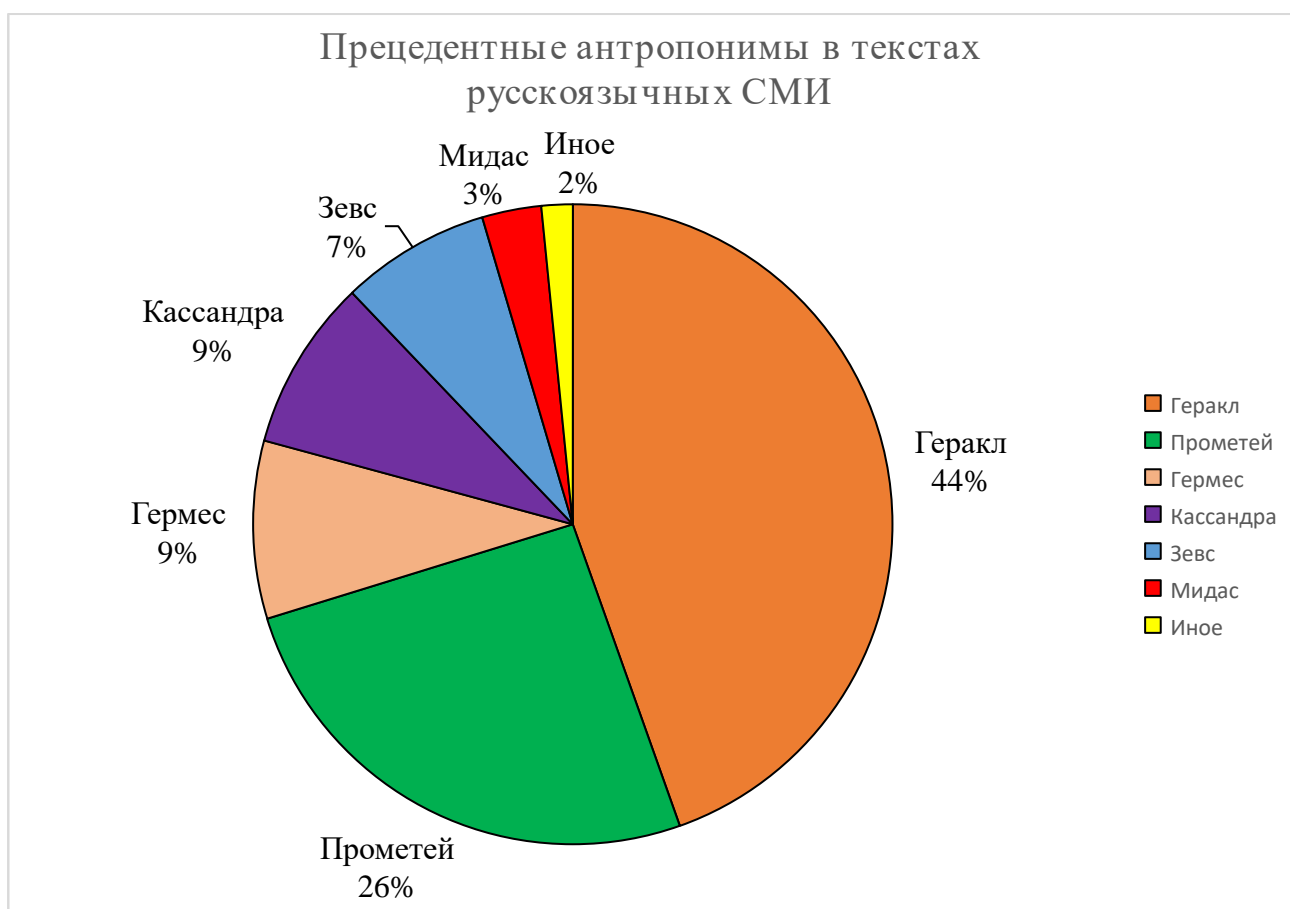
4. Полученные результаты исследования позволяют говорить о том, что массмедийный дискурс использует вербальные сообщения в виде прецедентных антропонимов, среди которых наиболее востребованными являются антропонимы *Геракл*, *Прометей*, *Гермес*, *Кассандра*, *Зевс*, *Мидас*, отсылающие читателя к мифологическим сюжетам, отличающимся сложностью семантических оттенков, разнообразием коннотативных фонов, различными способами воздействия на адресанта.

5. Общее количество контекстов, в которых представленные прецедентные антропонимы были реализованы на уровне вторичной

номинации, составило 6350 единиц. Как показал анализ, наиболее частотными в текстах русскоязычных СМИ стали прецедентные антропонимы *Геракл* – 2830 единиц (44 %), *Прометей* – 1630 единиц (26 %), *Гермес* – 570 единиц (9%), *Кассандра* – 550 единиц (9 %), *Зевс* – 480 единиц (7 %), *Мидас* – 190 единиц (3 %), *иное* – 100 единиц (2 %).

Степень активности прецедентных антропонимов в текстах русскоязычных СМИ представлена на графике (см. Рисунок 1).

Рисунок 1

6. По результатам исследования прецедентных антропонимов в качестве детерминирующих можно выделить манипулятивную функцию, эстетическую функцию и людическую функцию. Для текстов политических СМИ, где важен дипломатический такт при описании конфликтных ситуаций, событий, которые могут спровоцировать противостояния между политическими лидерами или странами, актуальной является эвфемистическая функция,

которая помогает смягчить высказывание, передавая необходимые эмоции. Прецедентным антропонимам также присуща функция оценки, которая выражает субъективное отношение автора. Важно отметить, что функции прецедентных имен реализуются в комплексе, хотя возможно и доминирование одной из них. Данные функции в разных антропонимах реализуются в неодинаковом объеме, что связано с особенностями текстовой реализации прецедентных единиц и манипулятивным потенциалом каждой из них.

7. Антропонимы, которые в лексической интерпретации обладают положительными характеристиками, в медиатекстах способны обрастать негативными коннотациями, что обусловлено конфликтностью современного политического мира и, как следствие, негативной заряженностью языковых единиц, лежащих в основе создания образности медиатекстов.

ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ» В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ: СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

3.1. Семантизация ядерного компонента *обман* в русскоязычном медиадискурсе (на материале фразеологизированного сочетания «троянский цикл»)

Представляя реалии современной политической жизни, СМИ часто используют прецедентные конструкции с имплицитно или эксплицитно выраженным компонентом 'обман', что характеризует политическую картину мира как сложную непрозрачную систему. Данный тезис подтверждается данными лексикографических источников, в которых лексема «обман» определяется как «сознательное введение в заблуждение другого лица с корыстными целями; состоит в сообщении ложных сведений о положении дела или в извращении истинных фактов» [Ожегов 2008, с. 547]. Отметим, что в результате наших исследований значимыми единицами с ядерным компонентом 'обман' в текстах политических СМИ становятся прецедентные единицы с компонентом «Троя» («Троя», «Троянская война», «троянский конь»), апеллирующие к известному мифологическому сюжету об осаде и падении Трои. Согласно мифологическим преданиям, *Троя* – это город в Малой Азии, осажденный греками. Осада длилась в течение десяти лет и была покорена с помощью деревянного коня, которого хитростью провезли в город, внутри которого спрятались ахейцы, впусившие армию в ранее непроницаемую крепость и сожгли город, Троя пала, а военный действия получили название *Троянская война* [Краткий словарь мифологии и древностей 1894, с. 163].

Сегодня компонент исследуемого фразеологизированного прецедентного сочетания *троянский* функционирует в составе устойчивых

сочетаний для номинации вредоносной компьютерной программы, которую распространяют Интернет-пользователи: *тройная программа, тройной вирус, тройной Web-сайт, тройной червь, тройной волк (также – тройня, тройнянец, тройнянский конь)*. Компьютерный вирус получил название в честь мифологического *тройнянского коня*, поскольку большинство вирусных программ действует аналогичным образом.

В медиатекстах происходит расширение семантики и коннотации конструкций *тройная программа или тройной вирус*, используя которые авторы сравнивают действие программы с деятельностью политических субъектов. В подтверждение сказанного приведем пример метафорического сценария, основанного на сюжете мифа, отраженного в действии вирусной программы и деятельности политических лиц: *В 2010 году Аваков решил вести войну с Фельдманом, основываясь на своих профессиональных технических знаниях. Тройнянского коня Арсен Борисович заменил на «Тройня» – в конце концов на дворе XXI век, а Аваков считает себя человеком, шагающим в ногу со временем, о чем говорит его любовь к Интернет-блогам и форумам. Как известно, тройнянские программы помещаются злоумышленником (в данном случае – политическим злоумышленником Арсеном Аваковым) на открытые ресурсы, носители информации или присылаются с помощью служб обмена сообщениями из расчета на их запуск на конкретном, входящем в определенный круг или произвольном «целевом» компьютере. В Харькове поговаривают о слишком частых в марте-апреле визитах Авакова в Киев. В среде сторонников Юлии Тимошенко небезосновательно считают, что Арсен Борисович со свойственным ему напором атакует «целевой и главный компьютер системы» – Юлию Владимировну, предлагая ей свою кандидатуру, средства и связи за согласие лидера БЮТ сменить руководство Харьковской областной организации (Обозреватель, 18.04.2010); Витренко – это тройнянский вирус для программного обеспечения партии регионов (Цензор.нет, 21.07.2010).*

Менее популярной является конструкция **Троянский волк**, так как данная программа появилась относительно недавно и используется злоумышленниками: *Троянский волк угрожает банковским счетам организаций. Специалисты по безопасности обнаружили новую хакерскую атаку, комбинирующую зловредный код и социальную инженерию, благодаря которой уже удалось похитить более миллиона долларов с банковских счетов пострадавших* (<https://habr.com>, 04.04.2015).

Еще одним интересным примером устойчивого сочетания с компонентом *троянский* может послужить название механизма в сфере обучения, который лишь недавно оказался в поле зрения ученых – **троянское обучение**, цель которого сделать соперника менее успешным, используя ситуацию обучения, и получить, таким образом, конкурентные преимущества.

Лексема **Троя** с локативной семантикой в медиатекстах практически не используется, так как восприятие адресатом апеллирует к событиям осады древнего города-крепости. Так, современные события на Юго-востоке Украины привели к образованию отряда «**Троя**», название которого, на наш взгляд, не случайно и связано с событиями древнегреческого мифа: *Под Горловкой слышна стрельба: силы ДНР разоружают спецотряд «Троя»* (Таймер, 30.01.2016); *В ДНР разоружили роту боевиков «Троя» и задержали ее командование* (Рабкор, 31.01.2016). *«Вторая осада Трои». Отряд спецназа «ТРОЯ» в окружении ВСУ и ДНР* (www.youtube.com, 01.12.2017). Также лексема **Троя** номинирует название спектакля, который посвящен перекрестному году культуры и туризма: *В Москве пройдет российско-турецкий Совет сотрудничества высшего уровня: от Сирии до «Трои»* (eadaily.com, 08.04.2019).

Реализуясь в тестах СМИ, исследуемая конструкция сохраняет денотативные компоненты ‘тайный’, ‘коварный’ ‘замысел’, ‘замаскированный под подарок’: *Польша – троянский конь США в Евросоюзе* (24tv.ua, 13.07.2017); *Военное ведомство США планирует*

подсунуть России **«троянского коня»** и применить против нее **«многосферный бой»** – считают в Кремле (24tv.ua, 02.03.2019).

Активное функционирование фразеологизированного прецедентного сочетания **троянский конь** в медиатекстах подтверждается следующими структурно-семантическими трансформациями:

1. Расширение конструкции без трансформации: **Донецко-троянский конь** Путина для Украины (Макспарк, 19.10.2015); **Американский ядерный троянский конь** (Око планеты, 29.04.2013); **Невзоров: «Россия – пустой троянский конь»** (gazetaby.com, 25.08.2018); **Митингующие льют воду на мельницу пентагоновского «Троянского коня»** (Беломорканал, 03.03.2019); **Крымско-троянский конь. Евросоюз хочет вбить «крымско-татарский клин» в союз России и Турции** (НьюсБалт, 29.11.2016); **Ахметов и его макаронный троянский конь. Макаронно-гречневый пиар - давно отработанная схема прихода к власти. В парадигме этих обстоятельств, возникает следующий вопрос о Гуманитарном фонде Рината Ахметова - не троянский ли это конь, через который можно протянуть в республику практически готовую структуру под грядущее политическое урегулирование конфликта?** (Народный журналист, 03.03.2017).

2. Замещение адъектива с ироническим оттенком: **«Зеленский конь»**: **эксперт оценил шансы Порошенко договориться с Тимошенко. Многие пользователи соцсетей рассматривают кандидата в Президенты Украины Владимира Зеленского в качестве «троянского коня»** (zik.ua, 01.04.2019).

3. Замещение второго компонента конструкции зоонимом с новым значением с иронической коннотацией. Так, с целью выделения гендерной принадлежности субъекта происходит замещение лексемы «конь» на лексему «лошадь»: **Надя Савченко – это такая Троянская лошадь, которую мы подарили Украине. Ну, не лошадь, здесь уместнее было бы сказать кобыла, но неважно. Короче, Троянский конь, которого мы отдали Украине. Это бомба замедленного действия** (<https://www.pravda.ru>, 16.06.2016); **Троянская**

лошадь по имени Собчак готова стать президентом России (Новая газета, 19.10.2017).

В массмедийных текстах весьма активным становится замещение компонента «конь» другим зоонимом. При этом проведенные аналогии поясняются в самом контексте. Например, *Петр Порошенко – троянская свинья Путина* (ukrday.com, 04.2014); *Троянская свинья в камуфляже. Почему США не будут воевать с Россией за Украину в 2019 году* (Телеграф, 05.03.2015). В данной конструкции компонент «свинья» используется в значении фразеологической единицы «подложить свинью»: «кому. Разг. Ирон. Готовить втихомолку и незаметно неприятность, гадость и т.п.» [Федоров 2008: 264], приобретая значение замещаемого фразеологизма, а не устойчивой конструкции *троянский конь*. В значении «неряшливый человек, ведущий себя как свинья» используется ключевая единица свин: *Европейский Союз и «троянский свин» Украины* (Politikus.ru, 10.05.2016).

Заслуживает внимания и конструкция «голубь мира», первоначально имеющая позитивную коннотацию. В текстах СМИ происходит расширение семантики конструкции. Известно, что данное выражение приобрело популярность после окончания Второй мировой войны в связи с деятельностью Всемирного конгресса сторонников мира. В конструкции *Медведчук – «троянский голубь мира» Путина* (politua.org, 23.08.2018) с иронией говорится о пиар-компании В. Медведчука, который собирается стать центром притяжения для всех политиков, рассказывающих о необходимости мира в стране.

Компонент *корова* в составе устойчивой конструкции определяется как продукт питания, цена на который может значительно увеличиться: *Троянская корова. Снятие официального эмбарго на поставки мяса из Киргизии в Россию и Казахстан подтолкнет рост цен на киргизском рынке* (Эксперт-онлайн, 07.09.2009).

Замещаемый компонент *ишак, ослик, осел* в составе устойчивого сочетания используется в переносном значении как упрямый, глупый человек

или группа лиц: *Цхинвал: «Троянские ишаки» Грузии и сакральная жертва – война развязана* (<https://eadaaily.com>, 29.03.2018). Так автор контекста описывает нежелание и упрямство в разрешении вопроса «территориальной целостности» Грузии; *Латвия – троянский ослик США в Европе* (iv.sputniknews.ru, 22.1.2017); *Польша может стать американским «троянским ослом» в Евросоюзе* (<https://expert.ru>, 19.05.2013).

Конструкция **троянский медведь** в массмедийном дискурсе используется в контекстах двух типов. С одной стороны, медведь олицетворяет Россию, является символом государства и часто изображается на флагах, например, во время спортивных соревнований: *Россия – троянский медведь* (Нефтегаз.ру, 21.12.2014). С другой стороны, в медиатекстах компонент «медведь» может использоваться в языковой игре, основанной на фамилии премьер-министра РФ Д.А. Медведева, в которой прецедентная конструкция понимается как «тайное оружие», дающее возможность неожиданно для других достичь высоких результатов: *Вполне возможно, что пришло время «внутреннему» Медведеву проявить себя на международной арене...пускай он будет нашим «троянским медведем»* (Евразия, 21.12.2007).

Еще одним примером языковой игры, связанной с замещением элемента конструкции на зооним, может послужить прозвище А. Яценюка, бывшего премьер-министра Украины, которого в одной из украинских газет сравнили с **Кроликом** из мультфильма «Винни-Пух». Данное прозвище закрепилось в языковом сознании украинцев и используется без указания фамилии политика: *Троянский кролик уничтожит «Батькивщину»* (ava.md, 12.08.2012); *Троянский «Кролик» в тылу у Порошенко* (antikor.com.ua, 17.09.2012); *Операция «Троянский кролик»: Янукович внедрил Яценюка в ряды Тимошенко* (Восход, 26.04.2012). Однако сравнение с кроликом политика обросло дополнительными метафорическими значениями, в которых описаны характеристики животного (острые зубы, всеядность) с политическими возможностями А. Яценюка с иронической коннотацией:

*Троянский «кроль» объединенной оппозиции. Остерегались популярности в народе как **острых кроличьих зубов** и всерьез побаивались его дикорастущего рейтинга, который мог сделать с электоральными показателями оппонентов то, чем знаменит этот **одомашненный зверек** в народном эпосе. А зная его политическую **всеядность** и беспринципность думали, что сделать «это» он сможет много-много раз [...]. Брошенного «**кролика**» на время приласкали европейские и заокеанские друзья, причем последние – далеко не из платонических побуждений (Багнет, 14.10.2013).*

Интересными становятся также и другие замещение зоономом, в которых реализуется ядерный компонент «тайный замысел»: **Троянский кот**: как в ЦРУ попытались из кошки сделать киборга-шпиона. Руководители операции «Акустический котенок» рассчитывали, что, научив животное подходить и садиться рядом с руководителями иностранных государств, они смогут подслушивать тайные переговоры (РиаНовости, 11.05.2013); **Троянский лось**. Как Министерство нападения наживается на гражданах РФ (Независимая, 06.07.2019); **Троянский «слон»**. Так в США планируют чаще проводить консультации с российским руководством, в ходе которых будет затрагиваться более широкий, чем ранее, круг проблем, в том числе и вопросы американской внешней политики (<http://www.pravaya.ru>, 06.03.2017).

В текстах политических СМИ устойчивая конструкция **троянский конь** может номинировать различные субъекты: «**Троянского коня**» Литвы в Совете Европы вернули в стойло. Бывший премьер-министр Литвы, «ландсбергист» Андриус Кубилиус выбыл из борьбы за пост генерального секретаря Совета Европы (www.rubaltic.ru, 29.03.2019); Киев нашел «**троянского коня**» в команде Трампа (news.rambler.ru, 11.11.2016); Тимошенко – **троянский конь** России и Европы (Живой журнал, 13.04.2017); Леонид Грач: Юлия Тимошенко – «**троянский конь**» украинского политикума (regnum.ru, 30.09.2010).

Замещение зоонима *конь* на лексемы не из животного мира может способствовать развертыванию метафорических сценариев в текстах СМИ, отсылающих читателя к событиям Троянской войны: ***Троянский сыр. Made in USA. В США объявлена новая стратегия незаметного вторжения в недружественные и недемократические, так сказать, страны, для чего они должны быть соответствующим образом подготовлены: представлять из себя как бы швейцарский сыр с множеством дырок. Вот по этим «дыркам» и пойдет незаметное вторжение американских «тройских коней» ... Политически с американским «тройским конем» мир проваливается в натуральное **тройское средневековье**, но с ядерным оружием, что может стать настоящим «тройским» концом истории*** (Военное обозрение, 27.02.2019). Данная прецедентная конструкция в переносном значении с ироническим оттенком описывает стратегию вторжения США в недружественные страны.

В политических текстах фиксируются элементы языковой игры, основанные на созвучии фамилий различных субъектов с Троей: ***Тройская победа. Чемпионат Европы среди юношей завершился так, как и прогнозировали большинство экспертов, – победой испанцев. Подопечные Хуана Сантистебана Тройно принесли своей стране седьмой чемпионский титул*** (Спорт день за днем, 29.05.2018). Отметим, что использование прецедентной конструкции связано с фамилией испанского футболиста Хуана Тройно. Еще одним примером языковой игры может послужить фамилия заместителя министра внутренних дел Вадима Тройна: ***Тройн может оказаться **тройским конем** для Авакова*** (strana.ua, 28.07.2017).

В ходе анализа выявлены контексты, в которых происходит контаминация известного крылатого выражения «ход конем», означающего хитрый ход, неожиданный поворот событий, обходной маневр в каком-либо противостоянии, с адъективом *тройский*, который вносит дополнительную семантику во всю конструкцию: ***Венесуэла во тьме: США сделали **ход «Тройским конем»***** (tsargrad.tv, 10.03. 2019); ***Мадуро теряет контроль!***

США сделали ход «Троянским конем»! (Русское видео, 10.03.2019); *В Одессе грабители попытались сделать ход троянским конем. Преступники пытались обчистить рыночный склад, проникнув внутрь под видом товара. Но ворюшки так погрузились в древнегреческую мифологию, что забыли о современных технологиях и не учли, что склад оборудован камерами видеонаблюдения* (Первый канал, 24.08.2013); *Савченко и Рубан – троянский конь* финальной президентской *конки* (novo24.ru, 16.04.2019). Отметим, что в данном контексте лексема *гонка* замещается лексемой *конка*, апеллирующая к мифу и подчеркивающая хитрость и коварные замыслы участников выборов.

Фразеологизированное прецедентное сочетание *троянский конь* в текстах СМИ может приобретать форму множественного числа, отличную от денотативного содержания конструкции: *Троянские кони России или «Рука Кремля» в европейских выборах* (Гражданская оборона, 23.05.2017); *Тарас Плеткин: Крым – пастбище троянских коней* (Майдан, 29.03.2007).

Как известно из мифологических преданий, *троянский конь* стоял у входа в город, жители которого сами открыли ему ворота. В связи с этим в текстах СМИ активно употребляются конструкции со словосочетанием *троянский конь у ворот*, характеризующие опасность в определенном государстве или регионах, тех или иных политических сферах. Можно предположить, что основой для образования конструкции *троянский конь у ворот* могло послужить крылатое выражение: «Ганнибал у ворот», означающее приближающуюся опасность, западню: *Троянский конь перед Боровицкими воротами. Оппозиция показала зубы и отгрызла 10 сентября 2017 года у Владимира Владимировича и Сергея Семеновича несколько районов Москвы* (Эхо Москвы, 11.09.2017); *«Троянский конь» США у ворот Венесуэлы* (communitarian.ru, 26.02.2019); *Сергей Марков: «Проект Ющенко» – это троянский конь у ворот Евросоюза»* (Столетие, 13.01.2010).

Ввиду того, что фразеологизированное прецедентное сочетание *троянский конь* является весьма распространенным в текстах

русскоязычных СМИ, мифологический сюжет ложится в основу метафорических сценариев, основанных на политической борьбе: *Троянский конь Авакова и антивирус Фельдмана. Яркий тому пример – Харьковщина, где оставшийся не у дел бывший губернатор Арсен Аваков решил затеять войну, сравнимую по каверзости и нечистоплотности разве что с войной между троянцами и данайцами. Но Аваков хитер и амбициозен – не получилось с Ющенко – попробуем с Тимошенко. Поразмыслив над тем, как вернуть себе влияние на Юлию Владимировну (красавица гречанка Елена), Арсен Аваков (царь Спарты Менелай, правда, в нашей истории с приставкой «экс») решил всеми имеющимися способами убрать с дороги значимую и уважаемую в Харьковском регионе фигуру Александра Фельдмана (Парис) – руководителя областной организации БЮТ, известного бизнесмена и мецената (Обозреватель, 18.04.2010).* В данном контексте с иронией описана предвыборная гонка политических субъектов, которые, по мнению автора-журналиста, ведут каверзную и нечестную борьбу за власть и расположение к себе.

Таким образом, механизмы актуализации содержания прецедентных единиц в массмедийных текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что массмедийный дискурс отличается спецификой интенционального содержания, многополярностью и многовекторностью. Изменение семантики конструкций проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где прецедентные феномены *«троянского цикла»* приобретают новые семантические признаки. Такие признаки являются основой для трансформации всего высказывания и придания ему новых коннотативно-прагматических смыслов.

3.2. Дискурсивно-прагматический потенциал устойчивой конструкции «ящик Пандоры» с ядерным компонентом *бедствие* в текстах русскоязычных СМИ

Антропоцентрическая парадигма определяет возникновение и развитие новых объектов исследования, в полной мере отражающих языковую картину мира членов современного общества. Одной из ключевых единиц, формирующей политическую картину мира, является устойчивая конструкция «ящик Пандоры».

Из поэмы «Труды и дни» древнегреческого поэта Гесиода (VIII – VII вв. до н. э.) мы узнаем об истории прецедентной единицы «Ящик Пандоры». В ней говорится о Пандоре (с греч. Πανδώρα – «всем одаренная»), «прекрасной женщине, которую Зевс послал на землю, чтобы наказать и Прометея, укравшего для смертных огонь с Олимпа, и всех людей, которые осмелились пользоваться этим ворованным даром. Пандоре перед отправлением на землю подарки вручили все боги-олимпийцы, а Зевс ей преподнес особый дар – красиво украшенный ларец, но тут же предупредил, что она никогда не должна заглядывать в него. Зная женскую психологию, Зевс был уверен, что его месть состоится: Пандора, движимая любопытством, обязательно откроет ларец, и оттуда вырвутся на волю все человеческие пороки, беды и несчастья, которые Зевс приготовил в «подарок» человечеству. Красавица Пандора сумела понравиться брату Прометея – простодушному Эпиметею, который женился на ней. При этом он забыл строгий приказ Прометея не принимать от Зевса ничего и никого. Пандора, не в силах противостоять любопытству, открыла ларец. Так люди были наказаны Зевсом. Единственное, что осталось на дне ящика – надежда» [Серов 2005, с. 673].

В лексикографических источниках конструкция «ящик Пандоры» имеет следующее значение: источник несчастий, бедствий [Молотков 1968, с. 543].

В русскоязычных медиатекстах фразеологизированное прецедентное сочетание *ящик Пандоры* может быть элементом языковой игры, которая

достигается за счет замещения первого элемента конструкции на фамилию политического субъекта со схожей семантикой, а именно замещение лексемы ящик на коробку (по созвучности с фамилией А. Коробко, зам. губернатора Брянской области) с целью привлечения внимания: *«Коробка» Пандоры: легитимность брянских выборов под вопросом? Судя по изложенным фактам, инициатором увольнения стал зам. губернатора Брянской области, заместитель председателя правительства Брянской области Александр Коробко. Претензии к журналистам телеканала были предъявлены после передачи с кандидатом от партии ЛДПР Виктором Киселевым, в которой, по словам Коробко, слабо отстаивались интересы правящей верхушки области, по сути, владельцев телеканала* (pravda.ru, 06.09.2016).

Еще одним примером языковой игры может послужить следующий контекст: *Игра в ящик. Пандоры* (newsland.com, 29.06.2016). В этом примере проводится аналогия с фразеологизмом «сыграть в ящик – (разг., экспресс.) – умереть [Федоров 2008, с. 534].

Проведенный анализ позволяет выявить следующие структурно-семантические трансформации исследуемой конструкции:

1. Расширение с помощью адъектива: *Путин – желающим вскрыть «военный ящик Пандоры»: флаг вам в руки* (Вести.ру, 02.09.2016); *Нераскрываемый ящик Пандоры. Два расстрела мэров за полгода – перебор даже для Крыма* (<http://politica-ua.com>, 03.12.2016); *Ящик Пандоры с тайнами 11 сентября открыт* (Вся правда, 12.10.2016); *Калининград наш: эксперты о путинском «ящике Пандоры» и пересмотре границ* (Федеральное агентство новостей, 02.09.2016); *Самая главная проблема нелегитимности аннексии Крыма – она открывает очень опасный ящик Пандоры* (Aboutru.com, 21.03.2015); *Греческий ящик Пандоры для ЕС* (speculant.com, 06.05.2015); *Майкл Бом: Крымский ящик Пандоры* (Эхо Москвы, 03.04.2015); *Таиландский ящик Пандоры. Таиланду не привыкать жить в состоянии кризиса* (russiancouncil.ru, 28.03.2014); *Сирийский ящик Пандоры. Сирийская смута вызвала к жизни немало дремавших до сих пор чудовищ* (<http://newsdiscover.net/>,

07.12.12); *Политтехнологический ящик Пандоры: черный пиар как инструмент предвыборной борьбы возвращается, и Иркутская область – в числе регионов, где это проявляется довольно ярко* (Телеинформ, 05.08.16); *Криминальный ящик Пандоры открыт. Сейчас пришло поколение милиции, которое не способно бороться с преступностью* (<http://dnr24.com>, 10.01.2015); *Украинская элита открыла «коррупционный» ящик Пандоры* (baltnews.lv/, 06.11.2016); *Крым и Приднестровье открыли кровавый ящик Пандоры. На днях в Россию попросилось и Приднестровье* (Собеседник.ру, 23.04.2014); *Украина открывает очередной «ящик Пандоры»* (Политнавигатор, 21.10.2016).

2. Замена первого субстантива с изменением семантики конструкции: *Контейнер Пандоры, или зачем медикам нужна диверсия?* (vb.kg, 12.03.2012). При этом второй субстантив «*Пандоры*» сохраняет денотативное содержание «источник бед, несчастий», который имеет негативную коннотацию и обозначает принадлежность, но в массмедийном дискурсе прецедентная конструкция «ящик Пандоры» реализуется с дополнительной принадлежностью, при которой субъект Пандоры стирается и принадлежность меняется: *Ящик российской Пандоры. «Экспроприация денег вкладчиков на Кипре – сигнал большой опасности не для России, а для российской элиты», – рассказал «Регионам России» Владимир Володин* (gosrf.ru, 15.01.2017).

Конструкция «Ящик Пандоры» построена по модели Subst+ Subst, где первый субстантив «ящик» определяется как «вместилище для чего-нибудь, обычно четырехугольной формы» [Ожегов 2008, с. 1199].

Рассмотрим историю возникновения конструкции «Ящик Пандоры». По мнению авторов энциклопедии «Музей фактов», в выражении «ящик Пандоры» слово «ящик» появилось в результате неправильного перевода с греческого слова «πίθος». На самом деле пифосом древние греки называли большой глиняный сосуд, закапываемый в землю, в котором хранили зерно, вино, масло или хоронили людей, так что ящик Пандоры более уместно было называть чашей Пандоры [Музей фактов: электронный ресурс].

Можно предположить, что при формировании античного фразеологизма в русском языке сформировалось наиболее «релевантное» слово «ящик», которое и закрепилось во фразеологическом обороте. Очевидным является тот факт, что речь идет не о физическом объеме этого сосуда, а об его наполнении. Поэтому «ящик» может активно замещается другими видами сосудов с изменением семантики всей конструкции: *Бутылка Пандоры: «Вести» проверили элитный алкоголь на качество* (Вести Новосибирска, 03.02.2016); *«Ларец Пандоры». Должник, зная о своих долгах, не очень охотно их выплачивал, пока судебным приставом в отношении него не был предпринят весь комплекс мер по взысканию задолженности* (Пермские вести, 23.07.2015); *Что внутри украинского ларца Пандоры?* (Украинская правда, 28.10.2010); *Как открывается ящик Пандоры, он же сейф Федерального Резерва США?* (livejournal.com, 08.09.2011); *Референдум – шкатулка Пандоры для власти* (Голос, 19. 09. 2013); *Нино Бурджанадзе и избирательная урна Пандоры. Все это чем-то напоминает мне одну старую историю: когда открыли избирательную урну (Пандоры?), на людей обрушилось множество бед, а когда закрыли, там осталась лишь надежда* (Грузия и мир, 21. 07. 2011); *Ларец Пандоры приоткрылся – быть большой войне? И, разумеется, катализатором всему, как и ожидалось, стала Сирия...* (Компромат, 15.02.2016).

При реализации расширенной конструкции «открыть ящик Пандоры», что означает сделать действие с необратимыми последствиями, которое нельзя отменить, значимым является глагол «открыть» в различных временных формах. Также может происходить трансформация глагола (в рамках одного деривационного гнезда) или замена синонимом. Примером сказанного могут послужить такие конструкции: *Победа Трампа и ядерный щит Европы: «ящик Пандоры» открыт?* (<https://eadaily.com>, 13.12.2016); *Открытие «ящика Пандоры»: экс-нардеп рассказал о коллапсе, к которому придет Украина после отдельных выборов на Донбассе* (Диалог, 27.06.2016); *Британия открыла ящик Пандоры. Британия выходит из ЕС!* (Око планеты, 25.06.2016); *Путину придется-таки открыть «ящик Пандоры», и это произойдет совсем*

скоро! (Конт, 18.04.2015); **Ящик Пандоры с тайнами 11 сентября открыт** (Вся правда, 12.10.2016); *Кто открыл ящик Пандоры в Украине? Можно ли было избежать войны в результате майдана* (mabtribune.com, 14.11.2014); *Кто и зачем приоткрыл «ящик Пандоры»?* (Караван, 20.02.2010). **Откроет ли Порошенко ящик Пандоры?** (Политцентр, 11.02.2016); **Ящик Пандоры открыт: польские претензии на Западную Украину становятся отнюдь не беспочвенными** (Политинформация, 26.10.2016); *К кому конкретно мог обращаться российский президент? Кто из актеров мировой политики хочет и может открыть ящик Пандоры?* (Федеральное агентство новостей, 02.09.2016); *Украина открывает очередной «ящик Пандоры». Выход из СНГ может породить волну территориальных претензий к Украине со стороны ее соседей* (Политнавигатор, 21.10.2016); **Центробанк открывает «Ящик Пандоры»? FLB: ЦБ предлагает сажать за распространение ложной информации о банках** (FLB, 24.12.2013); **Ящик Пандоры распахнут. Резолюция Совбеза ООН по Ливии, как и можно было предположить, открыла ящик Пандоры** (dela.su, 24.03.2011); **Осторожно! Ящик Пандоры открывается...** В древнегреческой легенде ничего не говорилось о наручниках Юли, pardon, Пандоры, которыми она открывала пресловутый ящик (Поиск, 12.10.2011); **Басилашвили о Крыме: «Приоткрыт ящик Пандоры»** (Дождь, 16.07.2015).

Частотными являются конструкции, расширение которых происходит за счет глагола «закрыть» в различных временных формах или при помощи синонимов. Для массмедийных текстов характерны такие формы употребления глагола: *Сможет ли Путин вновь запретить «ящик Пандоры»? Разжиганием националистических настроений и присвоением Крыма* (ИноСми.ру, 14.05.2014); *Став президентом, Кличко закрывает «ящик Пандоры» и отправит Януковича на пенсию* (Росбалт, 16.01.2014).

Зачастую в текстах СМИ при реализации фразеологизированного прецедентного сочетания **ящик Пандоры** указывается конкретный субъект, выполняющий действие: **Барак Обама вскрыл «Ящик Пандоры»** (Politikus.ru, 23.12.2015); **Янукович лично открыл ящик Пандоры** («Взгляд.ru, 31.05.2012);

Червоненко: завтра Янукович откроет «ящик Пандоры» и расскажет много интересного (NewsOne, 24.11.16); *Коломойский хочет открыть ящик Пандоры на Украине* (Financial Times, 20.03.2015); *Лавров в Белграде откроет «ящик Пандоры»* (maxpark.com, 03.12.2015); *Алексей Гарань сказал, что возможен еще и третий вариант для Януковича – уехать из Украины. По его словам, именно Янукович открыл «ящик Пандоры», начав политические преследования* (Донбас, 25.01.2013) и др.

В медиатекстах интересным является использование не только сочетания *ящик Пандоры*, но и описания бед, которые могут в нем храниться и обрушиться в любой момент. По мнению авторов изданий, бедами могут быть различные политические реалии: *На мужчину, как из ящика Пандоры, «обрушились» списание денежных средств из расчетного счета, ограничение права выезда за границу РФ, взыскание исполнительского сбора* (Пермские вести, 23.07.2015); *Открыли ящик с Пандорой Владимировной. Верховная Рада конституционным большинством приняла законопроекта №2023, который предусматривает декриминализацию статей 364 и 365 Уголовного кодекса, по которым осуждена Юлия Тимошенко* (The Crimea Times, 21.02.2014). В этом контексте автор с иронией подчеркивает связь *ящика Пандоры* с Юлией Тимошенко, по чьей вине приняли законопроект, приносящий «беды».

Еще одним способом использования данной прецедентной конструкции в массмедийных тестах являются конструкции в значении «инструмента», «орудия» или «ключа» для открытия «ящика». Таким инструментом могут быть различные политические нормативные акты: *Аналитик: Порошенко законом о Януковиче открыл ящик Пандоры* (РИА новости, 21.06.2015); *«Законы» открыли ящик Пандоры?* (Живой журнал, 18.01.2014); слова политических лидеров: *Аваков своими словами в адрес Саакашвили «убирайся из моей страны» открыл «ящик Пандоры»* (Живой журнал, 15.12.2015); валюта: *Гривна приоткрыла ящик Пандоры: каким будет курс национальной валюты?* (Политмир, 18.11.2016); политические действия или реалии: *нелегитимные выборы в Крыму откроют «ящик Пандоры»* (Хвиля, 13.09.2016); *Своими*

действиями в Крыму Россия могла открыть ящик Пандоры (<http://3wwar.ru>, 26.03.2014); *Приговор Тимошенко открыл «ящик Пандоры»* (Вести, 12.10.2011); *«Качество» и содержание военной политики государства – это ключ к могуществу и процветанию, либо отмычка для ящика Пандоры* (<http://artofwar.ru>, 26.11.2013); *Европа и мигранты. Ключ от ящика Пандоры уже в руках* (<http://universe-tss.su>, 28.03. 2014).

Составные части «ящика» Пандоры также реализуются в политических текстах, но малоактивно: *Крышка ящика Пандоры может стать крышкой гроба СНГ* (maxpark.com, 19.03.2014); *Увидит ли мир дно ящика Пандоры?* (Эхо Москвы, 06.01.2012).

Таким образом, апелляция к устойчивой конструкции *ящик Пандоры* в русскоязычных СМИ позволяет выразить оценку относительно политических действий, событий, представляя материал со структурно-семантическими трансформациями, что влияет на сознание адресата. Трансформационный потенциал исследуемого фразеологизированного прецедентного сочетания может завесить от ряда экстралингвистических факторов и служить индикатором изменений, происходящих в современном мире политики.

3.3. Специфика функционирования фразеологизированного прецедентного сочетания «гордиев узел» с ядерным компонентом сложность в текстах русскоязычных СМИ

Прецедентная единица *Гордиев узел* является одной из наиболее частотных и актуальных конструкций, функционирующих в политическом тексте. В первоначальном значении устойчивое выражение *Гордиев узел* определяется, согласно древнегреческой легенде, как чрезвычайно сложный узел, завязанный фригийским царем Гордием, а впоследствии рассеченный мечом Александра Македонского [Ашукин 1988, с. 83]. Современные лексикографические источники дают следующее определение данной

конструкции: некое чрезвычайно запутанное дело, сплетение обстоятельств, сложная проблема [Серов 2005, с.145].

При реализации данной конструкции в политических текстах сохраняется денотативный компонент 'разрешить дело, устранить проблему, прояснить ситуацию' и зачастую наблюдается положительное решение какого-либо политического вопроса: *Президент «разрубил» гордиев узел. Чиновники наперебой радуются, что слияние Крымского и Южного округов позволит быстрее развивать межрегиональные проекты* (Кавполит, 30.06.2016). В медиатекстах объективируется не только положительное решение ситуации, но и возможность отсутствия результата, так как в политике важную роль играют решения глав государств в международных отношениях: *Дипломатия, как видим, не в силах развязать или распутать сирийский поистине гордиев узел* (ЕМ, 10.07.2015). Для текстов СМИ характерны случаи откладывания решения проблем: *Президент России Путин «разрубил гордиев узел», отложив решение пенсионной проблемы еще на год* (communitarian.ru, 13.02.2017). При анализе медиатекстов выявлены примеры, имеющие противоречивый характер, так как результат может быть разным (положительным или отрицательным) для отдельных государств: *Признав Иерусалим столицей, Трамп фактически разрубил «гордиев узел» притворства и двойных стандартов западного мира, которые в угоду своим интересам, всегда готовы объявить черно-белым и наоборот* (Спутник, 07.12.2017).

Отметим, что конструкция *Гордиев узел* в первоначальном значении имеет негативную коннотацию, связана со сложностями и проблемами, которые требуют решительного и быстрого вмешательства. Исследуемая прецедентная единица характеризует политическое состояние многих государств и регионов, в частности, Республики Крым, что находит отражение в политических контекстах. При этом ядерной семьей становится компонент «проблема». Подчеркнем, что в медиатекстах одни и те же проблемы могут решаться по-разному: а) без посторонней помощи: *«Гордиев*

узел» может развязаться сам (Новости, 30.04.2014); б) без указания на конкретный политический субъект: *Кто разрубил гордиев узел войны в Донбассе?* (russianpulse.ru, 03.06. 2016); в) с помощью конкретного политического субъекта: *Ющенко разрубил «гордиев узел» проблем Украины* (08.09.2015); *Аксенов разрубил гордиев узел политических проблем вокруг «Патриота»* (Национальный эксперт, 15.03.2017); *Лукашенко надеется разрубить «гордиев узел проблем»* (Суть событий, 22.04.2014); *Гордиев узел газовых проблем* (2000.ua, 08.11.2016). Последние примеры усиливают денотативное значение прецедентной конструкции *Гордиев узел* при помощи дополнения «проблема», так как уже означает ситуацию, когда поставленная задача настолько сложна, что для ее решения требуется нестандартный, оригинальный подход. Подчеркнем, что весьма характерным для медиапространства является невозможность решения проблемы: *Виталий Портников: Гордиев узел между Трампом и Путиным развязать невозможно* (НГ, 17.08.2017).

Тематика проблем, репрезентированных через конструкцию *Гордиев узел*, разнообразна. К ним можно отнести различные аспекты политической и социально-экономической жизни государств или регионов, военные, миграционные, экологические проблемы, проблемы международного сотрудничества, вопрос присоединения Крыма и его внутривнутриполитические проблемы и т.п.: *Гордиев узел Закарпатья. Стрельба в закарпатском городе Мукачево стала очередным тестом для украинской власти на состоятельность, а для украинского государства – на выживаемость* (politcom.ru, 23.07.2015); *Гордиев узел Минска может разрубить только воля Кремля* (Новороссия, 26.02.2017); *Гордиев узел Донбасса: как развязать?* (Время, 06.02.2017).

В региональных СМИ, как показал анализ, наиболее полно конструкция *Гордиев узел* характеризует внутривнутриполитическую ситуацию Крыма. Подчеркнем, что сам Крым не является *Гордиевым узлом*, однако его внутривнутриполитические проблемы становятся причиной затруднений и сложных

ситуаций: *Кадровые перестановки в Крыму: разрубили «гордиев узел»* (В Зените, 29.07.2016); *ТБО – гордиев узел курортной Ялты. Гордиев узел мусорных проблем курорта Крым можно и нужно разрубить* (Отдых, 16.04.2015); *Гордиев узел Артековской земли* (Безформата.ру, 17.06.2015); *«Гордиев узел» севастопольских СМИ – сам черт ногу сломит* (Информер, 07.03.2017); *Гордиев узел крымских распрей* (Прессинг, 30.11.2014); *Гордиев узел транспортной отрасли* (Лига, 01.09.2016); *Гордиев узел маршруток* (privetsochi.ru, 08.08.2012).

При реализации в контекстах обращает на себя внимание вариативность глагольных сочетаний. Так, в «Словаре синонимов и антонимов современного русского языка» под редакцией А. С. Гавриловой, глагол *разрубить* имеет такие синонимы: перерубить, раскрыть, рассечь, изрубить [Гаврилова 2014, с.318]. Согласно данным лексикографических источников, «разрубить гордиев узел» – разрешить какое-либо сложное, запутанное дело очень просто, волевым решением, без долгих размышлений [Серов 2005, с.145].

Отметим, что при реализации прецедентной единицы *Гордиев узел* в сочетании с глаголом находят отражение не все языковые единицы, входящие в синонимический ряд глагола *разрубить*. Как показал анализ, в медиатекстах происходит расширение синонимического ряда за счет глаголов: 1. Развязать – разъединить (концы связанного), освободить от завязки. Р. узел; 2. Распутать 1. Разделить, разъединить (спутанное), размотать. Р. узел, клубок (также перен.: разобраться в сложном, запутанном деле) [Ожегов 2008, с. 837].

Для медиатекстов характерно использование динамических глаголов «разрубить», «развязать», «распутать» в разных временных формах: *Как Порошенко разрубить «гордиев узел» Второй украинской республики* (Антикор, 08.06.2014); *Владимир Путин развяжет в Сирии еще один «гордиев узел»* (blogger.ru, 03.07.2017); *Ближний Восток: можно ли распутать Гордиев узел?* (interaffairs.ru, 21.11.2017); *Нужно постараться*

аккуратно распутать гордиев узел на востоке Украины (dw.com, 25.08.2014); *Гордиев узел* в московском небе: как его *распутать*? В этом году почти 300 километров проводов спрячут под землю. Там же должны проходить телевизионные и интернет-кабели, но, как выяснилось, даже специалисты порой не могут разобраться в беспорядочном скоплении проводов (Вести.ру, 17.10.2017). Данный контекст не только в переносном значении характеризует проблемы Москвы, но и в прямом акцентирует внимание на «узлах», километров проводов, которые нависали над головами москвичей.

При моделировании противоположной ситуации (формирование проблемы или конфликта) в медиатекстах активно реализуется глагол *завязать*. В метафорическом переосмыслении глагол *завязать* означает произвести решительные действия в нестандартной ситуации или усугубить проблему: *США завязали трубы «Газпрома» в гордиев узел* (maxpark.com, 17.11.2017); *Депутаты херсонского горсовета «завязали» Гордиев узел [...] решили запретить рекламу пассажирских перевозок в Крым, на территорию ДНР и ЛНР* (Херсон, 20.10.2016). Такие конструкции в семантическом плане не требуют скорейшего решения проблемы, а лишь констатируют факт ее наличия. При этом в большинстве случаев проблема требует вмешательства, даже если ее решение откладывали на потом: *Гордиев узел завязывается туго... Но рубить все-таки придется. [...] Волгодонск посетил первый заместитель губернатора Виктор Гончаров. Цель визита – пощупать наш транспортный гордиев узел на месте* (Волгодонская правда, 15.09.2017). Данный контекст иллюстрирует ситуацию, когда нужно принять меры, но прежде, чем принять решение, необходимо оценить ситуацию, на что указывает глагол «пощупать» гордиев узел.

Еще одним примером моделирования противоположной ситуации может послужить следующий контекст: *О крымский узел затупились многие мечи. Гордиев узел, которым стал вдруг для всего мира крымский полуостров, затягивается все туже* (donbass.ua, 24.03.2014). Как известно

из мифологии, именно мечом А. Македонский разрубил Гордиев узел. В медиатексте мечи – государства или властные структуры, которые обсуждали вопрос принадлежности Крыма, предпринимали попытки его решения. В адъективном сочетании *Гордиев узел* адъектив *Гордиев* замещается адъективом *крымский* с целью акцентирования внимания на вопросе воссоединения Крыма с Россией, что усиливается за счет динамического глагола «затягивается». Такого рода конструкции в медиатекстах являются частотными, что еще раз доказывает значительное количество неразрешенных ситуаций вокруг Крыма: *Крымский гордиев узел: рубить нельзя развязывать. По сути, Россия разрубила Гордиев узел только для того, чтобы немедленно заменить его новым, еще более запутанным* (sputnikipogrom.com, 21.04.2014). В современных условиях фразы, подобные известной конструкции из рассказа Лии Гераскиной «В стране невыученных уроков» (2010) «казнить нельзя помиловать», подразумевают возможность неоднозначного толкования и часто используются, чтобы заострить внимание на важном вопросе. Конструкция «рубить нельзя развязывать» без постановки необходимого знака препинания демонстрирует две взаимоисключающие возможности для Крыма: войдя в состав Российской Федерации проблемы региона не исчезли. В зависимости от поставленного акцента принимается единственно верное решение: рубить – агрессивное решение проблемы, которое является единственным правильным, или развязывать – мирное урегулирование вопроса «развязывать», что не решает проблемную ситуацию.

Как показал анализ, при реализации в медиатекстах происходят следующие структурно-семантические трансформации:

1. Расширение конструкции посредством адъектива без трансформации компонентов: *Транспортно-гордиев узел* (Новые известия, 10.11.2015); *Каспийский гордиев узел: юридические нюансы затянувшегося спора* (eadaily.com, 25.04.2017); *Сирийский гордиев узел* (Полит Навигатор,

27.07.2016); *Кто разрубит закавказский железнодорожный «гордиев узел»?* (voskanapat.info, 04.11.2015).

2. Замена первого компонента конструкции новым, окказиональным с изменением семантики: акцентируется внимание не на денотативном значении конструкции, а на объекте: *Крымский узел: кто его завязывает и как его развязывать* (timeua.com, 28.02.2017); *Удастся ли распутать «гамбургский узел»? Это стало символом того, что у некоторых сложных проблем есть достаточно простые решения* (РНЛ, 07.07.2017); *Владимир Путин постарается ослабить карабахский узел* (Известия, 18.04.2016); *Удастся ли развязать турецкий узел?* (РНЛ, 08.07.2016); *Развяжет ли Украина газовый узел сама или его разрубят?* (discred.ru, 27.07.2014).

Подчеркнем, что фразеологизированное прецедентное сочетание *Гордиев узел* в текстах СМИ может иметь форму множественного числа, что не является характерным для его денотативного содержания: *Трамп «разрубает Гордиевы узлы» своих предшественников радикальным образом* (Новая газета, 2017.12.2014); *«Вместо того чтобы разрубить «гордиевы узлы» бюджетной политики, их запутывают и затягивают еще больше»* (dmitrieva.org, 13.06.2013).

В политических текстах конструкция *Гордиев узел* может предполагать наличие определенного объекта, который и видится проблемой, запутанной ситуацией. Такие объекты не являются однородными и представлены следующими тематическими группами:

1) страны или регионы: *Украина: Гордиев узел* (НГ, 23.04.2014); *Гордиев узел: США, Иран и арабские страны* (politeka.net, 16.05. 2015); *Гордиев узел юга Сирии: Американская коса на иранский камень* (Правда, 08.06.2017).

2) политические отношения: *Гордиев узел турецко-российских отношений* (zn.ua, 12.05.2017); *Российский газ на Украине: Гордиев узел дружбы* (Русская служба, 06.10. 2010); *Как Беларуси разрубить гордиев узел в отношениях с США?* (ВиПерсон, 08.08.2014).

3) политические организации: *Обама связывает ЕС и НАТО в «гордиев узел»* (Новости, 13.10.2006);

4) ресурсы: *Энергия – гордиев узел российско-европейских переговоров* (minprom.ua, 22.05.2016); *Гордиев узел на украинской трубе* (Регнум, 16.08.2017); *Владимир Путин распорядился развязать «Гордиев узел» энергетики Калининградской области* (Русский запад, 20.05.2013).

5) политические события: *Трагические события, охватившие Донбасс с 2014 г, являются неразрешимым для Украины Гордиевым узлом, который пока она не может распутать или разрубить* (Обозреватель, 22.04.2017).

Таким образом, апелляция к мифологическим образам и сюжетам в текстах политических СМИ успешно иллюстрирует информативную и суггестивную функции. Прецедентная единица *Гордиев узел* эксплицирует современную политическую ситуацию: сложные, нерешенные проблемы государств или общества, требующие быстрого реагирования. Идея авторов медиатекстов выражается в имплицитной, метафорической форме, что дает возможность интерпретировать происходящее самостоятельно, при этом следуя известному мифологическому сюжету. Использование прецедентной единицы *Гордиев узел* является удачным приемом для акцентирования внимания на политических проблемах различных государств и регионов, а также общества в целом.

3.4. Ядерный компонент конфликт как основа реализации устойчивой конструкции «яблоко раздора» в русскоязычных политических СМИ

История появления конструкции *яблоко раздора* единицы берет начало из древнегреческой мифологии. Согласно лексикографическим источникам, Эрида – богиня вражды и раздора во время пира богов подбросила золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Присутствующие на пиршестве богини Гера, Афина и Афродита захотели завладеть золотым яблоком и поспорили,

кто из них красивее. Разрешить спор позвали Париса, сына троянского царя Приама, который присудил яблоко богине любви Афродите. В благодарность за это Афродита помогла Парису похитить Елену, жену спартанского царя Менелая, что и стало впоследствии причиной Троянской войны. Таким образом, Эрида добилась своей цели: с помощью спора спровоцировала войну. А выражение **яблоко раздора** стало синонимом повода для вражды и спора [Серов 2005, с. 671].

Как показал анализ, реализуясь в медиатекстах, данная устойчивая конструкция сохраняет денотативные компоненты ‘повод, причина ссор, споров, серьезных разногласий’ с негативной коннотацией: *Крым как вечное яблоко раздора между Россией и Украиной* (ПП, 12.12.2012). В отличие от денотативной реализации в политических текстах конструкция «яблоко раздора» используется во фразеологизированных прецедентных сочетаниях: *Путин – ЕС: оранжевое яблоко раздора* (НП, 26.11.2004); *Черноморское яблоко раздора* (Все новости, 24.04.2010); *Земляное яблоко раздора* (РИА «Новости», 13.07.2014); *Новомосковское яблоко раздора российских олигархов* (Ведомости, 01.09.2003); *украинское яблоко раздора* (Аналитик, 02.07.2015).

Возможно расширение атрибутивами одного и второго компонентов устойчивого сочетания. Ср.: *На сегодня мы имеем довольно мощное предупреждение, в котором содержится намек на возможность «списать в политический утиль» Украину как гнилое яблоко международного раздора* (Плюс Информ, 30.10.2014);

Весьма частотным становится использование конструкции в форме множественного числа, нехарактерное для ее денотативного значения: *Российско-украинские «яблоки раздора»*. *С 22 октября в Россию запрещено ввозить растительную продукцию из Украины* (Новости, 24.10.2014); *Киевские яблоки раздора*. *С приходом правительства нового главы государства отношения Кабмина и президента прошли путь от радужных заявлений о совместной работе до открытого противостояния* (Четверта

влада, 26.01.2014); *Россия-Европа: яблоки раздора. Ряд стран ЕС может получить отмену продуктового эмбарго* (ТВ Центр-Москва, 22.07.2015); *семь яблок раздора между Украиной и Россией: газ, русский язык, Черноморский флот, голодомор, НАТО, внешняя политика, церковь* (Сегодня, 11.09.2010).

Устойчивая конструкция **яблоко раздора** может становиться элементом языковой игры, основывающейся на названии одной из российских политических партий «Яблоко». Употребление исследуемой конструкции в медиатекстах в значении названия партии «Яблоко» вносит в негативную коннотацию фразеологизма дополнительный смысловой оттенок. Так, в политических текстах причиной ссор, споров и серьезных разногласий становится деятельность партии: **«Яблоко» раздора. Яблочники вновь погрязли во внутрипартийных разборках** (Взгляд, 20.12.2009); **«Яблоко» раздора. Скандальный конфликт в петербургском отделении «Яблока» получил новое продолжение. В дело вмешалось федеральное руководство и распустило все городское отделение партии** (Новости, 16.10.2010).

Деривационный потенциал ключевой единицы «яблоко» в составе устойчивой конструкции включает единицы, зафиксированные в словообразовательных словарях. Так, наиболее частотными являются лексемы *яблоня, яблонька, яблочки*: **Яблоня раздора. Завершается проект правительства Казахстана, Глобального экологического фонда и Программы развития ООН в Казахстане по сохранению горного агробиоразнообразия** (Новое поколение, 26.08.2010); **Яблочки раздора. Министр сельского хозяйства Василий Бумаков решил раздавать яблоки** (Независимая Молдова, 25.07.2014).

В политических текстах конструкция **яблоко раздора** может предполагать наличие определенных объектов, которые и становятся основой конфликта:

1) административно-территориальные единицы: **Украина – яблоко раздора континентальной политики** (Новости, 20.02.2014); **Курильские острова – яблоко российско-японского раздора** (РосБизнесКонсалтинг,

30.04.2013); *Украина – яблоко раздора в отношениях России и США* (Новости, 10.09.2014); *Крым станет яблоком раздора между братскими народами с подачи США* (Бизнес, 25.09.2008);

2) политические действия: *антироссийские санкции – яблоко раздора в ЕС* (Сегодня, 13.03.2015); *референдум – яблоко раздора* (Киев Таймс, 12.05.2014); *Санкции Запада стали яблоком раздора между Украиной и Россией* (Информинг, 15.10.2014);

3) политические организации: *НАТО становится яблоком раздора внутри украинских властей* (Новости, 13.10.2006);

4) предметы и атрибуты: *музейные экспонаты стали очередным яблоком раздора между Украиной и Россией* (Сегодня, 11.09.2014); *Российский Черноморский флот опять стал «яблоком раздора» между Москвой и Киевом* (Аргументы, 14.08.2010).

Конструкция *яблоко раздора* обладает высоким трансформационным потенциалом. Так, в медиатекстах происходит замещение одного из компонентов конструкции. Наиболее частотным является замещение первого компонента единицей, входящей в тематическую группу «продукты», а именно овощи и фрукты: *Виноград раздора. На фоне заявлений Михаила Саакашвили о том, что Грузия не нуждается в российском рынке для сбыта своей винной продукции, начали происходить странные события* (bigcaucasus.com, 10.10.2011); *Огурец раздора. Накануне саммита Россия – ЕС стороны оказались втянуты в затяжной конфликт вокруг эмбарго, введенного Москвой в отношении импорта свежих овощей из Европы* (newizv.ru, 6.06.2011); *Губернатор Одесской области и бывший президент Грузии Михаил Саакашвили выступил с критикой своей родины: «Мы уже не только не яблоко раздора между Западом и Россией, мы уже даже и не огурцы»* (Дни, 14.02.16).

Менее частотным является замещение первого компонента конструкции единицами из других тематических групп: *Депутат раздора. Дело коммуниста Бессонова снова раскололо Госдуму* (МК, 6.07.12); *Бюджет*

раздора. Бюджет на 2013 г. и плановый период 2014-2015 гг. отправлен в Госдуму (www.tks.ru, 03.10.12); **Политика раздора.** Международный комитет сената конгресса США проголосует по так называемому закону о «списке Магнитского», согласно которому в США будет запрещен въезд ряда важных чиновников и силовиков из РФ (Общероссийская общественно-политическая электронная газета, 26.06.12); **Полуостров раздора.** Этнорелигиозный конфликт в Крыму (stoletie.ru/geopolitika, 31.12.12); **Саммит раздора** (Независимая газета, 03.12.07); **Кабмин раздора:** как Запад заставил помириться команды Порошенко и Яценюка (Сегодня, 05.02.16); **Законопроект раздора.** Вчера Верховная рада Украины предварительно одобрила президентский законопроект о внесении изменений в конституцию страны в части децентрализации власти (Крымская газета, 01.09.15); **Министр раздора.** Республиканцы пообещали сорвать назначение нового генпрокурора США (Коммерсант, 26.09.14).

При замещении второго компонента конструкции используются единицы с ядерными компонентами ‘конфликт’ и ‘согласие’: **Приднестровское яблоко конфликта.** Россия готовит вторжение в Украину со стороны Приднестровья, уверяют украинские репортеры (2000.ua, 14.08.2014); **Яблоко согласия.** Партия хочет объединить демократов не «вокруг себя, а вокруг России» (Московский комсомолец, 28.02.2016).

Таким образом, при реализации в медиатекстах фразеологизированное прецедентное сочетание **яблоко раздора** приобретает новый коннотативный фон и высокий уровень экспрессии. Деривационные, морфологические и семантические трансформации стержневого компонента конструкции приводят к изменению ее значения и определяют особенности реализации конструкции в политическом тексте. Синтагматический потенциал устойчивой конструкции **яблоко раздора** приводит к расширению возможностей ее текстовой реализации и формирует новый фрагмент политической картины мира.

3.5. Функционально-прагматический потенциал устойчивой конструкции «ахиллесова пята» с ядерным компонентом *уязвимость* в русскоязычных медиатекстах

В структурно-семантическом плане *ахиллесова пята* является многокомпонентной единицей, отражающей прецедентную ситуацию из древнегреческой мифологии. Известно, что Ахиллес (Ахилл) – один из самых сильных и храбрых мифологических героев, который благодаря матери Фетиды, окунувшей его в священную реку Стикс, стал неуязвимым. Единственным уязвимым местом Ахиллеса была пята, куда его смертельно ранил стрелой Парис. Возникшее отсюда выражение ахиллесова (или ахиллова) пята употребляется в значении: слабая сторона, уязвимое место чего-либо [Ашукин 1988, с.29].

Прецедентная единица *ахиллесова пята* включает ядерный компонент ‘уязвимость’, который отражает несовершенство политической, экономической, социальной и других сфер во внешней и внутренней политике Крыма и различных государств. В текстах политических СМИ Крым является уязвимым местом России и Украины, а также может быть источником нестабильности во внешнеполитической ситуации России и Украины. Данный тезис находит подтверждение в следующей тематической классификации:

1) Крым – уязвимое место России: *ахиллесова пята: Украина может надавить на РФ с помощью Крыма* (Экономические известия, 27.04.2017).

Приведем в пример контекст, апеллирующий к древнегреческому мифу о непобедимом Ахилле, который имел лишь одно уязвимое место, так и Украина имеет лишь одно незащищенное место – Крым, который и стал местом «удара»: *Крым – «это ахиллесова пята России»*. *Доставшись в наследство Украине, он сохранил эту особенность и для своей новой метрополии. И так же как пята Ахилла своей уязвимостью отличалась от*

бессмертного тела героя «Илиады», так и Крым отличается от остальной Украины (Русский архипелаг, 13.07.2012).

2) Крым – уязвимое место Украины: *Крым – ахиллесова пята, которая делает Украину зависимой от России* (Майдан, 06.02.2013).

3) проблемные участки социально-экономической направленности крымского региона в целом или отдельных его частей: *Ахиллесова пята Крыма. Российские боевые корабли взяли под охрану вышки компании «Черноморнефтегаз»* (Созидатель, 21.10.2014); *Ахиллесова пята Крыма. Специалисты продолжают искать воду для полуострова* (Крымская правда, 28.04.2017); *Первая ахиллесова пята – тотальная зависимость сельского хозяйства Крыма от стабильных поставок воды из Днепра* (Крымский архив, 03.12.2014); *Пресная вода – еще одна ахиллесова пята Крыма* (<http://ru-an.info>, 24.07.2014); *У Крыма всегда была ахиллесова пята – полуострову никогда не хватало собственной питьевой воды* (www.c-inform.info, 24.04.2014). Отметим, что проблема отсутствия воды в Крыму – одна из наиболее острых проблем региона, которая отражена в тестах политических СМИ с помощью исследуемой конструкции.

4) Крымские объекты, которые могут являться уязвимым местом для государств, например, России: *Черноморский флот в Крыму – ахиллесова пята России – эксперт* (Флот2017, 20.02.2012).

Кроме уязвимых участков, политические отношения или решения могут стать сильной стороной региона: *Руслан Бальбек: Межнациональные отношения стали силой Крыма, а не ахиллесовой пятой* (Политика, 13.03.2017).

В медиатекстах ядерная денотативная сема ‘уязвимость’, как правило, сохраняется, при этом объектом уязвимости являются единицы, следующие группы:

1) государства: *Ахиллесова пята США* (Мировое политическое шоу, 05.12.2015); *Ахиллесова пята России* (www.politforums.net, 02.04.2017); *Украина – ахиллесова пята России* (maxpark.com, 05.07.2014); *Четыре*

«ахиллесовы пяты» Украины: медленное реформирования страны, сложная экономическая ситуация, борьба с коррупцией, слабая дипломатия (<http://donbass.ua>, 04.10.15). Интересными для наблюдения являются примеры, где источником уязвимости становятся реалии, характерные только для определенного государства. Например, для Украины: *Ахиллесова пята Евромайдана* (Свободная пресса, 14.01.2014); *Ахиллесова пята «Укргаздобычи»* (Зеркало недели, 12.02.17); *Ахиллесова пята «Привата»* (Энергетика Украины, 23.11.2012).

2) регионы или города: *Северный Кавказ: «ахиллесова пята» или политический ресурс?* (<http://ya-russ.ru>, 30.08.2017); *Мариуполь – ахиллесова пята Киева, на штыках Порошенко его уже не удержит – грядут восстания* (<https://nahnews.org>, 19.04.2017).

3) политика в целом: *«Ахиллесова пята» политики США* (АиФ, 17.07.2014); *Ахиллесова пята путинского режима* (<http://uainfo.org>, 25.08.2017).

В текстах политических СМИ причиной уязвимости может стать экономика различных государств, для политических деятелей – денежные средства. Данный тезис подтверждают следующие контексты: *Финансы – ахиллесова пята Трампа* (Русский дозор, 16.03.2017); *Зависимость России от долларовых резервов всегда была ахиллесовой пятой России* (InoPressa, 07.11.2014); *Россия в кризисе: «Экономика – ахиллесова пята Путина»* (www.bbcccnn.com, 11.06.2017); *Олигархи – «ахиллесова пята» Украины* (news.finance.ua, 24.04.2011); *Ахиллесова пята бюджета –2017. Минимальная заработная плата увеличена, а прожиточный минимум остался неизменным* (<http://kiev-online.net.ua>, 14.11. 2016); *Ахиллесова пята проекта бюджета Украины – накопление долгов* (Голос, 22.09.2011); *Ахиллесова пята украинской экономики – «Нафтогаз»* (Гордон, 17.12.2014).

Проведенный анализ показал, что семантика «уязвимости» в текстах политических СМИ наиболее активно проявляется применительно к главам

государств. Однако интересным является тот факт, что при сравнении политических лидеров наиболее уязвимым представляется президент Украины. Источником его уязвимости являются следующие факторы:

А) политические оппоненты: *Глава НБУ Валерия Гонтарева стала для президента «ахиллесовой пятой»*. Поскольку, освободив ее, он не сможет через парламент назначить нового руководителя Нацбанка (<http://ua24ua.net>, 20.11.2016); *Шокин и Аваков – это ахиллесова пята Порошенко и Яценюка* (Голос Столицы, 21.08.2015);

Б) органы власти или их представители: *Еще одной ахиллесовой пятой для украинского президента является негативное отношение многих депутатов Верховной рады Украины к политике и решениям Порошенко* (politikus.ru, 12.11.2016); *Именно парламент является еще одной ахиллесовой пятой Порошенко* (<http://politcom.ru>, 17.06.2014);

В) неформальные объединения: *«Правый сектор» станет «ахиллесовой пятой» Порошенко* (Корреспондент, 06.01. 2015);

Г) бизнес и собственность: *Шоколадный бизнес станет ахиллесовой пятой первого лица Украины* (Политика сегодня, 26.07. 2017); *Открытым остается вопрос с российской собственностью Порошенко, поскольку это его ахиллесова пята, которую постоянно упоминают его критики* (РИА Новости Украина, 17.01.2016).

Д) политические решения или действия: *Ахиллесова пята президента – реформы и предвыборные обещания* (vesti-ukr.com, 24.05.2016); *«Мирный план Порошенко» для Луганска и Донецка стал его электоральной «ахиллесовой пятой»* (Русская правда. 12.09.2016).

Интересным для наблюдения является использование множественного числа, не характерного для денотативного значения конструкции *Ахиллесова пята*: *Штормовая стихия испытала Керчь на прочность. Разбушевавшаяся стихия выявила своеобразные «ахиллесовы пяты» в энергохозяйстве, лишний раз напомнило о необходимости своевременной обрезки деревьев*

вдоль линий электропередач (<http://kerchinfo.com>, 22.11.2015); *Ахиллесовы пяты Евромайдана и Владимира Путина* (КП, 21.02.2014).

Деривационный потенциал ключевого компонента конструкции реализуется в единичных случаях и используется с ироническим оттенком: *Выбор под прицелом автоматов и через антиконституционный переворот господина Порошенко для Европы стал ахиллесовой пяткой демократии* (news2world.net, 12.09.2017).

Как показал анализ медиатекстов, древнегреческая мифология представляет один из самых древних источников прецедентности. Как правило, мифологическая языковая картина мира содержит характерные образы, так как она является замкнутой системой, в которой запечатлены не только нормативно-речевые единицы, но и элементы культуры. М. Г. Петрова считает, что «мифологизмы, представляющие самый древний корпус прецедентных текстов, отличаются наиболее высокой культурологической устойчивостью в силу универсальности такой категории мышления, как миф. Действительно, в мифах сконцентрированы так называемые протоэлементы культуры, сохранившие свою универсальную ценность в настоящее время» [Петрова 2008, с. 64–65]. Именно поэтому прецедентные феномены со сферой-источником «древнегреческая мифология» активно используются и в текстах СМИ.

Таким образом, использование прецедентной единицы *ахиллесова пята* является удачным приемом для акцентуации внимания на компетентности властных структур и отдельных политических деятелей, политических проблемах Крыма, различных государств и общества в целом. Функционируя в текстах СМИ, такого рода конструкции меняют свое семантическое наполнение, приобретают новые конативные признаки. Представляя собой законченный продукт речемышлительной деятельности, данная прецедентная конструкция включена в когнитивную базу с определенной прагматической направленностью, которая обладает способностью включаться во вновь порождаемые тексты в измененном виде.

3.6. Семантизация ядерного компонента *страдание* в русскоязычном медиадискурсе (на материале фразеологизированного прецедентного сочетания «танталовы муки»)

Древнегреческая мифология содержит огромное количество разнообразных имен богов, царей и героев, широко представленных в текстах СМИ. Рассмотрим древнегреческий миф о Тантале, любимом царе богов, которого часто приглашали на пиршества, но он возгордился и рассердил богов, за что был наказан. Как пишет Гомер в «Одиссее», его наказание состояло в том, что он, будучи низвергнут в Тартар, был обречен вечно испытывать муки голода и жажды. При этом он стоял по горло в воде, а над ним висели ветви с разнообразными плодами. Но только он наклонится к воде, чтобы напиться, как она отступает, только протянет руки к ветвям – они поднимаются вверх. Отсюда и возникло выражение *муки Тантала* «страдания из-за невозможности достигнуть желаемого, хотя оно на первый взгляд вполне достижимо» [Серов 2005, с. 576].

Как показал проведенный анализ, реализуясь в медиатекстах, фразеологизированное прецедентное сочетание *Танталовы муки* (*муки Тантала*) позволяет выявить социально-экономические проблемы, а также показать отношение автора к деятельности тех или иных политических субъектов, которые решают эти проблемы на уровне регионов и государств. Так, невозможность достичь желаемого проявляется в разных сферах общественно-политической жизни и может быть представлена в следующей классификации:

1. Футбольные успехи / неудачи: *Танталовы муки испытываешь в дни чемпионатов мира: тридцать два матча, а побывать можно на одиннадцати* (Вики чтение, 18.06.2012); *Фланги практически не работали, в середине поля не хватало игрока, способного удобно вручить мяч форвардам – в общем, не футбол, а танталовы муки. Все шло к тому, что «Заря»*

разживется первым с 1996 года очком в игре с «Динамо» (Матч-центр, 05.04.2010).

2. Оформление документов: *Для россиян Грузия по-прежнему открыта. Пожалуйста, приезжай, визу на границе поставят, да еще бутылку вина вручают, спасибо, что приехал. А вот для грузина попасть в Москву – танталовы муки* (Лента.ру, 25.05.2015); [...] *издержки отечественного ненавязчивого сервиса, доставшиеся нам в наследство с советских времен, и танталовы муки с получением виз [...]* (<https://forum.md>, 07.03.2018).

В медиатекстах конструкция **танталовы муки** может быть элементом метафорического сценария, основанного на апелляции к древнегреческим мифологическим сюжетам. Интересным является тот факт, что конструкция используется в совокупности с другими фразеологизированными прецедентными сочетаниями или антропонимами со сферой-источником «древнегреческая мифология», привнося в медиаконтекст новые оттенки значений и ироническую коннотацию. Так, проводя аналогию между древнегреческими реалиями и современными, автор транслирует субъективное мнение, описывая современные проблемы, например, оформление загранпаспорта, что отражается в следующем контексте: *«Сизифов труд» или что вас ждет, если вы решили оформить загранпаспорт в России. Конечно, современные работники паспортных служб – не хозяева Олимпа, однако, они вполне способны обречь вас на столь же неблагоприятный и безрезультативный труд. Начало паспортной Одиссеи. Те, кто уже имел «счастье» попытать свою удачу в лабиринтах паспортного стола... Подвиг, который не войдет в легенды. Когда «сизиф труд» превращается в «танталовы муки»? Если у вас нет всех необходимых анкет и справок, то вы уподобитесь легендарному Танталу, стоящему по горло в воде и умирающему от жажды. Найдите своего Прометея* (Московский комсомолец, 22.07.2015).

3. Природные ресурсы: *Танталовы муки. Танталовы муки сибирских лесников. Количество лесных ресурсов истощается в размерах геометрической прогрессии* (<https://www.lesonline.ru>, 21.11.2013).

4. Экономика: *А учитывая нынешние танталовы муки реального сектора экономики, подобный банковский эгоизм хуже воровства* (<http://vlasti.net>, 24.11.2018).

Интересно, что фразеологизированное прецедентное сочетание *танталовы муки* в текстах СМИ чаще всего апеллирует к денотативному содержанию мифологического сюжета о постоянных муках жажды и голода с дополнительной семантикой. Так, частотными становятся конструкции, описывающие проблемы водоснабжения: *Жить в окружении воды и не иметь возможности утолить жажду качественной питьевой водой!? Ну чем не Танталовы муки? На юге Украины всегда остро стояла проблема нехватки питьевой воды* (Обозрение, 15.03.2013) или голода в связи с коррекцией фигуры (различные диеты): *лечебное голодание – это танталовы муки* (healthycase.ru, 21.02.2018); *Танталовы муки. Сейчас так называемая кетодиета стремительно набирает популярность. Ее главное отличие – то, что основную часть калорий составляют не углеводы, а жиры и белки* (<https://www.med2.ru>, 16.08.2018).

Однако мифологический сюжет не всегда очевиден читателям, не знакомым с древнегреческой мифологией, поэтому автор медийного текста дает пояснение в самом контексте: *«Новое начало» сейчас лучше всего характеризуют поздние решения, принятие которых напоминает древнегреческие мифы о «Танталовых муках», когда еда и питье (власть) рядом, но голодающий не может до них дотянуться из-за своих принципов и желаний», – пишет ЛА, отмечая, что Затлерс все же поддался искушению и ради власти согласился сотрудничать с Национальным союзом. Интересно, что обозреватель газеты Neatkarīgā Марис Краутманис тоже сравнивает процесс создания коалиции с «Танталовыми муками»* (<https://rus.delfi.lv>, 12.10.2011).

Фразеологизированное прецедентное сочетание *Танталовы муки* в текстах СМИ может употребляться в форме единственного числа, не характерного для денотативного значения конструкции: *Теперь кредиторы юрлиц обречены на танталову муку – приводить решения судов, вынесенных именем Украины, и исполнительных документов в соответствие с законами РФ* (zn.ua, 19.09.2014).

Интересным для наблюдения становится случай прецедентной контаминации: *Но одновременно дороговизна кредитных ресурсов для реальных производителей превратила программу импортозамещения в танталовы муки: на директорах заводов сидит банкир и клюет их печень* (<http://politrussia.com>, 12.10.2015). Так, в данном контексте происходит смешение двух мифологических сюжетов, а именно муки Тантала, означающие вечную жажду и голод, а также муки Прометея – бесконечные страдания от терзания орлом печени. Вероятно, такое использование исследуемой единицы возникает из-за малознакомого сюжета. Отметим, что сближение данных прецедентных ситуаций при описании мук часто используется в медиатекстах с аллюзией на оба антропонима – Тантала и Прометея: *Херсонцы терпят от городской власти «танталовы» муки. Страдания херсонцев от мусорной беды, видимо, вечны как муки древних Прометея и Тантала* (<https://bukva.ks.ua>, 23.01.2017).

Конструкция *танталовы муки* может быть элементом языковой игры, основывающейся на названии одной из крупнейших компаний «Тантал»: *«Танталовы» муки: «Связь-Банк» собирается остановить работу Саратовского оборонного завода. Заводское имущество оказалось в залоге у банка из-за заключенных «Танталом» четырех договоров об открытии возобновляемой кредитной линии, недвижимость была обеспечением обязательств заемщика* (Бизнес-вектор, 03.09.2019).

Прецедентные единицы позволяют журналисту аргументировать свой замысел и позволить читателю интерпретировать те или иные сведения через «чужой» текст. Однако авторы медийных текстов используют прецедентные

тексты не просто для привлечения внимания потенциальных читателей, но и для экономии усилий на восприятие материала. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что языковая игра и использование прецедентных единиц с ироническим оттенком являются удачными приемами повышения интереса и увеличения экспрессивности текста.

Выводы по третьей главе

1. Прецедентные единицы со сферой источником «древнегреческая мифология» включаются в общее культурно-историческое пространство, где сохраняют культурно значимую информацию, накопленную лингвокультурным обществом, и интеллектуализируют текст, расширяя его границы и создавая новые образы.

2. Для массмедийных текстов характерно не только возникновение новых слов и выражений, но и трансформация уже имеющихся языковых единиц, придание новых смысловых оттенков, расширение их синтагматического, парадигматического и эпидигматического потенциала. Очевидно, что трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны.

3. Как показал анализ русскоязычных медиатекстов (4760 языковых единиц), значимым фрагментом политической картины мира являются прецедентные конструкции со сферой-источником «древнегреческая мифология», в частности, прецедентные единицы троянского цикла («Троя», «Троянская война», «троянский конь») – 1095 единиц (23 %), ящик Пандоры – 952 единицы (20 %), гордиев узел – 714 единицы (15 %), яблоко раздора – 571 (12 %), ахиллесова пята – 571 (12 %), танталовы муки – 476 (10 %), иные – 381 (8 %) с имплицитно или эксплицитно выраженными ядерными компонентами *обман, бедствия, сложность, конфликт, уязвимость, страдание*, апеллирующие к известными мифологическим сюжетам (см. Рисунок 2).

Рисунок 2

4. Согласно нашим наблюдениям, на примере исследуемых фразеологизированных прецедентных сочетаний можно выявить наиболее характерные черты современной действительности с положительной или отрицательной коннотацией: политические лидеры как спасители, профессиональная компетентность / некомпетентность некоторых политических лидеров, проявление силы или слабости; с иронической окраской в метафорическом смысле отражение проблем бездействия представителей власти, невыполнение обещаний, равнодушие; воинственный характер политиков, их враждебность и агрессивность по отношению к конкурентам и др. Таким образом, проведенный анализ семантики и особенностей функционирования фразеологизированных прецедентных сочетаний со сферой-источником «древнегреческая мифология» позволяет

представить круг актуальных для данного периода политических реалий, которые меняются с течением времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Динамика ценностных ориентиров современного мира, значимая роль медиапространства при моделировании мнений и убеждений представителей различных лингвокультур и социальных групп определяет все большую роль манипулятивной функции языка. Данная функция преимущественно обеспечивается системой образных средств, активно реализуемых в текстах актуальных СМИ. В диссертационном исследовании был проведен комплексный анализ прецедентных единиц, сферой-источником которых стала древнегреческая мифология. Полученные заключения позволили сделать следующие выводы:

1. В современной лингвистической науке актуальным представляется изучение теории прецедентности, направленной на исследование «культурной памяти» народа посредством известных и, как правило, культурно маркированных единиц. Систематизация терминологического аппарата, уточнение отдельных терминов и понятий в контексте избранного материала исследования позволяют выделить основные черты *прецедентного текста*, которые в наиболее обобщенном виде можно представить так: является лингвокультурным феноменом; значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; широко известен представителю лингвокультурного сообщества; имеет общественный резонанс; содержит неоднократные обращения в текстах разных дискурсов.

2. В работе доказывается, что отсутствие унифицированной методики анализа прецедентных феноменов обусловлено разным объемом и неодинаковым семантическим и прагматическим содержанием исследуемых единиц, что определяет вариативность методик при тождестве исследовательских подходов. Автором диссертации предлагается классификация прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» с опорой на грамматическую структуру и

семантику анализируемых языковых фактов. При этом наиболее ценными представляются прецедентные антропонимы, фразеологизированные прецедентные сочетания.

3. Полученные результаты исследования позволяют говорить о том, что массмедийный дискурс использует вербальные сообщения в виде прецедентных антропонимов со сферой-источником «древнегреческая мифология», среди которых наиболее значимыми оказались *Геракл, Прометей, Гермес, Кассандра, Зевс, Мидас*, отличающиеся сложностью семантических оттенков, разнообразием коннотативных фонов, различными способами воздействия на адресата. Представляясь ценным фрагментом русского языкового сознания, прецедентные антропонимы становятся источниками ассоциаций, подвергаются неоднозначной интерпретации и аккумулируют черты древнегреческих и современных героев. Вписываясь в массмедийное пространство, исследуемые образы транслируются не только язык политики, но и на различные сферы товаров и услуг, в медицину, искусство, образование. Анализ показал, что трансляция не всегда является мотивированной и зачастую происходит на основе признаков, которые сближают номинируемые объекты с образами мифологических антропонимов. Ряд товаров и услуг получили номинации, напрямую связанные с именами героев древнегреческих мифов немотивированно, на основе того, что проанализированные антропонимы являются знакомыми носителям языка и коннотируются ими положительно. Положительные коннотации отдельных антропонимов, характерных для их денотативного значения, могут становиться негативными при реализации в медиатекстах, что обусловлено конфликтностью современного политического мира и, как следствие, негативной заряженностью языковых единиц, лежащих в основе создания образности медиатекстов.

4. Фразеологизированные прецедентные сочетания со сферой-источником «древнегреческая мифология» с имплицитно или эксплицитно выраженными ядерными компонентами ‘*обман*’, ‘*бедствие*’,

‘сложность’, ‘конфликт’, ‘уязвимость’, ‘страдание’ в той или иной степени отражают проблемы безопасности государств, противостояние политических сил и различных властных структур, угроз национальной безопасности в информационной сфере и других реалий, лежащих в основе современной политической картины мира. Такие прецедентные единицы включаются в общее культурно-историческое пространство, где сохраняют культурно значимую информацию, накопленную лингвокультурным обществом и интеллектуализируют текст, расширяя его границы и создавая новые образы. Ценным при этом представляется трансформационный потенциал фразеологизированных прецедентных сочетаний, благодаря которому конструкции получают новые смысловые оттенки, расширяют свой синтагматический, парадигматический и эпидигматический потенциал и участвуют в создании новых сюжетов и образов, отражающих характерные для социально-политической жизни реалии.

5. Исследование языкового материала позволяет прийти к выводу о том, что именно комплексный подход, включающий установление денотативного содержания языковых единиц и выявление специфики текстовой реализации слов и конструкций, позволяет наиболее полно установить место прецедентных единиц в русской языковой картине мира и особенности их функционирования в актуальном медиадискурсе.

6. Проведенный комплексный анализ прецедентных единиц со сферой-источником «древнегреческая мифология» может служить основой для дальнейшего исследования ключевых мифологических сюжетов, лежащих в основе моделирования русскоязычного медиапространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адзинова А. А. Явление прецедентности в заглавиях креолизованных текстов (на материалы языка глянцевого журналов): автореф. дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец. 10.02.01 – «Русский язык» / А.А. Адзинова. – Майкоп, 2007. – 222 с.

2. Алексеева М. С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса : дис. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.01 – «Русский язык» / М. С. Алексеева. – Нижний Тагил, 2009. – 236 с.

3. Алексеенко М. А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности / М. А. Алексеенко // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 221–233.

2. Андрейченко О. И. Фразеологическая репрезентация концептосферы «деятельность человека» в русском и украинском языках: когнитивный аспект / О. И. Андрейченко, Л. Ф. Щербачук // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры. Сборник научных трудов по итогам 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии. – Белгород, 2019. – С. 66–71.

3. Анненкова И. В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры / И. В. Анненкова // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 69–78.

4. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – М., 2010. – 448 с.

5. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // БЭС. Языкознание / гл. ред. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.

6. Балашова Л. В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – № 4. – 2011. – С. 34–42.

7. Барбара Н. В. Функции прецедентных текстов в публицистических материалах // Н. В. Барбара // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. – Луцк, 2011. – С. 8–14.

8. Барт Р. От произведения к тексту / Барт Р. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – 417 с.

9. Бахи А. М. Политическая фразеология арабского языка / А. М. Бахи // Ученые записки ТНУ. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – № 2. – 2013. – С. 183–188.

10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

11. Башляр Г. Прикладной рационализм / Г. Башляр. – СПб. : Университетская книга, 2000. – 395 с.

12. Беданокова З. К. К вопросу о семантике имени собственного / З. К. Беданокова, И. Н. Пономаренко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. – № 4 (227). – С. 76–82.

13. Беданокова З. К. Фразеологические единицы с латинскими компонентами в современном французском языке / З. К. Беданокова, С. К. Беданокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2017. – № 4 (207). – С. 57–62.

14. Белозерова Н. Н. Интегративная поэтика / Н. Н. Белозерова. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. – 205 с.

15. Бессонова Л. Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса / Л. Е. Бессонова // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Т. 16 (55). – № 1. – Симферополь, 2004. – С. 22–27.

16. Бирюкова Н. С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: дис. на

соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.01 – «Русский язык» / Бирюкова Н. С. – Екатеринбург, 2005. – 180 с.

17. Бобырева Е. В. Прецедентность религиозного дискурса / Е. В. Бобырева, В. И. Карасик // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов / под ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвина. – М. : Флинта, 2014. – 352 с.

18. Богданович Г. Ю. Еще раз о дискурсе и тексте / Г. Ю. Богданович // Культура народов Причерноморья. – № 30. – Симферополь : ТНУ, 2002. – С. 109–112.

19. Богданович Г. Ю. Межкультурная коммуникация: Крым как имя собственное / Г.Ю. Богданович, Т.Ю. Новикова // Современная картина мира. Крымский контекст. Коллективная монография. Книга 2. – Симферополь, 2018. – 336 с. – С. 43–56.

20. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Оджакъ, 2015. – 296 с.

21. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.

22. Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.): дис. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.01 – Русский язык / О. С. Боярских. – Нижний Тагил, 2008. – 228 с.

23. Боярских О. С. Специфика исследования прецедентных феноменов с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии / О. С. Боярских // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – С. 19–29.

24. Боярских О. С. Трансформация литературно-прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ / О. С. Боярских // Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве: материалы межвузовской научной конференции. – Нижний Тагил, 2006. – С. 115–118.

25. Бриченкова Е. С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. пед. наук: 13.00.02 / Е. С. Бриченкова. – Москва, 2007. – 23 с.

26. Бутахина, Л.А. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Л.А. Бутахина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – № 2. – 2012. – С. 7–14.

27. Быкова Л.В. Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ : дис. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.01 – Русский язык / Л. В. Быкова. – Сургут, 2009. – 211 с.

28. Валеева Л. В. Лингвокогнитивное измерение мифосемантики / Л. В. Валеева // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сборник научных статей. – М.: Российский университет дружбы народов, 2014. – С.50–60.

29. Валиулина Т.А. Опыт оценки влияния медиапропаганды на содержание интернет-дискуссий (на примере анализа полемик о присоединении Крыма) / Т.А. Валиулина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М., 2015. – С. 158–166.

30. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены / А. Д. Васильев. – М.: Флинта, 2013. – 343 с.

31. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 412 с.

32. Вишнякова Ю. В. Лингвокультурологическое описание гендера в лексикографии: на материале анализа мифологических персонажей: автореф.

дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.19 «Теория языка» / Ю. В. Вишнякова. – Ярославль: 2006. – 23 с.

33. Воркачев С. Г. Болевые точки российской лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 10. Ставрополь, 2012. – С 47–51.

34. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец. 10.02.01 – Русский язык / О. А. Ворожцова. – Екатеринбург, 2007. – 215 с.

35. Ворожцова О. А. Прецедентное высказывание как тип прецедентных феноменов / О.А. Ворожцова // Материалы ежегодной научной конференции (Екатеринбург, 1–2 февраля 2006 г.). – Екатеринбург, 2006. – С. 38–39.

36. Воронцова И. А. Прецедентные феномены в художественном тексте: проблематика интерпретации и перевод / И. А. Воронцова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2015. – №3. – С. 131–136.

37. Воронцова Ю. А. Реминисценции в текстах современных средства массовой информации : дис. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.01 – Русский язык / Ю. А. Воронцова. – Белгород, 2004. – 177 с.

38. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности / И. В. Высоцкая // Критика и семиотика. Новосибирск, 2013. – № 1 (18). – С.117–137.

39. Горшенков, Г.Н. СМИ в условиях украинского кризиса / Г.Н. Горшенков // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 7 (7). – С. 27–29.

40. Гоциридзе Д. З. Принципы типологической интерпретации фразовых текстов : автореф. дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец.10.02.01 – Русский язык / Д. З. Гоциридзе. – Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1988. – 225 с.

41. Гришаева Л. И. Прецедентный текст как модель осмысления действительности / Л. И. Гришаева // Содержание единиц языка и текста / ред. М. К. Сабанеева. – СПб., 2003. – С. 148–156.

42. Гришаева Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 15–46.

43. Гудков Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. тр. / М. : Диалог. – 2000. – С. 40–46.

44. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М., 1999. – 149 с.

45. Гудков Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д. Б. Гудков // Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации: сб. статей / ред. В. В. Красных, Л. И. Изотов. – М. : Филология, 1997. – С. 116–129.

46. Гудков Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. – Серия 9. – Филология. – №4. – 1997. – С. 106–118.

47. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков // Язык средств массовой информации. – М.: 2008. – С. 99–117.

48. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М. : МГУ. – 2003 (а). – С. 141–161.

49. Гудков Д. Б. Структура и функционирование прецедентных имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) / Д. Б. Гудков // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – № 6. – 1994. – С. 14–21.

50. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.

51. Гунько Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: дис. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.01 – Русский язык / Ю. А. Гунько. – СПб., 2002. – 141 с.

52. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 248 с.

53. Дементьева И. Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста // Язык и литература. – Вып. 9. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.utmn.ru/frgf/No9/text16.htm> (Дата обращения 27.05.2019).

54. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – 286 с.

55. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиасеть / Т. Г. Добросклонская. – М., 2008. – 203 с.

56. Дрянгина Е. А. Особенности прецедентных текстов как ассоциативно-образного средства репрезентации языковой личности / Е. А. Дрянгина // Ярославский педагогический вестник. – №2. – 2011. – С. 161–174.

57. Дубровина К. Н. Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике / К. Н. Дубровина // Вестник РУДН. – Серия «Лингвистика». – №7. – 2005. – С.100–117.

58. Дымарский М. Я. Прецедентность и художественность / М. Я. Дымарский // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 51–62.

59. Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 Русский язык / А. А. Евтюгина. – Екатеринбург, 1995. – 52 с.

60. Елисеева С. В. Французская культура как источник прецедентности в российской прессе / С. В. Елисеева // Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 23–25 апреля 2006 г.). – Екатеринбург, 2006. – С. 45–51.

61. Завьялова Г. А. «Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на примере английского и русского языка)»: дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г. А. Завьялова. – Кемерово, 2014. – 185 с.

62. Зарипов, Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / Р.И. Зарипов. – М.: Военный университет, 2015. – 262 с.

63. Зарипов, Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине / Р.И. Зарипов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – С. 172–180.

64. Захаренко И. В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» / И. В. Захаренко // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 2000. – С. 46–53.

65. Захаренко И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. – № 1. – М., 1997. – С. 82–103.

66. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М. : Наука, 1996. – С. 157–168.

67. Золотарев М. В. Лингвопрагматические особенности прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе (на материале английского и русского языков): автореферат дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец. 10.02.19 – Теория языка / М. В. Золотарев. – Саратов, 2017. – 21 с.

68. Золотухина Е. Н. Интертекстуальность в современном русском языке / Е. Н. Золотухина // Наш язык. – 2008. – №5. – С. 44–46.

69. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.

70. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламе / С. В. Ильясова, Л. П. Амри – М., 2009. – 296 с.

71. Илюшкина М. Ю. Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе / М. Ю. Илюшкина // Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Серия 13. – Лингвистика. – Екатеринбург, 2004. – С. 137–146.

72. Илюшкина М. Ю. «Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов»: автореф. дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / М. Ю. Илюшкина. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.

73. Исаева Л. А. Средства репрезентации прецедентных антропонимов писателей и поэтов в современной рекламе / С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Сборник материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой. – Майкоп, 2017. – С. 109-116.

74. Канаева Е. Н. Культура речи и прецедентные речевые единицы / Е. Н. Канаева // Вестник Чувашского университета. – Серия 1. – Языкознание. – 2007. – С. 28–31.

75. Канаева Е. Н. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков) : автореф. дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец. 10.02.01 – Русский язык / Е. Н. Канаева. – Москва, 2007. – 21 с.

76. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М., 2004 – 477 с.

77. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

78. Климова К. А. «Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской»: автореф. дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / К. А. Климова. – М.: 2009. – 22 с.

79. Клушина Н. И. Влияние ценностной дихотомии «свое» / «чужое» на язык современной газеты / Н. И. Клушина // Тезисы научно-практической конференции. – М. : МГУ. – 1995. – С. 11–21.

80. Клушина Н. И. Влияние ценностной дихотомии «свое» / «чужое» на язык современной газеты // Журналистика в 1994 году : Тезисы научно-практической конференции. – Часть 4. – М. : МГУ. – 1995. – С. 11–21.

81. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: [учебное пособие] / под ред. М. Н. Володиной. Раздел «Общие особенности публицистического стиля». – М., 2003. – 289 с.

82. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 269–289.

83. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: [учебник] / И. М. Кобозева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.

84. Ковалев В. П. Основные индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов / В. П. Ковалев // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. I. – Новгород, 1971. – С. 303–307.

85. Ковалев Г. Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы / Г.Ф. Ковалев // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 275–291.

86. Козлов С. Г. Основные тенденции развития СМИ в условиях формирования глобального информационного пространства / С. Г. Козлов // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 4. – С. 140–144.

87. Копытов О. Н. О фундаментальных категориях текста / О. Н. Копытов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – Т. 3. – № 3. – С. 149–157.

88. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

89. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – № 1. – 1994. – С. 73–76.

90. Костомаров В. Г. След культуры в языке, или след языка в культуре / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Речевое общение : вестник Красноярского госуниверситета. – Красноярск, 2005. – 133 с.

91. Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб. : Златоуст, 2001. – 72 с.

92. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.

93. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

94. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. – Серия 9. – Филология. – №3. – 1997. – С. 62–75.

95. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

96. Кривенко Б. В. Фразеология и газетная речь / Б. В. Кривенко // Русская речь. – 1993. – №3. – С. 44–49.

97. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник Московского Университета. Сер.9. Филология. – 1995. – №1. – С. 97–124.

98. Кузьмина Н. А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения / Н. А. Кузьмина // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. – Новосибирск, 2004. – С.80–89.

99. Кушнерук С. Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 146–155.

100. Левшенко Ю. И. Политический дискурс: Аналитический обзор теоретико-методологических подходов / Ю. И. Левшенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – С. 100–108.

101. Лещак С. Статус прецедентного текста в функционально-прагматической перспективе // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / ред. А. Н. Рудяков. – Симферополь : Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, 2010. – С. 31–33.

102. Лисоченко О. В. Явление прецедентности в современной русской речи : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 Русский язык / О. В. Лисоченко. – Таганрог, 2007. – 31 с.

103. Лосев А. Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе / под ред. А. Н. Иезуитова // Литература и живопись. – Ленинград : Наука, 1982. – 288 с.

104. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис: «Прогресс», 1992. – 272 с.

105. Лотман Ю. М. Семиосфера // Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки: [монография] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.

106. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Издательство «Искусство», 1970. – 383 с.

107. Манаенко Г. Н. Методологические и теоретические аспекты когнитивно-дискурсивных исследований языка: монография / Г. Н. Манаенко; Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, Ставропольское отделение, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – 123 с.

108. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) / Л. А. Мардиева // Вестник пермского университета. – Вып. 3 (15). – 2011. – С. 202–209.

109. Матвиенко Е. В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах: автореф. дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.04 «Германские языки» / Е. В. Матвиенко. – М.: 2010. – 19 с.

110. Мельник Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – Вып. 1. – 2012. – С. 27–29.

111. Милосердова Е. В. Языковая личность в свете прецедентных высказываний / Е. В. Милосердова // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 140–148.

112. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.

113. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : автореф. дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец. 10.02.01 – Русский язык / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 22 с.

114. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

115. Мищенко А. Н. «Троянский цикл» как источник прецедентности в массмедийном дискурсе / Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. – Том 8, № 2. – С.367–377.

116. Мищенко А. Н. Дискурсивно-прагматический потенциал прецедентного антропонима Прометей / Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Современная картина мира: крымский контекст. Кн. 2 [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь, 2018. – С. 265–284.

117. Мищенко А. Н. Древнегреческие мифы как источник формирования медийного образа Крыма / Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Вестник славянских культур. – Москва, 2018. – Т.49. – С. 211–222.

118. Мищенко А. Н. Особенности реализации прецедентного феномена «Дамоклов меч» в текстах политических СМИ / Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Вестник Вятского государственного университета. – Киров, 2016. – С. 79–84.

119. Мищенко А. Н. Прецедентная ситуация «12 подвигов Геракла» в масс-медийных политических текстах // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2017. – Том 3 (69). – № 3. – С.124–137.

120. Мищенко А. Н. Прецедентное имя Геракл в русскоязычных политических СМИ // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – №1, 2018. – С. 155–161.

121. Мищенко А. Н. Прецедентные единицы как источник моделирования медиапространства (на примере конструкций рог изобилия, золотой дождь) //

Гуманитарно-педагогическое образование. – Севастополь. – 2018 – Т.4. – № 3. – С. 53–58.

122. Моисеев М. В. Применения дефиниционного анализа в лингвокультурологическом исследовании / М. В. Моисеев // Вестник Омского университета. – Омск. – № 3. – 2016. – С. 142–148.

123. Моисеенко Л. В. Прецедентные единицы в пространстве медиатекста: русско-испанские параллели / Л. В. Моисеенко. – М. : Тезаурус, 2012. – 228 с.

124. Наумова Е. О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе / Е. О. Наумова. – М., 2004. – 153 с.

125. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е. А. Нахимова // Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Серия 13. – Лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2004а. – С. 166–174.

126. Нахимова Е. А. О формальных показателях прецедентности антропонима / Е. А. Нахимова // Бюллетень Уральского лингвистического общества. Серия 17. Лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2005а. – С. 147–155.

127. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: [монография] / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного технического университета, 2007. – 207 с.

128. Нахимова Е. А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Серия 14. Лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2004б. – С. 7–61.

129. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал.гос. пед. ун-т», 2011. – 276 с.

130. Нахимова Е. А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – № 15. – 2005. – С. 102–114.

131. Немирова Н. В. Категория прецедентности в современных газетных текстах // Когнитивные исследования языка. – Вып. VII. – Типы категорий в языке: сб. научн. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред Н. Н. Болдырев. – М. : Институт языкознания РАН. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Державина, 2010. – С. 508–518.

132. Немирова Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н. В. Немирова // Бюллетень Уральского лингвистического общества. Серия Лингвистика. – Екатеринбург, 2003. – С. 146–156.

133. Немирова Н. В. Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность / Н. В. Немирова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – С. 128–135.

134. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / под. ред. Л.В. Рацибурской.– М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 304 с.

135. Новикова О. Ю. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе (на материале англоязычных СМИ) / О. Ю. Новикова // Материалы ежегодной научной конференции (Екатеринбург, 1–2 февраля 2006 г.). – Екатеринбург, 2006. – С. 106–107.

136. Новохачева Н. Ю. Стилистический прием литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков / Н. Ю. Новохачева. – Ставрополь, 2005. – 284 с.

137. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языка / А.В. Олянич. – Волгоград, 2004. – 554 с.

138. Павловская О. Е. Прецедентность как атрибут современного рекламного дискурса / О. Е. Павловская, Д. Г. Куренова // Ученые записки

Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 25 (64). – №1. – Часть №2. – Симферополь, 2012. – С.401-406.

139. Переверзев Е. В. Политический дискурс: многопараметральная модель / Е. В. Переверзев, Е. А. Кожемякин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2. – Воронеж, 2008. – С.74–79.

140. Петров А. В. Гидроним Волга в метаязыке «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля / А. В. Петров // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность. VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета) – Симферополь, 2018. – С. 217-226.

141. Петрова Л. А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира / Л. А. Петрова. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.

142. Петрова М. Г. Знаки прецедентных текстов в англоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2008. – 165 с.

143. Переверзев Е. В. Политический дискурс: многопараметральная модель / Е. В. Переверзев, Е. А. Кожемякин // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 2. – С.74–79.

144. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе : лингвокультурологический анализ : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 – Русский язык / Ю. Б. Пикулева. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

145. Подгорная Л. Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества / Л. Д. Подгорная // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия : Политология. – № 8. – 2006. – С. 85–94.

146. Пономаренко И.Н. Оценочный компонент лексемы «чиновник»: от классического художественного текста до актуального медиатекста /

И. Н. Пономаренко, С. А. Мосьпан // *Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы VII Всероссийской научной конференции, 2019.* – С. 70–73.

147. Пономаренко И. Н. Современный медиатекст в аспекте формирования аксиологической модальности / И. Н. Пономаренко, С. А. Мосьпан // *Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей III Международного симпозиума, в 2-х т. отв. ред. Е.Я. Титаренко.* – Симферополь, 2019. С. 182–186.

148. Попова Е. Ю. Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе (на материале романов В. Пелевина «Generation "П"» и «Числа»): автореф. дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.19 «Теория языка» / Е. Ю. Попова. – Саратов, 2012. – 22 с.

149. Попова М. К. Предисловие от редакторского коллектива / М. К. Попова, В. Т. Титов // *Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова.* – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 9–14.

150. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.

151. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М. : ЛКИ, 2008. – 224 с.

152. Рагимова Ф. С. Канонический способ актуализации прецедентного высказывания / Ф. С. Рагимова // *Вестник Кемеровского государственного университета.* – №1. – 2008. – С. 45–51.

153. Рогозина И. В. Функции и свойства медиатекста как гетерогенной когнитивной структуры / И. В. Рогозина // *Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т.В. Чернышова* – Орел: ООО «Горизонт», 2010. – 128 с.

154. Ростова Е. Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ : цели и перспективы / Е. Г. Ростова // Русский язык за рубежом. – №1. – 1993. – С. 7–15.

155. Руженцева Н. Б. Гибридность как дискурсивный феномен: к вопросу о стратегическом блокировании нежелательных политических представлений / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика, 2016. – С.171–175.

156. Сегал Н. А. Ассоциативно-образная семантика ключевых единиц в политическом тексте / Н. А. Сегал // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 2009. – № 2 (39). – С.42–46.

157. Сегал Н. А. Категория пространство в лингвокогнитивном освещении (на материале русскоязычных политических текстов 2005–2013 гг.) / Н. А. Сегал. – Симферополь : Изд-во ДИАЙПИ, 2015. – 242 с.

158. Сегал Н. А. Метафорическая модель «политика – это транспортная система» в русскоязычных СМИ (на материале текстов 2007 – 2017 гг.) / Н. А. Сегал. – М. : Флинта: Наука, 2018. – 184 с.

159. Сегал Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. – М. : Флинта: Наука, 2017. – 248 с.

160. Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты: дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец. 10.02.01 – Русский язык / О. П. Семенец. – СПб., 2004. – 225 с.

161. Скребцова Т. Г. «Когнитивная лингвистика. Классические теории, новые подходы» / Т. Г. Скребцова.– М. : Издательский дом «ЯСК», 2018. – 392 с.

162. Скубашевская О. С. Лексика и фразеология античного происхождения в английском и украинском языках: автореферат дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.17 «Сравнительно-историческое и типологическое языкознание» / О. С. Скубашевская. – Донецк, 2000. – 26 с.

163. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 260 с.

164. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Академия, 2000. – 128 с.

165. Слышкин Г. Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему / Г. Г. Слышкин // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2000. – 139 с.

166. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): монография / С. И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

167. Смирнов И. П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.

168. Соссюр Ф. де. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах / перев. с фр. В. В. Иванова // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. – М., 1977. С. 639-645.

169. Смулаковская Р. Л. Прецедентные феномены и успешность коммуникации (к вопросу о степени прецедентности) / Р. Л. Смулаковская, Я. В. Кузнецова // Материалы международной научно-методической конференции (26–28 февраля 2001 г.). – СПб., 2001. – С. 426–429.

170. Смулаковская Р. Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе / Р. Л. Смулаковская // Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Серия : Лингвистика. – Екатеринбург, 2004. – С. 11–120.

171. Смыкунова Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному : дис. ... канд. пед. наук / Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. – Москва, 2003. – 185 с.

172. Сорокин Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева / Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М. : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 98–117.

173. Сорокин Ю. А. Что такое прецедентный текст? / Ю. А. Сорокин // Семантика целого текста. Тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987 г.). – М.: Наука, 1987. – С. 144–145.

174. Степанова А. В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.) : автореферат дис. на соискание уч. степени к. филол. наук : спец. 10.02.04 – Германские языки / А. В. Степанова. – Самара, 2006. – 21 с.

175. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – М. – №6. – 1995. – С.17–29.

176. Супрун В. И. Имя собственное как эмотивный феномен / В. И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – №1(134). – С. 199–204.

177. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173–203.

178. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия // Языки русской культуры. – М. : Школа, 1996. – 288 с.

179. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 576 с.

180. Тимофеева Т. Н. Прецедентная ситуация как структура знания, передаваемая в англоязычных научных экономических текстах / Т. Н. Тимофеева // Вестник Тамбовского университета. – Серия : Гуманитарные науки. – №1. – 2008. – С. 186–190.

181. Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С.161–166.
182. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.
183. Тритенко Т. В. Мифологические образы в языке клинической психологии: автореф. дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.19 «Теория языка» / Т. В. Тритенко. – М.: 2011. – 21 с.
184. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М.: Комкнига, 2006. – 280 с.
185. Федорова Л. Л. Карнавал в языке и коммуникации / Л. Л. Федорова. – М.: 2016. – С. 110–120.
186. Федотова Т. В. Концепт и концептосфера в аспекте систематизации топонимического пространства / Т.В. Федотова // Вестник ВЛГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – №1 (25). – Владимир, 2020. – С. 61–70.
187. Федотова Т. В. Модификация кубанских онимов в функционально-семантическом аспекте / Т. В. Федотова // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию создания Башкирского государственного университета. – Уфа, 2019. – С. 199–205.
188. Федуленкова Т. Н. Оказиональное преобразование фразеологических единиц как лингвистическое явление / Т. Н. Федуленкова, Р. А. Воронин // Вестник Северо-восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Т. 9. – Якутск: Северо-восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 2012. – С. 126–130.
189. Фефелова, В.В. Лингвокогнитивные механизмы речевого акта / В.В. Фефелова // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: Теория и практика: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, 23 -24 апреля 2015 г. – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2015. – С. 274–280.

190. Хороходина О. В. К уточнению терминов текстуальность – гипертекстуальность-претекстуальность – прецедентность – интертекстуальность в связи с художественным творчеством Гайто Газданова // Обретение смысла. Сборник статей, посвященный юбилею докт.филол.наук проф. К.А. Роговой. – СПб, 2006. – С. 326–338.

191. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1990. – 208 с.

192. Черногрудова Е. П. Прецедентные тексты в современной публицистике (на материале заголовков «Комсомольской правды») / Е. П. Черногрудова // Язык и национальное сознание. – Вып. 3. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – С. 164–170.

193. Чернявская В. Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999. – 209 с.

194. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

195. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

196. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов – М. : Флинта, 2006. – 254 с.

197. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Екатеринбургского университета, 2001. – 246 с.

198. Чудинов А. П. Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – С 89–94.

199. Шарипов К. К. Структурные и функционально-семантические особенности мифологической лексики в языках различных систем: автореф. дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец.: 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / К. К. Шарипов. – Душанбе: 2006. – 22 с.

200. Шевченко В. Д. Трансформированная цитата как средство взаимодействия дискурсов / В. Д. Шевченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 9. – СПб., 2007. – С. 70–78.

201. Щербачук Л. Ф. Отрицание и оценка в русской фразеологии: лингвокультурологический аспект / Л. Ф. Щербачук // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. – Казань, 2018. – С. 212-215.

202. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 160 с.

203. Яковлева Е. С. Особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом (на материале китайского и английского языков): дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. С. Яковлева. – Саратов, 2018. – 201 с.

204. Яценко Т. А. Каузация в русском языковом сознании: [монография] // Т. А. Яценко. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2006. – 478 с.

205. Benoit W. L. Content Analysis on Political Communication / W. L. Benoit // The Sourcebook for Political Communication Research / ed. by H. Bucy, L. Holbert –N.Y.: Routledge, 2011. -P.268-279.

206. Chandler Daniel. Intertextuality // Semiotics for beginners // <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem09.html>.

207. Fillmore C. Frame Semantics / C. Fillmore // Linguistics in the morning calm, ed. The Linguistic Society of Korea. – Seoul: Hanshin, 1982.

208. Johnson, M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 272 p.

209. Kristeva J. Narration et transformation // Semiotica. The Hague, 1969. No 4. P. 422-448.

210. Lakoff G. Metaphors We Live By // Lakoff G., Johnson M. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.

211. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous things / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987 – 614 p.

212. Mark J. Landau The Persuasive Power of Political Metaphors // Mark J. Landau, Lucas A. Keefer. – Kansas: University of Kansas, 2014. – 25 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

213. Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Лисовый И. А., Ревяко К. А. – Беларусь, 2001. – 253 с.

214. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Аст-пресс книга, 2006. – 784 с.

215. Краткий словарь мифологии и древностей / сост. М. Корш. – СПб. : А. С. Суворин, 1894. – 233 с.

216. Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Худож. лит., 1988. – 528 с.

217. Кто есть кто в мифологии Древней Греции и Рима. 1738 героев и мифов / А. Кондрашов. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 704 с.

218. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – Алма-Ата: Жалын, 1985. – 384 с.

219. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.

220. Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев. – М., 1991. – Т.1 – 671 с., Т.2 – 719 с.

221. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык. – 2000. – 1209 с.

222. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. – М. : «Гнозис» 2004. – 318 с.

223. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Ф. Павленков. – СПб. : Словарное издательство ЭТС, 1907. – 370 с.
224. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Оникс, 2008 – 1200 с.
225. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
226. Учебный фразеологический словарь русского языка / сост. Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – Л. : Просвещение, 1997. – 271 с.
227. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – М. : Астрель, 2008. – 828 с.
228. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.
229. Фразеологический словарь русского языка / авт. И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 608 с.
230. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / сост. В. В. Серов [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.bibliotekar.ru](http://www.bibliotekar.ru). Проверено 31.05.2019.
231. Энциклопедия «Музей фактов» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://muzeu-factov.ru>. Проверено 31.05.2019.